

ВУКТОР ТОЧУНОВ

ВСЕ
ЛИКИ
СМЕРТИ

Виктор Точинов
Все лики смерти (сборник)

«Точинов Виктор»

2014

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Точинов В. П.

Все лики смерти (сборник) / В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,
2014

Чудовища таятся под обманчиво гладкой поверхностью воды не только в глухих таежных озерах, но и встречаются в густонаселенных местах. Выходные, проведенные в компании отдельно взятого трупа, иногда ничем не лучше глобального нашествия зомби. А невинные детские игры могут порой закончиться не менее кроваво, чем зловещие вудуистские ритуалы. В новом сборнике Виктора Точинова представлено все многообразие жанров современной беллетристики: детектив, психологический хоррор, зомбиапокалипсис, боевик, мистический триллер... В одном из интервью писатель сказал, что не так уж важно, к какому жанру отнесут его творения издатели и критики, – главное, чтобы читатели этих историй не скучали.

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Точинов В. П., 2014

© Точинов Виктор, 2014

Содержание

Необходимое разъяснение	7
Повести и рассказы (1998–2013)	8
Уик-энд с мертвой блондинкой	8
Глава 1	8
1	8
2	9
3	10
4	11
5	12
6	13
Глава 2	13
1	14
2	15
3	17
4	18
Глава 3	19
1	19
2	20
3	21
4	22
Глава 4	23
1	23
2	25
3	26
4	27
Глава 5	29
1	29
2	30
3	31
4	32
5	32
6	33
Глава 6	34
1	34
2	35
3	36
4	37
Глава 7	38
1	38
2	39
3	40
4	42
Глава 8	43
1	43
2	44
3	44

Глава 9	46
1	46
2	48
3	49
Эпилог без хеппи-энда	50
Ночь накануне юбилея Санк-Петербурга	52
22 июня	74
1	74
2	76
3	78
4	83
5	86
6	89
7	95
Эпилог	98
Остров стрежневой	100
Любимая	115
Мальчик-вампир	118
Биплан-призрак	127
1	127
2	129
4	132
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Точинов Виктор

Все лики смерти

© Точинов В., 2014
© Северо-Запад, 2014

* * *

Необходимое разъяснение

Давным-давно – если быть точным, то одиннадцать лет назад, – на литературном семинаре Бориса Стругацкого обсуждали мой роман «Царь Живых». И прозвучал вопрос:

– Виктор, а почему в вашей книге так много внимания уделено смерти во всех ее проявлениях?

Много воды утекло с тех пор. Много книг написано. И я давно уже покинул семинар, и Борис Натанович покинул всех нас... А все тот же вопрос мне по-прежнему задают время от времени. Формулировки отличаются, но суть одна. И слова на обложке этой книги – новый повод услышать тот же самый вопрос.

Ответ у меня имеется лишь один. Тот же, что услышала на том давнем обсуждении писательница Елена Первушина, вопрос задавшая.

– Лена, жизнь человеческая очень коротка, – растолковывал я, изумляясь, как *такое* может не понимать писательница. – Коротка, и людей поэтому очень интересует не только вопрос: что там, за гранью? Но и сами две грани, два перехода, два пограничных состояния между *быть* и *не быть*.

Зачатие и смерть.

На этих двух опорах стоит все здание мировой литературы. Все, целиком и полностью, от величайших творений мэтров и грандов до опусов литературных поденщиков, наполненных порнухой и мокрухой...

У классиков, разумеется, эти две опоры столь явно не выступают, куда богаче декорированы, чем у Васи Пупкина, ваяющего очередную нетленку про Слепого, Хромого, Бешеного (нужное подчеркнуть), бодро марширующего от очередного трупа врага к очередной ждущей секса красотке. На то они и классики. На то он и Пупкин.

Но если разобрать на винтики и пружинки хоть пьесу Шекспира, хоть роман Льва Толстого – сюжет двигают те же пружины, те же конфликты, что и у Пупкина.

Смерть и зачатие.

Все остальное – или мемуары, воспоминания о себе, любимом, или научпоп, лишь замаскированный под художественную литературу: Бианки и прочие природоописатели занимались популяризацией птичек и зайчиков, «твердые» научные фантасты – технических новинок и т. д., и т. п. Сейчас тем же самым гораздо успешнее занимается канал «Дискавери».

Все вышесказанное не означает, что для достижения успеха у читателей достаточно нагромоздить горы трупов на страницах романа, повести или рассказа. Труп – объект достаточно скучный, гораздо интереснее то, что происходит с людьми и внутри людей на краю, на грани, в момент смертельной опасности, когда монета судьбы застывает на ребре: жить или умереть...

Не столь уж важно, кто или что выступает вестником смерти – неодолимая природная сила, маньяк с бензопилой или странное и опасное *нечто*, чуждое нашему миру и неведомо как туда проникнувшее. Или даже кровожадные демоны, существующие лишь в душе персонажа.

Впрочем, не будем далее занимать бумагу разъяснением тривиальных вещей в ущерб самим историям. Приступим к делу. Заглянем в лицо смерти, во все ее многообразные лики. Только помните: оттуда, из-за грани, тоже смотрят на вас...

Виктор Точинов, октябрь 2013 г.

Повести и рассказы (1998–2013)

Уик-энд с мертвой блондинкой

Александр Шеголеву, певцу ужасов ночи, шалопая, думающему о вечном, но хотящему странного, посвящается.

Глава 1

Плохой мальчишка

*Его передернуло: да, труп...
А. Шеголев «Ночь, придуманная кем-то»*

1

Людам не дано прозревать свое будущее, но очень хочется. И стараются они, как могут: раскидывают Таро и обычные карты, вглядываются в бобы и в кофейную гущу, обращаются к профессиональным шарлатанам... Иногда успешно, чаще всего нет.

Но порой будущее вполне очевидно – без всяких хиромантов и гороскопов. Например, если на полу вашей кухни лежит свежий труп человека, умершего насильственной смертью от вашей же руки... Тут гадать о дальнейшем не приходится: арест, суд, приговор, долгие годы за решеткой. Незачем мусолить наполненные оккультными знаниями фолианты. Достаточно заглянуть в тоненькую книжечку Уголовного кодекса.

Так Паша Шикунов и поступил.

Развернул дрожащими руками кодекс – на статьях, повествующих о всевозможных убийствах. Цифры не обнадеживали. Самая маленькая – шесть лет. Шесть бесконечно кошмарных лет среди очень плохих людей. Человеком после такого не останешься. На свободу выйдет навеки запуганное и забитое животное.

Люценко даже после смерти сохранила ехидное выражение лица. И, по крайней мере так казалось Паше, ехидный взгляд мертвых открытых глаз. Словно радовалась: теперь-то, дескать, получишь свое сполна, пло-х-х-х-хой мальчиш-ш-ш-ш-ка...

«Плохой мальчишка» – слова вроде и не особо оскорбительные – Люценко умела проносить с воистину змеиным шипением. Отшипела свое, сучка...

Паша с ненавистью посмотрел на нее, на расплзшуюся из-под головы темную лужицу. Попробовал пересечь – мертвый взгляд, казалось, переместился вслед за ним... Оборвав петельку, Шикунов рванул со стены кухонное полотенце. Издалека, не приближаясь, накиннул на мертвое лицо. Брезгливо подумал, что полотенце придется потом выбросить. И оборвал сам себя: какое еще «потом»...

НИКАКИХ «ПОТОМ» ДЛЯ НЕГО НЕ БУДЕТ.

Потом совсем другие люди подберут тряпку и приобщат к делу...

Стерва, стерва, стерва-а-а-а!!!

Ну почему он должен губить жизнь из-за какой-то гадины?

Которая к тому же сама во всем виновата? Сама на все напросилась?!

Нет, надо что-то придумать...

Он вновь сел к столу, закурил очередную сигарету. Стал думать. Кран на кухне подтекал, капли падали, отсчитывали что-то занудным метрономом... За окном светало – первые солнечные лучи пронизали затянувшееся кухню табачное марево.

2

Лющенко носила красивое имя Ксения, но так ее никто из общих с Пашей знакомых никогда не называл. И уменьшительно – Ксюшей – тоже.

Говорили: «Лющенко». Иногда и того хуже: «Наша отмороженная Лющенко».

Отчасти тому причиной стала старая школьная привычка называть всех по фамилиям (Шикунов с Лющенко когда-то были одноклассниками и жили по соседству). Но только отчасти. Во многом вину за такое обращение несли некоторые свойства характера Лющенко – весьма стервозного, прямо скажем, характера. Еще Андрюшка Кутузов, сидевший с ней в шестом классе за одной партой, вечно ходил с исцарапанными руками, – пускала в ход когти по любому поводу. И без повода тоже...

Годы шли, но характер вздорной девки не изменился. Разве что царапалась реже. Впрочем, Паша несколько лет с ней не виделся – долго жил и работал в Казахстане. Вернувшись, случайно встретил на улице минувшей осенью. И подумал: годы все-таки меняют людей, вот и Лющенко к своим двадцати восьми на человека стала похожа. Как же он ошибался...

Но в общении – так показалось тогда – действительно изменилась. Спокойно, без издевочек-ухмылочек, поздоровалась, назвала по имени, Павлом, а не прошипела, как бывало раньше: Ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф...

Постояли, поговорили. Расспросила – отнюдь не комментируя ответы язвительно – чем занимался после института (в студенческие времена доводилось порой встречаться); где пропадали последние годы, чем занят сейчас...

Паша отвечал лаконично, сначала даже несколько настороженно. По его воспоминаниям, Лющенко вполне способна была напустить на себя сочувственно-доброжелательный вид, прежде чем сказать расслабившемуся человеку особо выдающуюся гадость.

Не сказала.

Вместо этого поведала кое-что о себе: работает в сфере недвижимости, зарабатывает неплохо, вполне современная деловая женщина, семьей не отягощена. Хоть и понимает: пора бы, долгие гулять вольной казачкой не стоит, и мужчина есть подходящий на примете – более чем обеспечен и готов хоть завтра узаконить отношения, да что-то она все никак не может решиться – избранник на двадцать пять лет старше...

Звучало все спокойно, доброжелательно. И столь же доброжелательно прозвучал ее вполне естественный вопрос: а у тебя как на семейном фронте?

Паша ответил коротко: женат, двое детей, все в порядке.

И – соврал.

Но не объяснять же отмороженной Лющенко, что ничего у него не в порядке, что шесть лет брака идут псу под хвост по вине... Черт его знает, по чьей вине, оба, наверное, хороши, но он-то все осознал, понял и не повторит былые ошибки, а вот Лариска с ее попавшей под хвост вожжой... В общем, не предмет для уличных обсуждений.

Он соврал, но это ничего не изменило. Лющенко, как выяснилось позже, была в курсе всего. Умением вынюхивать сплетни отличалась феноменальным.

Однако вида не подала. И ничем информированности не выдала. Восхитилась: ну ты молодец! А кто: мальчишки или девочки? Ах, сын и дочка? А как зовут? А сколько лет? Кстати, не надо ли – есть два билета в Дом кино, на фестиваль старых советских мультфильмов, самых лучших... Сводил бы старшенькую, а то на штатовских мультсериалах, что нынче экраны заполнили, детей грех воспитывать.

Паша клянул.

С деньгами по возвращении было негусто, побаловать дочку лишний раз хотелось... И он клянул. Заглотил крючок, как глупый, прельстившийся червяком карась.

Так все и началось. А закончилось здесь, на прокуренной кухне...

3

Вопрос в следующем: видел ли кто-нибудь, как эта тварь шла к нему в квартиру?

Ответ: а хрен его знает.

В доме девять этажей, на каждой площадке семь квартир. Народу по лестнице ходит и в лифте ездит много, все жильцы друг друга и в лицо-то не помнят. Могли не заметить, не обратить внимания. Шансы неплохие.

Вопрос номер два: а кто, собственно, вообще знал, куда и к кому идет Лющенко?

С этим сложнее. Надо подумать. Живет (в смысле, жила до этой ночи) Лющенко одна. Родители съехали на оставшуюся от бабушки-дедушки квартиру, дабы не мешать обустроить личное счастье доченьке... Хотя какое там счастье с таким стержневым характером, но это вопрос уже другой. Короче – жили раздельно. Перезванивались, надо полагать. Но едва ли Лющенко подробно и ежедневно докладывала, кого собирается осчастливить визитом.

Друзья, подруги? Даже не смешно. Исключаются по определению. Разве что случайно встретила кого-то знакомого по пути к Паше... Ну допустим, встретила... И что? Тут же выпалила, что идет ночевать к Шикуну? А ведь могла, кстати. Вполне в ее духе. Особенно если надеялась, что как-то сказанное дойдет до Ларисы...

Но – ходьбы между их подъездами в соседних домах минуты три, максимум четыре. А в одиннадцатом часу вечера на улицах уже не так оживленно. Многие их общие знакомые – бывлые соученики – поразъезжались из родного микрорайона. Кто остался – люди теперь солидные, семейные, с гитарами в сумерках не шатаются.

Можно допустить с большой вероятностью: никто в целом свете не знает, что Лющенко сейчас лежит и медленно остывает на кухне Паши Шикунова.

А это значит...

Это значит, что никто и не должен узнать. Мало ли людей выходят из дома и никогда не возвращаются? Газеты и стенды так объявлениями и пестрят: ушла из дому и не вернулась...

Почему он, Паша, должен долгие годы расплачиваться за несчастный по большому счету случай? Даже нет, за самоубийство! Точно. Только желающая свести счеты с жизнью личность могла вести себя таким образом... Как дожила-то до своих лет – непонятно.

Вердикт ясен: самоубийство. Суицид. Неважно, что суду это никогда не докажешь. Доказывать ничего не придется, если...

ЕСЛИ АККУРАТНО ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ТЕЛА.

М-да, легко сказать...

Практического опыта в таких делах Шикуну не имел. Откуда? Но, по счастью, подобным вопросом часто озадачивались персонажи детективов, которые Паша любил полистать на досуге. Придется вспомнить прочитанное. Хорошенько вспомнить...

Наиболее простой путь – вновь дожидаться темноты и эвакуировать Лющенко на лестницу. Или сбросить с балкона. Самый простой путь и самый глупый. Исчезновение ее наверняка заметят уже *сегодня*, на работе уж точно... А если труп обнаружится *завтра* в непосредственной близости от шикуновской квартиры... Наверняка ведь хоть кому-то да проболталась о своем романчике с Пашей...

Нет, пусть уж Лющенко обнаружат где угодно, лишь бы не рядом с его домом. Тогда и перед людьми в погонах отрицать факт возобновления отношений незачем: ну да, провели

пару ночей вместе, вспомнили детство золотое – и разошлись тихо-мирно, ничего друг другу не обещая. Ни конфликтов, ни общих дел не имели, ищите, дескать, в другом месте...

Но – для этого Лющенко должна покинуть квартиру незаметно. И обнаружиться должна чем дальше и позже, тем лучше. А еще лучше – вовсе не обнаружиться. Точно. Идеальный вариант. Дела об исчезновениях распутывают отнюдь не с тем тщанием, как дела об убийствах. Если бы удалось распусть слух, что она увлеклась черноусым красавцем из далеких краев... Ладно, это уже излишества. Достаточно надежно спрятать тело. Нет тела – нет и дела.

Перед глазами последовательно, как слайды на экране, пробежали картинки.

Вот Паша накачивает свою резиновую лодку и выплывает в предрассветной тьме на середину водоема – самого глухого, безрыбного, отравленного сточными водами, где нечего опасаться рыбаков с сетями или аквалангистов. Вот он аккуратно переваливает через борт длинный сверток, утяжеленный камнями... Пахнущая мазутом вода беззвучно раздается и так же беззвучно смыкается. Все кончено. Да и не было ничего. Можно пойти домой и напрочь забыть привидевшийся кошмар...

Или – грезилося ему дальше – уединенная полянка где-нибудь в перелесках, примыкающих к Южной ТЭЦ. Он аккуратными пластами срезает и откладывает в сторону дерн, затем роет могилку, выбрасывая комья на заботливо подстеленный брезент. Опускает тело, засыпает, излишки земли – в припасенные мешки, дерн – на место... Без гроба уже через несколько месяцев можно будет откопать лишь скелет, не поддающийся опознанию. Хотя... Царскую семью вроде идентифицировали генными методами. Но там был случай особый, с найденными на пустыре мослами никто так дотошно возиться не станет.

Еще вариант – безлюдная по ночному времени стройка, Паша у бетономешалки (благо обращаться с подобными агрегатами научился в стройотрядах), длинный сверток ложится в опалубку... Нет. Стройка отпадает. Ночью недолго напороться на сторожа с собаками, да и наметанный глаз прораба утром сразу заметит неладное. Лес или водоем вполне подойдут.

Но сначала надо туда попасть. Вместе с трупом. Как-то проскользнуть, проскочить мимо сотен окон, за каждым из которых может скрываться пара глаз, с любопытством взирающих на улицу.

4

Мультфильмы, на которые он сводил Натусика, оказались так себе – отнюдь не самые лучшие. Но дочка была довольна, а Паша поневоле испытывал к Лющенко некое чувство благодарности. И при следующей случайной встрече (случайной? ну-ну...) как-то само собой получилось – пригласил в гости. Не то чтобы официально, в конкретный день и час, просто предложил заскочить как-нибудь по-простому, по-соседски... Идиот.

Она не стала откладывать в долгий ящик – дня через три-четыре позвонила, напомнила, пришла. Ничего компрометирующего в визите не было – Лариса и дети оказались дома. Посидели втроем на кухне, отправив играть Натусика и Пашку-младшего. Попили чаю с принесенным Лющенко вафельным тортиком. Поговорили о том о сем – основными темами стали воспоминания о школе да рассказы о Казахстане.

Выглядели тогда Паша с Ларисой – точнее, старались выглядеть при посторонних, – вполне благополучной семейной парой. Сор из избы не выносили. Конечно, политика страусиная: когда пресловутый сор уже подбирается к горлу и к окнам и дверям сквозь него не протиснуться, поневоле разнесешь избу по бревнышку, лишь бы вырваться на свежий воздух... Сор, граждане, лучше все-таки выносить – ночью и маленькими порциями.

Но тогда, полгода назад, им казалось, что за лакированным фасадом их семейной жизни никаких глубоких трещин Лющенко не заметила. Зря казалось.

Ей замечать нужды не было, она (Паша только потом понял) *все знала*.

Но, надо отдать Лющенко должное, душой она не была. Прекрасно понимала, что соваться сейчас в семейную усобицу совсем даже не стоит. Она и не совалась. Просто держалась неподалеку, поддерживала дружеские отношения, не давала о себе забыть. Выжидала...

И дождалась.

Как-то само собой получилось, что, когда Лариса ушла вместе с детьми и он понял: навсегда – и сходил с ума в пустой квартире, – позвонил Паша именно Лющенко. Без особых мыслей и планов, просто нужен был человек рядом, чтобы не дать скатиться в разверзшуюся у ног черную бездонную пропасть...

Она пришла.

И в тот же вечер они оказались в постели.

5

Машины у Шикунова не было, и это сильно осложняло дело.

Права имелись, но свою тачку он продал, уезжая из Казахстана, чтобы не перегонять за тысячи километров и не возиться со всеми таможенными формальностями. Хотя, может, особенных препон на российско-казахской границе и не существовало, он просто не узнавал, решив сразу: тут продам, там куплю – и все дела. Не сложилось.

Для начала выяснилось, что цены на авторынках Питера и Караганды несколько отличаются – и не в пользу Питера. Чтобы приобрести что-то равноценное, надо было хорошенько поискать... Но деньги, отложенные на покупку, как-то незаметно начали рассасываться – когда есть двое малолетних детей, а постоянной работы пока нет – вариант вполне закономерный.

В общем, машины у Шикунова не было. И денег на немедленную покупку тоже не было. Такси?

Смешно... Сюжет для черненькой комедии – он волочит из подъезда Лющенко, якобы вусмерть упившуюся, и говорит таксисту: нам куда-нибудь за город, в местечко побезлюднее да полесистее; но вы подождите, я сейчас за мешками да за лопатой схожу...

Какие еще возможны варианты? Выбор широкий. Купить по дешевке самую развалюху – прогнивший «москвич» или раздолбанный «запорожец». Взять напрокат. Воспользоваться транспортом кого-то из знакомых – по доверенности. Угнать, наконец.

Развалюха – вполне реально, но опасно. Сломается на полпути – и что дальше? Да и гаишники такой транспорт останавливать любят – знают, что найдут, к чему прицепиться. Не пойдет.

Прокат? Это в Америке легко и просто взять в аренду тачку. Как подступиться к такому делу у нас, Паша не имел понятия. И отложил вариант про запас.

Знакомые? Никто из знакомых ни ключей, ни доверенностей Шикунову не давал. Разве что обзвонить всех, кого только можно, сочинив какую-нибудь убедительную историю. Но рискованно. Это же сколько народу узнает, что ему вдруг срочно потребовался транспорт... А если люди в форме проявят интерес к Паше? Нет, доверенность – на самый крайний случай.

Вариант с угоном он не стал обдумывать. Понятия о ремесле угонщика были у Паши более чем приблизительные.

Значит – начать с проката. Полистать «Желтые страницы», узнать, какие фирмы этим занимаются, позвонить, спросить об условиях... Но это чуть позже, когда откроются конторы и офисы.

А сейчас стоит продумать главное – как труп преодолет двадцать метров от дверей парадной до стоящей на подъездной дорожке машины (допустим, у него будет машина). Лестница и лифт – не так страшно, можно выбрать такое время суток, когда там никто не встретится. С вероятностью девяносто девять процентов не встретится – но рискнуть придется.

Главное – эти злосчастные двадцать метров. Почему-то Паше казалось, что именно тут он и погорит. Случайный прохожий на улице или страдающая бессонницей бабулька за окном – и все, конец. Самое главное – не будет ведь покоя: видел кто? нет?

Тюк? Длинный сверток? Слишком подозрительный груз, и запоминающийся... Здоровенная коробка из-под холодильника, заваливающаяся в кладовке? В легковую машину не влезет, да и ворочать одному несподручно... Влюбленный несет на руках свою подругу? Ну-ну... А она обмякла и не шевелится...

Черт возьми! Любому нормальному человеку ясно, что убивать надо подальше от дома, на лоне природы, – чтобы труп добирался туда своим ходом!

Да что уж теперь. Как получилось, так и получилось...

6

Как-то так получилось, что в тот же вечер они оказались в постели.

И ведь не было такого, чтобы к Лющенко его влекло и лишь Лариса мешала. Не было. Истосковаться от недостатка женской ласки Паша тоже не успел, хотя, конечно, радости семейного секса остались в прошлом задолго до ухода жены. Но были, были у Паши связи на стороне – легкие, ни к чему не обязывающие. Поначалу – когда пошла семейная жизнь трещинами – покончил со всем этим; потом увидел: не помогает, и осторожно принялся за старое.

В общем, он и сам не знал, как очутился с Лющенко на нерасстеленном диване. Вернее – зачем? Защитная реакция организма? Может быть... Страх, что сейчас она уйдет – и снова навалится одиночество? Еще вероятнее...

Самое смешное, что в тот раз у него ничего не вышло. Не отошел от шока потери. Потому что жену любил по-настоящему, и интрижки на стороне тому не мешали – наоборот, считал, что такое разнообразие вносит свежую струю, не дает браку иссохнуть, окаменеть, покрыться плесенью.

И детей любил – без всяких оговорок.

...Лющенко и тогда повела себя достойно – ни издевок, ни попреков. Хотя могла и умела, ох как умела... Но она метила выше. Собиралась не просто развлечь себя парой-тройкой обычных случеек. Закреплялась всерьез и надолго.

Утешила: перенервничал, с каждым может случиться, все наладится и поправится. И точно – на следующую ночь у Паши *получилось*.

Так у них и пошло – каждый вечер Лющенко приходила, и не просто на романтическое свидание... Обживалась. Готовила и мыла посуду, по-своему переложила все кухонные принадлежности, повесила новые занавески. Наверное, она была Паше нужна в те первые дни. Наверное, без нее он падал бы и падал в беспросветную яму тоски, и кто знает, каких чудовищ там бы встретил...

Но через четыре дня, когда потрясение сгладилось, у Шикунова словно открылись глаза. Он спросил сам себя: а что, собственно, здесь делает эта женщина? Очень мало знакомая и совсем его не интересующая?

И сам ответил себе: Лющенко здесь уже живет. Вот так, не больше и не меньше.

Глава 2

Прикладные аспекты хирургии и патологоанатомии

Он поднял голову и посмотрел на нее...
А. Щеголев «Ночь, придуманная кем-то»

1

Солнце поднималось все выше. Перевалило через стоявшую напротив девятиэтажку, залило ярким светом прокуренную кухню. Пора звонить, узнавать все, что можно, о прокате автомобилей – но Паша не спешил. Незачем – пока не решен вопрос с транспортировкой трупа от подъезда до машины...

Хотя, если честно, решение имелось. Но Шикунов старательно обходил его, пытался найти какой-то иной, изящный и выигрышный вариант. Но таковых не оказалось. И мысли поневоле вновь и вновь сворачивали к нехитрому выводу:

ЦЕЛЫЙ ТРУП НЕЗАМЕТНО НЕ ВЫНЕСТИ. ЗНАЧИТ, НАДО ВЫНОСИТЬ ПО ЧАСТЯМ.

Он наклонился над телом. Сдернул полотенце с лица. Долго всматривался и уговаривал себя: это уже не человек, это груда мяса, костей и требухи. Куча мертвой органики. Какая разница – одна мертвая куча или две? Или четыре? Или восемь? Никакой.

Хотя есть, есть, есть разница. Если куча останется целой и неделимой, Паше придется долго об этом жалеть – несколько лет, каждый день. Жалеть в очень нехорошем месте.

Надо оттащить ее в ванну, подумал он. Оттащить и все подготовить. Может, за это время придет другая идея. Хотя в глубине души понимал прекрасно: не придет. Труп придется РАСЧЛЕНЯТЬ. Впервые Шикунов мысленно произнес это слово – и ему стало легче. Словно рухнул какой-то невидимый внутренний барьер...

Он ухватил Лющенко за лодыжки, показавшиеся странно теплыми, – и тут же выпустил. Пятки стукнули о пол. Паша торопливо рылся в выдвижном ящике кухонного стола, вываливая всевозможный ненужный, но отчего-то не выброшенный хлам: огарки свечей, консервный нож с обломанным лезвием, давно севшие батарейки, старый безмен, показывавший на полкило больше истинного веса... Наконец обнаружил искомое – пару резиновых перчаток.

Натянул, снова взялся за ноги трупа, потащил. Коротко и модно стриженные волосы Лющенко растрепались, собирали пыль и сор с пола. «Я у мамы вместо швабры...» – вспомнил Паша дразнилку, с которой в его школьные годы обращались к сверстникам, мало дружившим с расческой. Что-то там было еще, вроде даже в рифму, он не мог вспомнить и твердил про себя, как заведенный: «Я у мамы вместо швабры, я у мамы вместо швабры...» И – помогало. Станным образом низводило все до уровня какой-то игры. Страшноватой, но все же игры.

...Пол в ванной был сантиметра на три-четыре ниже, чем в прихожей. Порожек казался совсем невысоким, обычно Шикунов его не замечал, перешагивал совершенно автоматически, но сейчас показалось: затылок Лющенко ударился о плитки пола с громким треском – словно кто-то сломал о колено толстую сухую ветку. Он на несколько секунд замер, сам не очень понимая – отчего. Потом выругал себя: все только начинается, впереди большая работа, если так будешь шараться от каждой тени и каждого шороха – лучше сразу пойти и набрать «02».

В ванне стоял таз с грязным бельем, пришлось аккуратно, вдоль стенки, обходить труп и выставлять емкость в прихожую. Вернулся, попробовал перевалить Лющенко в ванну, подхватив за плечи, – не вышло, тело оказалось неподатливым и громоздким. Тогда он взялся за середину – там, где, по его расчетам, должен был находиться центр тяжести. На сей раз все получилось как надо.

Затылок трупа снова издал мерзкий сухой звук, еще более громкий – теперь треснувшись об эмаль ванны. Паша почти не обратил внимания. Он обдумывал, каким инструментом лучше воспользоваться.

Следующие двадцать минут были посвящены поискам – за пять лет подзабыл, что и где лежит в квартире, да и привезенные из Казахстана вещи по приезде он распишал кое-как, без особого порядка.

...Пила-ножовка оказалась в приличном состоянии – зубья наточены, разведены. А вот нож для разделки мяса – скорее даже не нож, а тесак – отыскался с большим трудом и выглядел плачевно: тупой, на потемневшем металле проступили пятнышки ржавчины. Похоже, никто не брал тесак в руки после смерти отца – у того изредка случались кулинарные порывы, причем никаких полуфабрикатов Шикун-старший не признавал, лишь парное, принесенное с рынка мясо. Но Паша с Ларисой питались проще: покупали котлеты или фарш, варили готовые пельмени...

Он механическими движениями гонял тесак по бруску – вжик, вжик, вжик, – а сам думал, как дико для него звучит прошедшее время: покупали, варили... Нет, к черту! Надо разделаться с этим кошмаром – и непременно помириться с Лариской. Она же умная баба, она поразмыслит и поймет, что в наше время остаться одной с двумя детьми – значит поставить крест на своей личной жизни... Поймет и вернется. Наверное, все будет по-другому, придется выстраивать отношения заново, осторожно и медленно, но...

«Но сначала надо избавиться от этой гадины!» – резко и зло оборвал Паша свои мысли. Иначе все их с Ларисой проблемы сведутся к одной-единственной: будет или нет она носить передачи в Кресты.

Он в очередной раз опробовал заточку на ногте – на совесть отточенное лезвие легко, почти без нажима срезало тончайшую стружечку. Честно говоря, и предыдущая проба была вполне удовлетворительна – но Паша продолжал точить тесак последние две-три минуты лишь для того, чтобы оттянуть момент, когда его придется пустить в ход.

Теперь надо позвонить насчет машины, потом подумать про тару и упаковку, потом... Он поймал себя на том, что придумывает новые и новые предлоги, чтобы не идти в ванную, чтобы не начинать... Разозлился, подхватил инструменты, пошел – от кухни до ванной каких-то восемь шагов, но он делал каждый следующий медленнее, чем предыдущий. С радостным облегчением вспомнил: нужен фартук или халат! К сожалению, долго искать спецодежду не пришлось...

Затем он неторопливо размышлял о необходимых размерах фрагментов. Затем – о местах разрезов и распилов. Все решил и продумал, пора, нечего оттягивать, кто-то и где-то наверняка уже заметил отсутствие Лющенко, время работает против Паши... Он всматривался в мертвое лицо – и накручивал себя, вспоминая, как кривились губы гадины, когда...

2

...Когда она прошипела:

– Пло-х-х-х-хой мальчиш-ш-ш-ш-ка...

Разговор имел место минувшим вечером на Пашиной кухне. Началось все безобидно. Лющенко сказала, что в воскресенье к ней заедут родители – повидаться, поговорить... И – пригласила Пашу принять участие в семейном ужине. Он отказался – возможно, резче, чем следовало. Но решение к тому моменту созрело: порвать раз и навсегда с Лющенко и предпринять все возможное для восстановления семьи.

Это был не первый его отказ – пару раз за минувшие дни она уже приглашала Шикунова к себе, побыть вдвоем. У него находились предлоги, чтобы отклонить приглашение. Ненадуманные – он устроился наконец на подходящую работу, начальником отдела в небольшую, но бурно растущую фирму. Оформился буквально за три дня до ухода Ларисы и с головой ушел в проблемы налаживания производства и сбыта – пытаюсь этим заполнить звенящую пустоту. Помогало.

Днем – а рабочий день затягивался у Шикунова до позднего вечера – боль потери при-туплялась. А вечером наготове была Лющенко – как таблетка-антидепрессант. Но идти к ней

домой отчего-то не хотелось. Казалось: тут какой-то рубеж, какая-то граница. Одно дело – она приходит к нему. Совсем другое – он к ней.

Но вчера вечером отговорки, касающиеся работы, пригодиться не могли – предстоял уик-энд. Да и вообще пришла пора расставить точки над *i*.

Паша расставил: сказал ей прямо, что не видит смысла в развитии отношений. И в затягивании – не видит. Поскольку люди они разные, и даже поговорить им толком не о чем: ну вовсе не интересно ему слушать, какие у Люценко были шикарные кавалеры на «вольво» и «мерседесах», как они делали ей дорогие подарки, возили по клубам и ресторанам, но все получили от ворот поворот, ибо по тем или иным причинам не оказались достойны своей избранницы.

Шикунов не преувеличивал. Других тем для разговора у Люценко не имелось. Вообще. Последнюю книгу она прочитала лет десять назад, с друзьями-подругами не общалась за их отсутствием. Если же ей доводилось выезжать за пределы Питера, то все впечатления, которыми Люценко была способна поделиться, сводились к сценарию очередного эпизода бесконечного любовного сериала – в декорациях Прибалтики или Крыма.

Возможно, позиция Паши – попользоваться женщиной как таблеткой от стресса и выбросить по истечении надобности – не блистала благородством. Но дальнейшие события показали, что благородство с Люценко – дело ненужное, глупое и даже опасное.

– Пло-х-х-х-хой мальчиш-ш-ш-ш-ка... – прошипела она, мгновенно сбросив все маски. И стала тем, кем и была все эти годы – расчетливой стервой-падальщицей.

Паша разозлился.

– Замуж неverteпуж? – поинтересовался он, стараясь произносить слова холодно и равнодушно.

И – с трудом увернулся от выплеснутого в лицо обжигающего кофе. Не совсем удачно увернулся – несколько горячих капель попали на шею и щеку. Вместе с болью он, как ни странно, почувствовал облегчение. Нынешняя Люценко – до сегодняшнего вечера – была какая-то *неправильная*. Но теперь все встало на свои места.

– Импотент сраный! – выплюнула Люценко.

Ухватила за край скатерть – и смахнула на пол со всем, что на ней имелось. Взгляд стервы скользнул по кухне – явно в поисках новых объектов для разрушения.

Паша оказался на ногах. Сказал со спокойным удовлетворением:

– Или ты уйдешь сама, собрав вещи. Или – выкручу руку и отволоку к двери. Потом вышибу пинком по заднице. А шмотки будешь подбирать под балконом. Выбирай.

Это стало ошибкой. Надо было сразу выкручивать руку.

– Думаешь, твоя краля вернется? Размечтался... – резанула по живому Люценко. – Она сейчас с Машкой Гусевой спит, чтоб ты знал. И это ей куда больше нравится, чем твои импотентные потуги!

Про Машу Гусеву он знал. Надеялся, что это мимолетное увлечение Ларисы было лишь призвано заставить Пашку остановиться, задуматься, пересмотреть отношение к семье и жизни. И он остановился, задумался, пересмотрел. Но Люценко... Ей-то как стало...

– Откуда... – начал Паша.

– Ты идиот, Ш-ш-шикуноф-ф-ф... Слепой как крот. И с членом такой же длины. Мы с Машкой работаем в одной фирме. И если женщина не желает изменять мужу с мужчинами, никто лучше...

Дальше он не слушал. Все ясно и понятно. Его семейная катастрофа вовсе не стала сцеплением нелепых случайностей – но работой стервозной интриганки. Нет, огонек тлел и до ее появления на горизонте, однако вовсе не грозил обернуться большим пожаром. Люценко же щедро плеснула пару ведер бензина.

Шикунов с трудом подавил острейшее желание вмазать суке со всего размаха по лицу, чтоб рухнула на пол, и бить, бить, бить ногами...

Не стоит. Она и без того проиграла. Просчиталась в главном – Паша на ее удочку не попался. Почти заглотив крючок, но в последний момент выплюнул. Значит, и ее домыслам о серьезности отношений Ларисы и Маши Гусевой нечего верить.

Он разогнул пальцы, уже сжавшиеся в кулаки. Сказал коротко и, как ему казалось, с ледяным спокойствием:

– Уходи.

– Х-х-хорош-ш-ш-шо, Ш-ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф-ф... – зашипела Лющенко вовсе уж позмеиному. – Я уйду...

Она двинулась якобы в сторону прихожей, Паша посторонился, давая дорогу, и... И, наверное, подсознательно он ждал чего-либо подобного. Каким-то чудом сумел уклониться от ее руки – острые когти прошли в считанных миллиметрах от Пашиного лица. Тут же мысок туфли ударил Шикунова по ноге – по голени, по кости, прикрытой лишь кожей.

О-у-у-у!!! Больно-о-о!

Паша отреагировал рефлекторно. От души врезал Лющенко по скуле. Она отлетела, не устояла на ногах. Падавая, ударилась виском об угол плиты. Шикуну показалось: вскользь, несильно. Однако, упав, осталась лежать неподвижно. Он подумал, что гадина притворяется, что стоит нагнуться над ней – снова пустит в ход когти...

Но Лющенко не притворялась.

3

По суставам, обязательно по суставам, подумал Паша. Разрезать, что разрежется, потом твердое – пилой.

Он наклонился над ванной, занес тесак... И снова распрямился. Опять забыл про перчатки, которые снял, пока искал и точил инструмент. Сходил на кухню, надел, но вся решимость за эти недолгие секунды куда-то подевалась. Шикуну снова наклонился, приложил лезвие к коленке...

В этот момент запиликал домофон.

Паша бросил взгляд на часы и застонал. Лариса! Как он мог забыть про нее! Вчера позвонила на работу, сказала, что в субботу с утра заскочит, заберет кое-какие детские вещи... Он пообещал, что будет дома.

ЧТО ДЕЛАТЬ???

Не открывать? А потом объяснить, что появилось какое-то срочное дело? Вариант неплохой, свои ключи Лариса брякнула на стол, уходя. Но...

Но имелся еще один комплект, запасной. Хранился на всякий случай он у тещи, жившей неподалеку – в пяти автобусных остановках. К матери-то и ушла Лариса. И как раз сегодня обещала принести и отдать ту связку.

Мысли металась в голове. Шикуну метался по квартире. Бросился на кухню, торопливо стал подтирать полотенцем засохшую лужицу крови – не доделав, помчался в ванную.

Домофон продолжал пиликать.

Куда же оттащить, куда же запихать тело? Лариса – чистюля невероятная, придя с улицы, тут же отправится мыть руки...

В крохотной «двушке» Шикуну подходящих мест не было. По крайней мере быстро ничего не придумывалось. Да и неизвестно, по каким углам-шкафам будет Лариса собирать вещи. А если не только детские? Если откроет платяной шкаф и увидит труп?

Домофон смолк. Паша издал слабый скулящий звук. Едва ли Лариса развернулась и ушла. Либо кто-то вошел или вышел, впустив ее, либо воспользовалась принесенными с собой ключами...

Так ничего и не придумав, Шикунов задернул пластиковую занавеску, скрыв из виду ванну вместе с содержимым. И тут же мелькнула спасительная идея. Щелкнул выключателем, привстал на цыпочки и схватился за висевшую в ванной лампочку. Раскаленное стекло обожгло сквозь тонкую резину, но Паша, матерясь, вывернул-таки лампочку на пол-оборота. Щелкнул выключателем снова – свет не зажегся.

До того, как простуженной канарейкой запиликал дверной звонок, Шикунов успел покончить с кровавым пятном на кухне. Совсем оно не исчезло, но выглядело теперь достаточно безобидно – словно тут разлили и небрежно вытерли кетчуп...

4

– Оттягиваешься на свободе? – без особого попрека спросила Лариса, кивнув на открытую дверь кухни.

Валяющуюся на полу скатерть и разбитую посуду Шикунов убрать не успел, кофейную лужицу тоже не вытер. Он проглотил комок в горле, попытался что-то ответить – и не смог.

– Не особо эстетично, но вполне логично, – продолжила она. – Я, пожалуй, разуваться не буду.

И – угадал, угадал Паша! – потянула дверь ванной, одновременно нажав клавишу выключателя.

– Что у тебя со светом, Шикунов? Вверни новую лампочку, есть же запасные...

Он наконец справился с речевым аппаратом. И голос прозвучал достаточно уверенно:

– Дело не в лампочке. Что-то с проводкой. Ты помой руки на кухне, я принесу полотенце и мыльницу. В ванной к трубам лучше не прикасаться – током бьет.

Сработало!

В электричестве Лариса ничего не понимала, но ударов током боялась панически – после того как в Казахстане едва не стала жертвой незаземленной электроплиты.

Лариса процокала каблучками на кухню, хмыкнула, переступив через следы разгрома. Паша принес обещанные полотенце и мыло, затем быстрым взглядом окинул кухню.

Проклятие!

На стуле лежала сумочка Лющенко!

Возможно, Лариса ее сразу и не заметила, стул стоял не на виду – был втиснут между холодильником и кухонным столом. Прятать было некогда, Паша торопливо уселся прямо на сумочку.

– Приглядываешь, чтобы не прихватила чего лишнего? – спросила Лариса, вытирая руки.

Он молча пожал плечами.

– Не бойся, все кастрюльки-сковородки останутся твоей красотке.

– Какой еще красотке?! С чего ты взяла?

Правдоподобно сыграть возмущение не удалось. Голос дрогнул, и закончил Паша до неприличия пискляво.

Лариса демонстративно втянула воздух носом и продекламировала:

– Тут женский дух, тут бабой пахнет...

Шикунов – машинально – тоже принялся, но ничего подозрительного не учуял. Скорее всего, дело в новых занавесках и в разложенной по-новому посуде...

Но спорить он не стал. Дождался, пока Лариса выйдет из кухни, торопливо закинул сумочку в ящик с инструментами – уж туда-то жена точно не сунется. Он по-прежнему думал о Ларисе как о жене; с формальной точки зрения дело так и обстояло – штампы о разводе в их паспортах отсутствовали. И – Паша очень надеялся – все еще могло наладиться. Он, собственно, возлагал большие надежды именно на сегодняшнюю встречу – поговорить по душам, напомнить обо всем хорошем, что у них было, о Натусике и Паше-младшем, в конце концов...

Вместо этого Шикунов упорно молчал до самого ухода Ларисы. И мысленно поторапливал ее: ну уходи, уходи же скорее. Что ни говори, жена и любовница, пересекшиеся в одной точке пространства-времени, – перебор. Даже если любовница мертвая...

Особенно – если мертвая.

Глава 3

Прикладные аспекты органической и неорганической химии

Герой все-таки решился выскользнуть из туалета.

Как он здесь оказался, и сам не помнил.

А. Щеголев.

«Ночь, придуманная кем-то»

1

Наконец он остался один. То есть, конечно же, не один – с Лющенко. Вновь поплелся в ванную, подвернул лампочку – она уже остыла и пальцы не жгла. Подумал, что надо бы снять с Лющенко одежду, чтобы не возиться потом с окровавленными тряпками. Даже не снять, но срезать...

Пошел было за ножницами, но застыл на пороге, осознав простую истину: сейчас он займется одеждой, потом вспомнит еще что-то важное и нужное, потом еще что-то... Лишь бы не приступить к главному.

Он разозлился. Нагнулся над ванной, схватил тесак – к черту перчатки! Но едва отточенное лезвие коснулось кожи, весь порыв испарился. Паша по инерции провел тесаком по коленке – едва-едва, бессильно. Кожа разошлась неглубоким разрезом. Крови не было. Гладкая рукоять тесака выскользнула из вспотевшей ладони. Сталь звякнула о ванну. Паша тяжело опустился на кафельный пол, замер неподвижно.

Все кончено.

Он никогда не сможет сделать ЭТОГО.

Никогда...

Сидел долго, мысли в голове вертелись какие-то дурацкие, абсолютно несвоевременные: вспоминал, как прошлым летом всей семьей ловили рыбу бреднем – здесь, под Питером, в отпуске; как истошный вопль Натусика: «Пашка тонет!» – заставил бросить снасть в самый ответственный момент; но двухлетний Пашка-младший не тонул – просто, увлеченный невиданным зрелищем, чересчур перегнулся над рекой и шлепнулся в воду у берега, где глубина оказалась по щиколотку...

А вот Пашка-старший сейчас тонет. Вернее – уже утонул. Сидит на дне и не пытается барахтаться.

Но должен же быть какой-то выход! Красивый и изящный, без грубой мясницкой работы, на которую Шикунов решительно не способен...

...Сколько он терзал память в поисках намека на спасительную идею, Паша не знал. На часы он догадался взглянуть только много позже, когда квартира стала напоминать пункт по приему макулатуры – вываленные с антресолей многочисленные пачки журналов, часть которых Шикунов успел распотрошить, делали вполне уместным подобное сравнение...

Он посмотрел на запястье. Четверть первого. Однако... Но время потрачено не зря – Паша держал в руках старый номер «Огонька», где черным по белому был напечатан рецепт спасения.

Это оказался переводной детектив, роман без начала и без конца – родители в те годы «Огонек» не выписывали, покупали в киосках от случая к случаю, что весьма раздражало

школьника Пашу, которого в журнале интересовали лишь приключения с продолжениями. Чем закончилась та история, он так никогда не узнал – изданный отдельной книгой детектив Шикуну не встречался. Вполне возможно, что книжка и не выходила: больно уж интересные вещи там описывались.

А именно: один англичанин столкнулся точь-в-точь с Пашиной проблемой. И решил ее достаточно оригинально – растворил труп в кислоте! В собственной ванне!

Оказывается, сильные кислоты, напрочь разъедая органику, на керамическую эмаль не воздействуют. Зато весьма активно воздействуют на металлы – и хитрый англичанин, неплохо знавший химию, тщательно заделал все мельчайшие трещинки на эмали ванны. Попросту залил расплавленным парафином. Тем же парафином изолировал металлическое кольцо стока и пробку, онный сток затыкающую. А также цепочку, посредством которой надлежало в положенный срок пробку выдернуть.

И все у этого британского алхимика получилось!

Труп превратился в раствор всевозможных органических соединений – и тихо-мирно утек в канализацию, где и смешался с прочими отходами (самое подходящее для суки Лющенко место!). Главное – заткнуть все дверные щели влажной тряпкой, чтобы выделяющиеся по ходу химического процесса ядовитые испарения не просачивались из ванной в квартиру. А потом не забыть промыть сток большим количеством холодной воды.

И все!

Никаких следов, никаких улик!

По крайней мере Скотланд-Ярд в романе угодил в тупик. Надо думать, как-то в недостающих номерах бравые инспектора и полисмены разгадали загадку, не может детектив закончиться торжеством преступника – но едва ли наши менты обладают дотошностью романых сыщиков.

Да им и в голову не придет, что у нас возможно *такое*. Доморощенным убийцам размаха и фантазии на подобные изыски не хватает. Пойманным глупцам не хватает, поправил себя Шикун. Потому что никому неизвестно, каким именно способом исчезли из этого мира люди, которые до сих пор числятся пропавшими без вести. И Лющенко будет числиться. И про Лющенко никто не узнает...

Остается самое простое – не привлекая лишнего внимания, закупить нужное количество кислоты.

Повезло. Магазин «Реактив», телефон которого Паша отыскал в «Желтых страницах», по субботам работал.

2

Какой конкретно кислотой воспользовался персонаж, в найденном Пашей отрывке не упоминалось. Но из школьного курса химии помнилось: вроде бы самые сильные кислоты – соляная, серная и азотная. И, кажется, еще фосфорная – но такой в «Реактиве» не оказалось.

Соляная отпала сразу – продавалась крохотными пятидесятиграммовыми пузырьками и стоила слишком дорого. Азотная и серная кислоты были разлиты в тару посolidнее – в литровые бутылки. Надежней их, пожалуй, смешать. Получится «царская водка», способная растворить даже золото, не то что какую-то сучку...

Или в «царскую водку» все-таки входит соляная? Ладно, неважно... Для его целей вполне хватит и серной кислоты, смешанной с азотной.

Паша прямо у прилавка занялся вычислениями, досадуя, что не сделал этого дома. Какой объем у ванны? Литров триста, не меньше. А у Лющенко? Да черт ее знает... Поразмыслив, Шикун решил, что меньше чем сотней литров кислоты не обойтись. А для гарантии лучше взять полтора.

Однако... Мало того, что вес неподъемный получается, да и цена кусается, так ведь и покупают здесь обычно одну-две бутылки... И в магазине наверняка запомнят такого редкого клиента.

Тогда он предпринял хитрый маневр. Подошел к продавцу, сказал, что приехал из провинции и желает прикупить кое-каких химических реактивов (кислоту благоразумно не упомянул). Но – в больших количествах и по оптовой цене... Короче говоря, подскажите: где можно таким образом затовариться?

Продавец скрытничать не стал: да у них же и можно, на оптовом складе, на Охте. Дал адрес и телефон, но предупредил – в выходные склад закрыт, приезжайте в понедельник.

Паша настаивал: дескать, хорошо бы сегодня, на завтра уже куплен билет. Нет ли другой точки на примете? Работающей по субботам? Таковых продавец не знал и уверял, что все оптовики в выходные отдыхают.

Это меняло ситуацию – в худшую сторону. Два дня Люценко проваляется в его квартире. Но иных вариантов Паша не видел... Поблагодарил продавца, сказал, что перенесет отъезд – и тут труженик прилавка добавил головной боли. Сказал, что оптом реактивы отпускаются лишь организациям – так что не забудьте доверенность, пожалуйста.

3

Вот не было печали... Бланк доверенности от липовой фирмы достать не проблема, знал Паша один ларечек на техническом рынке, бойко торгующий подобными бумажками. Но в доверенность полагается вписывать паспортные данные получателя. И теоретически предъявлять ее надо вместе с паспортом. Часто второе правило не соблюдается, есть бумажка с печатью – и ладно. Но фирма, торгующая сильнодействующей химией, может потребовать соблюдения всех формальностей...

С этими грустными мыслями Паша ввинтился в переполненный салон сорок пятого троллейбуса и покатил в сторону рынка «Юнона». Где стал обладателем – как и ожидалось, без особых хлопот и затрат – доверенностей аж от трех фирм. Поразмыв, решил, что оформит доверенность на вымышленную фамилию, заполнит фальшивыми паспортными данными и отправится в понедельник на Охту. Спросят паспорт – скажет, что забыл дома. Продадут кислоту – хорошо, нет – попробует тот же вариант в другой фирме, торгующей химией. Где-нибудь да повезет.

Побродив час по рынку, Шикунов приобрел респиратор – дабы не надыхаться ядовитых испарений, и прорезиненный комплект химзащиты – на всякий случай, чтобы не попала на кожу случайная капля кислоты. Химзащита продавалась в контейнере с рыбацкими принадлежностями – водонепроницаемые штаны и куртки были в большом ходу у рыболовов. Там же Паша купил и складной багорчик для зимней рыбалки – подцепить пробку из слива ванной; изолировать парафином от кислоты каждое звено цепочки казалось делом ненадежным.

Походил еще, обзавелся источником парафина – двумя упаковками толстых свечей. Больше ничего необходимого для задуманной операции в голову не приходило. Но Паша бродил и бродил между ларьков, контейнеров и прилавков – возвращаться домой, где в ванной расположилась Люценко, не хотелось.

Лишь ближе к вечеру, когда продавцы начали сворачиваться, а толпа покупателей поредела, Шикунов волей-неволей отправился восвояси.

Снова втискиваться в троллейбус Паша не стал – в этот час с рынка уезжали слишком многие. Поехал на маршрутке, благо та доходила почти до дома. Но и это средство передвижения не оказалось оптимальным – под вечер Ленинский проспект был забит пробками.

...Микроавтобус полз со скоростью пятьдесят метров в минуту. Жара внутри раскалившейся на солнце металлической коробки стояла несусветная. В открытые окна вместо свежего

воздуха врываются выхлопные газы... Но немилосердно потеющего Шикунова охватил вдруг ледяной холод. ЖАРА!!! – чуть не завопил он. Всем известно, что происходит на жаре с мертвецами. В ванную, допустим, солнечные лучи не попадают – зато вдоль стенки там идет змеевик с горячей водой. И что станет с Люценко за двое с лишним суток при такой температуре? Ничего хорошего. Вонь будет стоять на всю квартиру. Хуже того, может просочиться на лестницу.

В памяти у Паши всплывали истории об одиноко живших людях – и одиноко умерших, – обнаруженных мертвыми именно по сочащемуся сквозь неприметные дверные щелки запаху... Хотелось выскочить и побежать к дому, обгоняя ползущие в пробке машины.

Он сдержался.

До дома километров семь, не меньше – а затор наверняка возник не так далеко, на углу Кубинской улицы. Странное там место – вроде и обзор не такой плохой, но много лет с непонятной регулярностью сталкиваются машины. Автомобильный Бермудский треугольник какой-то... Паша буквально *заставлял* себя размышлять об аномальной зоне на пересечении Кубинской и Ленинского – лишь бы не думать о том, что ждет его дома. И кто.

4

На лестнице он остановился возле своей двери. Принюхался. И долго не мог понять – не то из-за двери действительно *пахнет*, не то шутит шутки взбудораженное воображение.

Входить не хотелось, но он вошел. Первым делом потянул воздух носом – вроде ничего особенного, никакой шибящей в нос вони... Обычный запах квартиры, в которой много курили, а потом не проветрили.

Сразу же – не раздеваясь, не разуваясь – Шикунов прошел в ванную. Люценко лежала на том же месте, в той же позе, только пятно крови вокруг головы спеклось, почернело. Преодолевая брезгливость, Паша чуть-чуть сдвинул в сторону ее ноги, вставил пробку, открыл кран с холодной водой.

Ванна медленно наполнялась. Одежда Люценко темнела, намокала. От кровавого пятна поползли розовые прожилки. Волосы шевелились в беспокойной воде. Когда-то – в далекие школьные годы – Люценко была рыжеватой шатенкой. Но в последнее время перекрасилась в блондинку. Светлые, лишь чуть потемневшие в воде волосы у самых корней казались почти черными – словно какие-то присосавшиеся к голове трупа живые червеобразные паразиты с черными головками. Они и в самом деле *живые*, вспомнил вдруг Паша: где-то он читал, что и волосы, и ногти растут много недель после смерти; растут, не зная, что принадлежат уже мертвецу.

От мысли, что какая-то часть Люценко жива, стало мерзко. Шикунов торопливо отвернулся от трупа, протянул руку под раковину, нащупал и завинтил вентиль горячей воды. Помыть руки и холодной можно, а температура сразу упадет. Только до понедельника надо будет несколько раз, по мере нагревания, сменить холодную воду, заполняющую ванну. Хотелось надеяться, что это поможет задержать разложение...

Пожалуй, хватит воды, решил Паша и потянулся к крану. И в этот момент зазвонил телефон.

Он замер.

КТО?

Возможно, это вполне безобидный звонок: коллеги по новой работе, родственники, знакомые... Лариса, в конце концов.

Но почему-то трубку брать не хотелось. Вдруг Люценко уже хватились? Вдруг уже ищут? Может, пока не милиция, пока лишь родители... Не стоит отвечать. Нет никого дома, и точка. Имеет право человек уехать куда-нибудь в законный уик-энд?

Он стоял, замерев, словно неосторожное движение могло выдать Пашино присутствие неизвестному абоненту. А тот попался настойчивый – телефон трезвонил и трезвонил. Наконец смолк – Шикунов метнулся на кухню, выдернул телефонный штепсель из розетки. Затем повторил ту же операцию со вторым аппаратом, в большой комнате.

Все, никого нет дома. Все в турпоходе или на даче.

На звонки в дверь тоже не следует реагировать. Лариса, по счастью, запасной комплект ключей принесла, не забыла – и ее несанкционированных визитов опасаться не стоит... А еще – для полной гарантии – не стоит включать свет, как стемнеет. Не то очень опасная нестыковка может получиться. Благо ночи сейчас белые, темнеет поздно... И – никаких громких звуков. Чтобы за стеной не услышали звук телевизора или...

Черт!!!

Паша рванулся с места – из ванной донесся плеск льющейся через край воды. Торопливо завернул кран, торопливо бросился за тряпкой. Только этого не хватало! Закапает у нижних соседей с потолка – и будут стучать-звонить в дверь до победного конца, проверено на опыте.

Но вроде обошлось, успел вовремя... Шикунов последний раз выжал тряпку над раковиной, принес из кухни кастрюлю – вычерпать из ванны лишнюю воду. Зачерпнул, неосторожно коснувшись Люценко, – и труп шевельнулся.

Померещилось, конечно же, померещилось... Обычный оптический обман. В движение пришла поверхность воды, но никак не скрюченные пальцы мертвой женщины.

Проклятая тварь не осталась на дне, как он подспудно надеялся. Болталась на поверхности – лицо и грудь торчали из воды. Глаза по-прежнему были открыты. И по-прежнему косили в сторону Паши.

Он снова зачерпнул воду – и снова с содроганием заметил легкое движение Люценко...

Внезапно, без всяких предупреждающих позывов, его скорчила рвотная судорога. Шикунов согнулся над раковиной, издавая омерзительные звуки. Наружу вылетали зеленоватые слизистые капли. Паша с удивлением вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего ужина. Но, странное дело, за весь день совсем не почувствовал голода.

И сейчас аппетита не было. Лишь смертельная усталость да желание – скорее бы наступил понедельник.

Глава 4

Сбагрил тело-гуляй смело

*Он рыдал кашлем и жалобно спрашивал сквозь спазмы в горле:
«Чего это, а? Чего это?»*

А. Щеголев.

«Ночь, придуманная кем-то»

1

Разбудил его звонок в дверь. Весьма настойчивый звонок – электронная пташка-канареечка едва успевала завершить одну хриплую трель и тут же снова начинала чирикать.

Паша оторвал голову от подушки. За окном светло, но часы на руке показывают что-то невразумительное. Шесть утра? Шесть вечера? В питерском июне так сразу и не поймешь... Впрочем, судя по тому, что Паша спал одетым, под легким пледом, все-таки это был вечер... Точно, вспомнил он: прилег вздремнуть после обеда.

Звонок продолжал заливать.

Не отпирать! Ни в коем случае не отпирать! Только через секунду Шикунов понял и осознал, что таиться теперь ему незачем – неаппетитная органическая жидкость, бывшая когда-

то сучкой Лющенко, давно утекла в канализацию, а так и не растворившиеся крупные кости зарыты в надежных местах. И большое количество воды с высыпанной в нее пищевой содой уничтожило любые следы кислоты в трубах.

– Кто там? – сонным голосом спросил он, подойдя к двери. Заглянул в глазок и увидел пожилых лет мужчину с деловито-казенным лицом, украшенным подковообразной бородкой. Мгновением спустя обзор перекрыла развернутая книжечка удостоверения.

– Я техник-смотритель из РЭУ, – прозвучало из-за двери. – Плановая проверка.

Какая, к чертям, еще проверка? Открывать совсем не хотелось. Не открывать было нельзя. Ладно, пусть проверяют. Все чисто, никаких следов...

Едва дверь распахнулась, тут же выяснилось, что техник заявился не в одиночестве. Его сопровождали двое здоровенных парней в спецовках. Один из них держал в руках потрепанный фанерный чемоданчик, другой – здоровенный разводной ключ. Водопроводчики, надо понимать. Шикуну это совсем не понравилось.

– В чем дело? – неприятно осведомился он, расположившись в прихожей так, чтобы перекрыть подступы к санузелу.

– У жильцов на первом этаже неприятность вышла, – не чинясь, объяснил техник. – Женщина в ванной мылась и обожглась едкой химией. Похоже, фановая магистраль – именно ваш стояк – где-то внизу засорилась. Какая-то химическая гадость поперла... Вышибла пробку стока – и в ванну...

– Какое отношение это имеет ко мне? – еще неприятнее спросил Шикун. – Я канализацию не засорял.

Он подозрительно смотрел на техника-смотрителя. Чем-то его лицо показалось знакомым, хотя Паша никогда не видел этого человека.

– А тетка обожженная, – пояснил бородач, – в суд подала на РЭУ. Большие деньги отсудить собирается. Что же нам, за чужие грехи платить? Тут кто-то у вас химическое производство затеял. В одной из восьми квартир, что на вашем стояке... И нагло нарушает все инструкции и правила эксплуатации жилого фонда. Сливают жидкие отходы в канализацию. А она совсем не для того сделана...

– Я ничего не затевал! Никакого производства! – возмутился Шикун. Голос предательски дрогнул.

– Тогда и проверки нечего опасаться, – резонно заметил смутно знакомый техник. – Давайте, ребята.

Один из ребят надвинулся своей быкообразной тушей на хозяина квартиры. Паша поневоле сделал шаг назад. Второй – бочком, по стеночке – просочился в ванную и тут же чем-то там загремел-загрохотал.

– Не волнуйтесь, – успокаивающе сказал техник. – Соседи ваши говорят, что вы редко дома бываете, какое уж тут...

Его речь прервал копавшийся в стоке водопроводчик, удивленно присвистнувший.

– Глянь-ка, шеф! Что за ерунда? – Парень вышел из ванной, в пальцах его темнел непонятный комочек.

Паша прищурился, пытаясь разглядеть находку в тусклом освещении прихожей. И увидел – из-под слоя сероватой слизи блеснуло желтым!

Золото!

Черт побери! Он ведь специально посмотрел в энциклопедии: «царская водка» – смесь все-таки азотной и соляной кислот. А приготовленный им коктейль золото не растворял. И вот результат – недоглядел, и какая-то из золотых побрякушек сучки обнаружилась в сливе... Сейчас придется изображать бурную радость от находки якобы давно затерявшегося кольца или серьги.

Водопроводчик растер в пальцах маленький комочек слизи. И удивленно охнул:

– Фикса! Зуб золотой натуральный!

Паша отреагировал мгновенно и рефлекторно. Резким толчком отшвырнув техника, он бросился к двери, по счастью незапертой.

Не успел.

Сзади схватили, затрещала рвущаяся рубаха. Паша обернулся – ударить, сбросить вцепившуюся руку – и увидел несшийся в лицо тяжелый разводной ключ.

Не стало ничего.

...На лицо лилась струя ледяной воды, затекала в нос... Паша захлебнулся и разлепил веки, отплевываясь и отфыркиваясь. Струя иссякла.

Шикунов проморгался и узрел собственную ванную комнату – но вывернутую под каким-то немыслимым углом. Через секунду понял, что лежит на дне ванны – точь-в-точь, как совсем недавно Лющенко.

Паша попробовал приподняться – ничего не вышло. Руки и ноги были надежно стянуты. Рот оказался залеплен – по всему судя, скотчем.

Удивиться он не успел. Сверху раздался голос техника-смотрителя – но звучал он теперь по-другому, вовсе не так вежливо – жестко и грубо.

– Оклемался, крысеныш?

Сверху нависло перевернутое лицо. Как и голос, изменилось оно разительно. Бороды не было! И Паша узнал этого человека!

– Ты убил Ксению, – проскрежетал отец Лющенко. – Убил так, что мне даже нечего похоронить. А проклятые менты не желают заводить дело без трупа. И эта золотая коронка ни в чем их не убедит... Ты хорошо все просчитал, гаденыш. Только не учел одного. Что я живу по принципу – зуб за зуб, око за око... Приступайте, парни! Осторожнее, на себя не плесните...

Лицо исчезло. Вместо него нависла бутыль. Огромная, из толстого стекла, с винтовым горлышком. Пробки не было. Бутыль поддерживали четыре руки в замызганных рукавах спецовок. Емкость наклонялась – медленно-медленно...

Паша истошно заорал. Из заклеенного рта не вырвалось ни звука. Но внутри бился отчаянный, проникающий во все закоулки организма вопль – и стал еще громче, когда лица коснулись первые жгучие капли...

2

Он проснулся от собственного крика. Вскочил с дивана, отшвырнув одеяло. Куда-то и зачем-то бросился, на втором шаге остановился. Сон, всего лишь сон... Но это же надо такому присниться... Паша коснулся рукой разгоряченного лица – казалось, оно до сих пор горит от вылитой кислоты.

Черт! Похоже, температура... Только заболеть сейчас не хватало.

Шикунов опустился на диван, медленно отходя от кошмара. Посидел, перебирая подробности сновидения. Пожалуй, одно рациональное звено там было.

Золото.

Паша наяву заглянул вечером в энциклопедию и уточнил состав «царской водки». Ингредиенты, покупка которых запланирована на понедельник, золото действительно не растворяли. Надо будет снять все, что найдется на шее, на пальцах и в ушах Лющенко. И – как ни противно – придется залезть в рот гадине. Чтобы ночной кошмар не воплотился в реальность.

От этих мыслей Шикунова отвлек банальный озноб. Неужели действительно простудился? Он босиком прошлепал на кухню, разыскал аспирин в аптечке, кинул в рот две таблетки, запил водой прямо из носика чайника. Затем посетил туалет и сунулся было вымыть руки в ванную. Приоткрыл дверь – и отдернулся. Странно... Днем возился с Лющенко, таскал

ее по квартире, поднимал и переваливал в ванну... а теперь не мог заставить себя переступить порог и оказаться в одном помещении с трупом.

Насиловать себя Паша не стал – вымыл руки на кухне, холодной водой. Но подумал, что симптом тревожный. Предстоит большая работа, и нечего тут изображать кисейную барышню.

А для успокоения нервов стоит хорошенько выспаться.

3

Однако – не спалось.

Шикунов ворочался, в сотый раз обдумывая, что сделано и что предстоит сделать. Но каждый раз мысли сворачивали на приснившийся кошмар – казалось, стоит упустить любую крохотную мелочь – и сон сбудется. Может, в несколько ином виде, может, вместо папаши и лжепроводчиков придут люди в милицейской форме – но финал от этого станет не намного приятнее.

Не придут, твердил себе Паша: нет тела – нет и дела. Но спокойнее от этой ментовской поговорки не становилось. Тем более что тело пока наличествовало.

Наконец он скомандовал сам себе: спать! Закрыл глаза и постарался ни о чем не думать.

Но сон не шел. Ночная квартира была полна звуками – тихими, таинственными, на которые днем Шикунов совершенно не обращал внимания.

Сначала его внимание привлекло еле слышное – на грани восприятия – не то поплескивание, не то побулькивание. Вода, всего лишь вода в трубах, – успокаивал себя Паша. Просто-напросто кому-то из верхних соседей ночью приспичило – а потом соседка опростал сливной бачок в канализацию. Наверное, все так и есть. Но отчего-то казалось, что звуки доносятся из *его ванной*. Из-за занавески. Звук был такой, словно на рассвете тихо-тихо плескалась в камышах крупная и осторожная рыба. Очень крупная рыба.

Он не выдержал. Вскочил. Бросился к ванной, включая на пути свет – в комнате, в прихожей, – напрочь позабыв о светомаскировке.

Рывком распахнул дверь.

И замер.

Голубая пластиковая занавеска ШЕВЕЛЬНУЛАСЬ!

Тьфу, черт... Всего лишь движение воздуха от резко открывшейся двери. Паша аккуратно отодвинул самый краешек занавески – увидел мокрые волосы и гладкую поверхность воды. Плеск доносился никак не отсюда. Можно спать спокойно...

Но и на этот раз не получилось. Сколько ни стискивал Шикунов веки, сон не шел. Опять доносили звуки. На далекий плеск он уже не обращал внимания, но теперь стал слышаться скрип. Будто кто-то осторожно шагал по паркету – шагнет, постоит, шагнет снова... Причем шагал неведомый кто-то в направлении Паши.

Тот успокаивал себя: паркету тридцать с лишним лет, дерево пересохшее, за день нагрелось, сейчас остывает, поскрипывает... Мысли были логичные, но облегчения не приносили. К тому же скрипу стал вторить какой-то легкий свистящий шорох, который остывающее дерево издавать никак не могло. Больше всего это напоминало – ерунда, не может такого быть! – дыхание.

Сквозняки, конечно же, это сквозняки, воздух сочится в замочную скважину или в щели неплотно притворенной форточки, обычное дело...

Но почему с такой периодичностью? То возникает, то исчезает?

Потом на кухне включился холодильник – заслуженный ЗИЛ-ветеран – и заглушил все. Шикунов вздохнул с облегчением.

Но, поработав, агрегат холодильника смолк – и странные звуки возобновились. Теперь к поскрипыванию и свистящему шороху добавилось редкое «кап-кап-кап». Кран, кран на кухне с подтекающей прокладкой... Только почему его не было слышно раньше?

Звуки становились все слышнее, явственнее. И – Паша начал различать какие-то модуляции в шорохе-выдохе. Затаил дыхание, вслушиваясь. Шипение стало громче – или просто приблизилось? – и он с ужасом понял, что это шепот. Свистящий шепот. Казалось, еще чуть-чуть – и можно будет разобрать слова. Вернее, одно и то же слово...

И очень скоро Паша разобрал его.

– Ш-ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф-ф... – прошипело *ничто*. И снова, после паузы: – Ш-ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф-ф...

Заорав, он вскочил. Бросился к выключателю – включить свет, включить музыку, плевать теперь на соседей – и остановился. Вокруг было светло. Утреннее солнце врывалось в окна. Снизу, с детской площадки, доносились звонкие голоса. Стрелки настенных часов подползали к одиннадцати.

Сердце стучало о ребра быстро-быстро, словно для него ночной кошмар продолжался. Паша облизал пересохшие губы. Ну и ну... Интересно, первое пробуждение тоже приснилось? Он прошел на кухню – на столе лежала раскрытая аптечка, рядом упаковка аспирина, двух таблеток не хватало. Шикунув облегченно вздохнул. Значит, он действительно просыпался. Действительно принял лекарство. А потом уснул, сам того не заметив. Не было никаких плесков, никаких скрипов. И никакого кошмарного шепота...

НЕ БЫЛО.

Но одно ясно – ночь на понедельник лучше провести не здесь. Иначе легко и просто можно спятить.

4

– Паша! Шикунув! – позвал его знакомый голос, но чей – Паша не понял.

Шикунув остановился. Внутри, внизу живота, лопнула емкость с чем-то жидким и холодным – и это жидкое медленно растекалось по всему телу. Примерно так Паша себя почувствовал, когда мать в седьмом классе застала его за мастурбацией. Хотя, казалось бы, в чем сейчас криминал? Идет себе человек с большой сумкой в сторону станции, собрался съездить за город в свой законный выходной...

Он заторможенно обернулся.

Тамара. Тамара Владимировна – бывшая одноклассница, его и...

И Лющенко.

– Привет, – бесцветным голосом произнес Паша.

Как некстати... Раньше он любил поговорить с Тамарой – она, женщина на редкость общительная, служила связующим звеном между выпускниками их класса, поддерживая связь даже с уехавшими из района и вообще из города. Даже с редкими стервами вроде Ксюши Лющенко. И знала все обо всех.

Тамара подошла. Спросила:

– Ну как твое ничего? – Стандартный для нее вопрос.

– Да все так как-то... – Стандартный обтекаемый ответ Паши.

– Я слышала, ты на денежную работу пристроился? И... с Ларисой вроде разошелся?

Или сплетни?

– От кого слышала? – спросил Шикунув с нехорошим предчувствием.

– От нашей отморозенной Лющенко, от кого еще... Вы ведь с ней вроде *подружились*?

Последнее слово Тамара выделила голосом.

Паша прикусил губу. Растрепала-таки, проклятая сучка... Теперь очень многое зависит от того, что он скажет Тамаре. Отрицать все глупо, подтверждать еще глупее. Ситуация...

– Насчет работы не соврала, – сказал Паша, искренне надеясь, что его бодрый тон звучит не слишком наигранно. И стал рассказывать – достаточно подробно – чем занимается и какие замечательные имеет перспективы.

(Ему действительно посчастливилось встать у истоков зарождающегося дела: пошива подушек и одеял из принципиально новых материалов – холофайбера и файбертека, – которые сменили синтепон, зарекомендовавший себя не с лучшей стороны. Спрос был бешеный, далеко опережающий растущее производство. Конечно, через год-два с новым материалом будут работать все кому не лень, но до тех пор фирма имела отличные шансы застолбить солидный сектор рынка. А Паша имел не менее отличные шансы сделать карьеру в фирме. *Имел*, пока вечером пятницы к нему не пришла Люценко...)

Тамара слушала внимательно – она никуда не торопилась, выгуливала свою собаку довольно редкой у нас азиатской породы «тазы». Владимирова вообще умела замечательно слушать... Но свернуть с темы не дала. Едва в Пашиной лекции о замечательных свойствах холофайбера наступила пауза, участливо спросила:

– С Ларисой-то вы в самом деле разбежались?

– По-моему, Люценко выдала тебе желаемое за действительное, – осторожно сказал Шикун, ощущая себя сапером на минном поле. – Поругались – ушла к маме, дело житейское, помирился. А наша отморозенная тут же набежала, как гиена на падаль.

В голове билась мысль: насколько глубоко стерва осветила их отношения? Растрепала все до конца? Или ограничилась – как любила делать – лишь многозначительными намеками?

– Замуж девке невтерпеж, – кивнула Тамара, сама состоявшая в законном браке восемь лет – и удачно. – Переспела ягодка. Скоро гнить начнет...

Скорее всего, последняя фраза была сказана без какого-то двойного смысла. Но внутри у Паши все болезненно сжалось. А что, если Люценко повстречалась с Тамарой, когда шла к нему? В последний раз шла? И разболтала, к кому идет? И, допустим, договорилась созвониться на следующий день? Что, если Томка *догадалась*, а этот двусмысленный вопрос – пробный шар?

– Что с тобой, Паша? Нездоров? Бледный какой-то и квельный...

– Да, похоже, простудился... – не стал врать Шикун. – Аспирину наелся, вроде полегчало – надо ехать, дела.

Он достал носовой платок, вытер со лба испарину. Демонстративно посмотрел на часы.

– Ладно, не буду задерживать, – поняла намек Тамара. – Удачи тебе. Пусть все у тебя получится...

Что-то странное почудилось Паше в ее тоне. Что-то весьма двусмысленное...

– И тебе того же, – выдал он. – Извини, спешу на электричку. Увидимся.

– Обязательно, – прощально кивнула Тамара. Лихим мальчишеским свистом подозвала своего «тазика», прицепила поводок к ошейнику. И крикнула уже в спину удаляющемуся Паше: – Увидишь Люценко – передавай привет!

Шикун споткнулся, с трудом устояв на ногах.

Глава 5

Навзрыд рыдала кобыла...

Нечто страшное, бесформенное, человекоподобное, прикрытое лишь нижним бельем, стремительно вылезло из кустов на освещенный тротуар.

А. Щеголев «Зверь-баба»

1

Через двадцать минут он сидел в вагоне электрички, катившей в сторону Царского Села. Над ухом выкрикивали свои заученные наизусть рекламные монологи разносчики всевозможных полезных и нужных товаров. За окном свежей июньской зеленью мелькали поля и деревья. Тягостное чувство, возникшее после встречи с Тamarой, помаленьку отпускало. Конечно же, она ничего не знала и ни о чем не догадывалась, и никакой двусмысленности в ее словах не было, все якобы прозвучавшие намеки лишь плод взбудораженного Пашиного воображения...

Он почти успокоился, когда дверь вагона в очередной раз откатилась в сторону – но вместо бродячего продавца в нее протиснулся мужик с баяном, здоровенный и не совсем трезвый.

– Сейчас вам спую, – без обиняков объявил мужик. Тут же растянул меха и заголосил:

Среди украинских просторов,
Среди высоких ковылей
Филипп Бедросович Киркоров
Скакал на рыжей кобылѣ...
Он был в голубенькой фуфайке
И в красных плисовых штанах,
Он пел народну песню «Зайка»
Слеза плыла в его глазах...
А в месте том, где эта Зайка
С Максимкой Галкиным ушла,
Мокра была его фуфайка,
Навзрыд рыдала кобыла...

Последние две строчки мужик с чувством проголосил аж три раза. Публика оценила – одни сдержанно улыбнулись, другие от души посмеялись. Мужик стянул с головы засаленную кепку.

– Сограждане! – проникновенно возвестил он. – Помогите самодеятельному артисту похоронить жену! Поминки-то мы уже справили, на полную катушку помянули – так что хоронить не на что стало! Пожертвуйте овдовевшему артисту, кто что сможет!

И он двинулся по проходу. В подставленную кепку летели монеты и бумажки – достаточно обильно. Похоже, чистосердечное признание – что похоронные деньги все как есть пропиты – нашло отклик в душах сограждан.

Паша попрошайничающих индивидов спонсорской помощью не баловал из принципа – ни «погорельцев», ни «беженцев», ни «обокраденных», ни собирающих «на лечение»... И сейчас тоже отвернулся к окну, проигнорировав протянутую кепку.

Но самодеятельный артист попался настойчивый.

– Помоги, мужик, – обратился он персонально к Паше. – И вправду Маньку зарыть не на что. Лежит в ванной, льдом обложена... Протухнет ведь. Хоть и стерва была, а негоже. Помоги, брат.

Шикунов издал горлом странный хлопающий звук. Не глядя, выдернул из кармана какую-то купюру, кинул в кепку. Подхватил сумку и выскочил в тамбур. Жадно глотал пропитанный табачным дымом воздух.

Соврал ведь... Умершая (умершая без криминала!) жена может лежать в морге, никак не в ванне. Но... тогда...

ОТКУДА ОН УЗНАЛ? Как догадался, что Паша перед отъездом высыпал в ванну весь лед, сколотый из изрядно обросшей морозилки? Опять случайность? Опять совпадение?

Шикунов осторожно заглянул в вагон. Мужика с баяном уже не было. Пошел дальше собирать на похороны? Или?..

Паша прижался пылающим лбом к грязному стеклу и твердил, как заведенный: совпадение, совпадение, совпадение...

2

От Царского Села до Александровской, где Паша снял после возвращения из Казахстана небольшую, приспособленную под жилье времянку, автобусом было минут двадцать. Пешком, напрямую, около часа – и Шикунов решил прогуляться.

Убеждал сам себя, что незачем лезть в жару в переполненный автобус, что гораздо полезней и приятней пройтись, подышав свежим воздухом...

Но настоящая причина оказалась иной.

Пашу все больше нервировали окружающие люди. В глазах их читалось *знание*. Стоило чьему-либо взгляду остановиться на нем – и возникало иррациональное чувство: этот мужчина или женщина знает, *что* осталось в Пашиной квартире. Что лежит (вернее, что плавает) в ванне.

А пешком – самое милое дело. Километров пять, не больше. Прошагать от вокзала до самого конца Ленинградской улицы, выйти на Кузьминское шоссе, потом через холм, мимо овощебазы и учхоза, – и, считай, добрался.

Но неприятность подстерегала Пашу еще на Ленинградской. Он как раз вышел из «Пятерочки» – завернул закупить продуктов на сегодняшний день. Хотя аппетит так и не вернулся... Шикунов затарился, вышел из магазина и бодро пошагал по тротуару, в тени густо насаженных лип. И тут...

И тут он увидел милицейскую машину. Обычный «жигуль» с большими буквами ДПС. Обычный, да не совсем. Машина не стояла в засаде в укромном местечке, подстерегая неосторожных водителей, решивших газануть по пустынной улице. И не мчалась, включив мигалку, куда-то по срочным и неотложным делам. Медленно и неторопливо – чересчур медленно, по мнению Паши, – катила вдоль обочины. Словно патруль что-то или кого-то высматривал.

Шикунов остановился. Отвернулся от машины, сделал вид, что внимательно изучает заклеенный афишами щит. Мысли в голове метались заполошно, как курицы по загоревшемуся курятнику.

ДОМА ЧТО-ТО СТЯСЛОСЬ!

Закоротило проводку, и вспыхнул пожар...

Прорвало трубу, и залило нижних соседей...

Произошла утечка газа, и все взорвалось...

Короче, стяслось нечто, заставившее людей в форме взломать дверь. И они взломали. И нашли Лющенко. А теперь активно ищут автора натюрморта, обнаруженного в ванной.

Он стоял, уставившись на афишу невидящим взором. И ждал, когда на плечо опустится тяжелая рука и неприятный голос попросит документы...

Лишь через пару минут Паша рискнул обернуться. Ментовской машины он не увидел. Покатила дальше, не заметив его? Или имел место очередной акт комедии «Куст и пуганая ворона»?

Как бы то ни было, с тротуара Шикунов ушел. Двинулся в сторону Кузьминского шоссе дворами.

3

Хозяев участка, у которых Паша арендовал времянку, на месте не оказалось.

Его сей факт порадовал – вступать с кем-либо в беседы на любые, пусть даже вовсе отвлеченные темы, не хотелось. Шикунов сразу прошел в свой невеликий домишко. Ноги ныли от ходьбы – со всеми обходами оживленных мест дорога заняла вместо запланированного часа целых два.

Зато вернулось исчезнувшее было в последние два дня чувство голода. Причем желудок, казалось, требовал немедленного возмещения всех недополученных порций. Требовал ультимативно, подкрепляя свои запросы болезненными спазмами. Поэтому Паша, едва отперев дверь, устремился к столу – достать припасы и первым делом пообедать. Поспешил, не глядя под ноги, – и тут же провалился. В самом прямом смысле слова.

...Фундамент, как таковой, под времянкой отсутствовал. И подвал отсутствовал. Между полом и землей – сантиметров сорок пустого пространства. Да и сам пол был сделан тяп-ляп, на скорую руку – один слой дюймовых досок опирался на балки-бревна, и поверху был прикрыт самым дешевым линолеумом – высохшим за годы существования развалюхи до ломкой жесткости. Естественно, от близкого соседства земли доски пола подгнивали. И кое-где прогнили совсем. Одну такую – прогнившую и надтреснутую – половицу Паша обнаружил сразу же, как только снял времянку прошлой осенью. По уму надо было бы отодрать линолеум и заменить доску-другую. Но поначалу как-то руки не доходили, а потом начались нелады на семейном фронте... В общем, Шикунов просто-напросто привык не ступать на опасное место. А теперь вот запомнил, поспешил – и банально провалился.

Черт! Паша выругался почти облегченно, освобождая конечность (слава богу, целую и невредимую) из плена. Удалось это не сразу. И треснувший линолеум, и проломившиеся доски были направлены внутрь и сработали, как горловина сетки-мережи, в которую рыба заходит свободно, а обратно выйти не может. Но после пяти минут возни и приглушенных матерков хомо сапиенс доказал-таки интеллектуальное превосходство над безмозглыми рыбами...

Из темного отверстия в полу тянуло холодком и неприятной затхлостью. Как из могилы, подумал Паша. Из раскопанной могилы... Тут же пришла непрошенная мысль – Лющенко вполне бы поместилась тут, под полом. Отодрать доски, выкопать яму, аккуратно все заделать – и никто даже случайно не натолкнется на останки. Паша начал размышлять, в какой части времянки можно отодрать настил незаметно... Потом спохватился: план действий продуман и принят, нечего отвлекаться. Все равно он никогда не решится вытащить из дому Лющенко – ни целую, ни по частям.

И Шикунов приступил к обеду – хлеб, консервы, две бутылки пива... Объявившийся было аппетит вновь исчез. Паша запихивал в себя куски и жевал совершенно механически, не чувствуя вкуса... Зато пиво пошло очень в тему. Он даже подумал: стоило вчера выпить стакан-другой водки, прежде чем подступать с тесаком к Лющенко. Глядишь, и сумел бы...

Впрочем, вполне возможно, что водка еще понадобится. Растворять труп в кислоте – тоже занятие с непривычки весьма нервнующее.

4

По большому счету никаких дел в Александровской у Паши не нашлось.

Хотя при желании заняться было чем. Внутри времянка сейчас напоминала не то склад найденных вещей, не то хозяйство известного помещика Плюшкина: повсюду громоздились нераспакованные картонные коробки, о содержимом многих и сам Паша не имел точного представления. После окончательного переезда из Казахстана выяснилось, что его питерская квартира никак не может вместить все имущество, накопленное за шесть лет жизни на два дома.

Но сейчас разбираться со всем барахлом желания не возникало. Тем более что вполне реальным стал раздел имущества – и жизнь на два дома уже в Питере. Причем новый дом Шикунова вполне мог оказаться тесным, лишенным многих удобств и населенным весьма неприятными людьми... «Не дождетесь!» – оборвал он свои мысли со злобой, неизвестно кому адресованной.

Однако снасти Паша, заядлый рыбак, распаковал и аккуратно разложил по приезду первым делом. И сейчас он прихватил удочку, вышел в огород. С лопатой возиться было лень, Шикунов набрал червей, переворачивая лежавшие на земле чурбаки и доски.

И отправился на рыбалку, благо Кузьминка протекала буквально под домом – достаточно отпереть калитку и спуститься с высокого берега.

Рассудил Паша просто: рыбная ловля – самое подходящее занятие в нынешнем его положении.

Успокаивающее.

5

Но успокоиться, отрешиться мыслями от оставшейся в квартире Люценко не получилось.

Кузьминка в поселке больше напоминала ручей, неширокий и неглубокий, приличная рыба заходила сюда только весной, в полую воду. И Паша отправился выше по течению – туда, где речка струилась под сенью нависших деревьев, служа естественной границей Александровского парка. Там, в достаточно глубоких, с медленным течением омутках, можно было и летом попытаться выудить что-либо стоящее...

Однако – не сложилось.

На первом же омутке – идеально круглом, появившемся много десятилетий назад после падения в речку авиабомбы немалого калибра, – в голову полезли непрошенные мысли.

Место тут глухое, думал Паша, гуляющие по парку сюда не забредают, а купаться местные мальчишки ходят на плотину... Из рыболовов лишь он один облюбовал это местечко. И если опустить на дно омута-воронки утяжеленный камнями мешок с... известно с кем, успех дела практически гарантирован. Весной занесет песком и илом – и все. Нет тела – нет дела. Ищите вышедшую из дома и невернувшуюся.

За этими мыслями Шикунов как-то упустил из виду поплавок. А когда собрался перезабросить удочку – обнаружил голый крючок без малейшего остатка червяка. Или забыл насадить? Забросил просто так, чтобы выставить нужную глубину?

Он не помнил.

Плохи дела... Дохлая стерва прочно оккупировала мысли. Ничем от нее, заразы, не отвлекусь...

Паша собрался было поискать менее подходящий для захоронения омуток – тут же натолкнулся взглядом на свежую, осыпавшуюся с берегового обрыва землю, подумал, что никому и в голову не придет здесь рыться в поисках чего-либо криминального...

Он мысленно завыл. И стал твердить про себя два слова – как заклинание, как припев привязавшейся песенки: ванна и кислота, ванна и кислота, ванна и кислота... Никакой земли. Никаких мешков с камнями. Ванна и кислота.

Твердя свое заклинание, Шикунов отправился на другое место – там было мельче, сквозь слой воды проглядывало дно с зеленеющими кустиками водорослей. Никого тут бесследно не спрячешь. Ванна и кислота.

Наконец удалось сосредоточиться на ловле – подкидывая удочку под противоположный берег, под нависшие ветви, Паша даже сумел дожидаться чьей-то поклевки. Подсек с запозданием – пусто; насадил нового червя, собрался закинуть туда же. И тут...

И тут Шикунов увидел *нечто*. Нечто находилось именно там, в тени, под ветвями, лишь чуть подальше. В воде. И больше всего напоминало...

ТРУП.

Зацепившийся за корягу труп – чуть-чуть выступающий над поверхностью. Точь-в-точь как Лющенко в его ванне...

Удилище хлопнулось в воду. Паша протер глаза, не заметив, что пальцы испачканы в земле после возни с червями. Не помогло. *Нечто* никуда не исчезло, не обернулось минутным мороком, игрой света и тени...

Не бывает таких совпадений!

Во рту пересохло, Паша делал судорожные глотательные движения – чувство было такое, будто рот и глотка набиты обрезками наждачной бумаги.

Он медленно, пятясь, отступал от берега, напрочь позабыв про удочку. Потом развернулся и побежал.

6

Крепких спиртных напитков на витрине местного ларька не обнаружилось, лишь пиво и прочие джин-тоники. Но Паша пару раз видел отходящих отсюда мужиков с поллитровками. Спросил коротко: «Есть?» – и вскоре стал обладателем заветной емкости.

Тут же, отойдя на полсотни шагов от ларька, приложился к горлышку. Водка оказалось паленой. Смесь воды и плохо очищенного спирта долго болталась вверх-вниз по пищеводу, Шикунов притиснул ее сверху купленным там же шоколадным батончиком. Проскочила.

Он отхлебнул еще пару раз, прошло уже легче. Присел на валяющийся неподалеку ствол спиленного тополя, стал ждать результата. Тот не задержался...

Как ни странно это звучит, но выпитая отравка помогла мыслить куда более трезво. Иррациональное убеждение: там, в речке, плавает именно Лющенко, неведомо какими путями туда угодившая, – было признано полным бредом.

Чуть более возможным, но тоже бредом, была признана и другая мысль: в Кузьминке обретается совершенно левый, посторонний труп. Слишком уж невероятное потребовалось бы стечение обстоятельств...

Значит – показалось. Привиделось. Померещилось. Надо пойти и убедиться, что воображение сыграло с Пашей дурную шутку. Однако никуда идти и ни в чем убеждаться не хотелось.

С тополя Шикунов поднялся, только отхлебнув еще одну изрядную дозу универсального лекарства. И поплелся убеждаться, зайдя по дороге во времянку и облачившись в болотные сапоги.

На удочку никто не покусился, лежала, где лежала, верхним концом в воде. К берегу Шикунов подошел осторожно, всмотрелся. Ну да, темнеет что-то непонятное. Ну да, похоже на мокрую тряпку...

Вздыхнув, он перебрался на другой берег вброд, по мелкому перекатику. Долго проди-
рался сквозь заросли краснотала. Увидел сквозь просвет листьев свое удилище, протиснулся
к самой воде.

Оказалось, что нечто – кем-то выброшенный самый обычный халат. Рабочий, темный.
Без какого-либо содержимого, если не считать ила, песка, веточек, почерневших, гнилых про-
шлогодних листьев и прочего донного мусора. «Стоило так мучиться?» – спросил себя Шикун-
нов. И сам себе ответил: стоило. Все-таки смог, переступил, перешагнул какой-то внутренний
барьер. Значит, сможет и все остальное...

На всякий случай – во избежание очередных ночных кошмаров – Паша совершил еще
один рейс к ларьку и запасся еще одной порцией дешевой отравы.

...Помогло. Спал он здоровым алкогольным сном, без каких-либо сновидений.

Глава 6

Шоу с переодеваниями и исчезновениями

*Жанна погладила его раскаленными пальцами. По лбу, по щекам,
по шее. Потом, растянув ему пуговицы рубашки, обожгла
прикосновениями живот.*

А. Щеголев «Ночь, придуманная кем-то»

1

Как часто в жизни бывает, опасался Паша напрасно.

Даже врать про забытый дома паспорт не пришлось. Менеджер фирмы «Балт-Реактив»,
узнав, что оплата предстоит наличными, спросил напрямую: «Документы нужны?»

Шикуннов поначалу не понял. Как же такие вещи можно покупать-продавать без доку-
ментов?

Менеджер пояснил: «Без чека и счета-фактуры на пять процентов дешевле. А накладную
на перевозку дадим, на случай если менты останоят».

Паша согласился, что такой вариант для него предпочтительней. Менеджер громко
и радостно оповестил кого-то невидимого, сидевшего за перегородкой: «Кира, оформляй
на предпринимателя Милейкина! – И тут же успокоил: – Нет-нет, в товарно-транспортной
будет вписана именно ваша контора. Как вы там называетесь?»

Липовая контора, чья липовая печать стояла на липовой доверенности, именовалась
ООО «Сириус», о чем Паша и сообщил. Менеджер недрогнувшей рукой вписал название
в накладную – и наверняка тут же его позабыл. Да и то сказать, большинство людей, реги-
стрирующих предприятия, не иначе как мечтали стать в детстве космонавтами. По крайней
мере к звездам их тянет до сих пор – и в результате в самых разных сферах предпринима-
тельской деятельности плодятся, как кролики, «Веги», «Альтаиры», «Мицары», «Сириусы»,
«Антаресы» и примкнувшие к ним «Орионы».

Судя по всему, с этой стороны на Пашу и на его не совсем ординарную для частного лица
закупку никто не выйдет. Если люди в погонах попробуют дернуть за эту ниточку – пускай.
Пусть ищут неведомого предпринимателя Милейкина.

А Паша-то, дурак, дрожал как осиновый лист. Даже переоделся на даче – в «Балт-Реак-
тив» он поехал прямо оттуда – напялил куртку-ветровку невообразимо яркой, ядовито-крас-
ной расцветки. Где-то и когда-то Шикуннов вычитал, что человеческий мозг так устроен: фикси-
рует – в целях последующей идентификации – самую характерную черту имиджа незнакомца.
В данном случае – напавал бьющую по глазам куртку. А остальные детали внешности не запо-
минает. Выходит, маскарад затеян напрасно. Хотя тут лучше пересолить...

Тем временем менеджер пересчитал протянутые Пашей деньги, выписал еще одну бумажку – внутреннюю накладную – и отправил Шикунова с нею на склад.

Шагать пришлось порядочно. «Балт-Реактив» арендовал помещения у одного из огромных – настоящий город в городе – химкомбинатов промзоны. Зданий на необъятной территории было множество. И не только зданий. За высоченный забор угодил и кусок умирающего леса, и даже водоем изрядных размеров – разлив речки Охты. Запах от водоема шел неприятно-химический, и Паша подумал, что от просроченных и пришедших в негодность химикатов здесь избавляются самым простым способом – сливают втихаря в реку...

Он шел берегом отравленной Охты и ликовал: до чего же все удачно сложилось! Но одновременно где-то глубоко шевелилась и неприятная мыслишка. Это что же получается? Любой террорист этак может закупить самой ядовитой химии, пробраться на водопроводную станцию, и... Ладно, пусть о таких вариантах думают те, кому за это деньги платят. А у Паши задача простая: сегодня же начать процесс перевода Люценко в новое агрегатное состояние.

В жидкое.

2

– Я вот все репу чешу: и зачем людям стоко кислоты? – задумчиво спросил лысый и пузатый не то кладовщик, не то завскладом.

Паша похолодел. Голова стала пустой и звонкой. И в звенящей пустоте мелькнул спасительный ответ.

– Кому зачем, – сказал он, умудрившись не дрогнуть голосом, – кому для жены, кому для тещи...

Это была концовка весьма бородастого анекдота, но кладовщик долго гыгыкал, колыхая жировыми складками. И удалился в недра склада, идиотских вопросов больше не задавая.

Через двадцать минут Паша стал законным владельцем двух двадцатипятилитровых бутылей с кислотой азотной (хч) и четырех аналогичных емкостей с кислотой серной (чда). Что означали эти указанные в скобках букочки, стоявшие и в прайс-листе, и в накладной, Шикунов не имел понятия. Подозревал, что степень очистки и количество допустимых примесей.

Но Паша здраво рассудил, что для стервы Люценко чистота продукта теперь куда менее важна, чем крепость, – и, выбирая товар, ориентировался лишь на то, чтобы цена напротив названия стояла поменьше. Оптовые цены на кислоты, честно говоря, оказались невелики. С учетом тары (чтобы не мелькать потом у подъезда с огромными оплетенными бутылками, пришлось доплатить за деревянные ящики, упирая на предстоящую пересылку) Шикунов выложил немногим больше двух с половиной тысяч рублей. Дешевка. Стандартные – с гробом, венками, местом на кладбище и т. д. – похороны Люценко наверняка бы обошлись на порядок дороже...

– Транспорт у вас здесь? – спросил кладовщик, начав оформлять пропуск на вывоз материальных ценностей. – В смысле – на территории?

– Нет, оставил за воротами, – сказал Паша. – Доставите до проходной? – кивнул он на ящики с бутылками.

Конечно, нанятую за разумную сумму «Газель» куда проще было подогнать прямо к «Балт-Реактиву». Но тогда, во-первых, и ее номер, и грузоотправитель, и грузополучатель (пусть и липовый) были бы записаны охраной. Во-вторых, водитель узнал бы, что и откуда вез.

А так – поди догадайся, кто и что вывозит с территории комбината. Фирм-арендаторов тут немерено.

Кладовщик долго ворчал: у тележки, дескать, отломалось колесо, а сварщик без бутылки приваривать никак не желает; похмельные же грузчики запропастились неведомо куда, а отлав-

ливать их по всей территории в его обязанности не входит, его дело – отпускать товар, и вообще...

Протянутая сторублевка тут же оборвала нить толстяка и кардинальным образом изменила ситуацию. Мгновенно нашлись и исправная тележка, и два грузчика – на вид действительно весьма похмельные. Паша, тоже после вчерашнего находившийся не в лучшей форме, мысленно им посочувствовал, но денег больше не дал. Пускай кладовщик делится.

Чем ближе груженная кислотой тележка приближалась к проходной комбината, тем тревожнее становилось Шикуну. Казалось, что сейчас, именно сейчас, все сорвется. Все рухнет под откос. Охранники на проходной изучат вдумчиво накладную, посмотрят повнимательнее на бледное Пашино лицо, и... И все. Каюк. Капут. Попросят пройти для выяснения личности, и позвонят куда надо, и байками о позабытом паспорте уже не отделаешься, и рано или поздно всплывет лежащая в ванне Лющенко. Она всплывет. А Паша утонет. Навсегда утонет...

Картинки провала в самом финале успешно проведенной операции вставали перед его мысленным взором такие яркие, что Паша чуть было не смалодушничал. Чуть было не сунул пропуск и накладную грузчикам, предоставив им пересекать последний барьер в одиночестве. Но сдержался.

Все прошло гладко.

Охранник, пенсионных лет мужичонка – камуфляж смотрелся на нем маскаратно – небрежно сосчитал места груза:...четыре, пять, шесть... – все в порядке. Нажатием кнопки открыл ворота, тележка выкатилась наружу. Вскоре ящики перекочевали в кузов «Газели».

И только когда проходная комбината исчезла из вида, Паша мысленно завопил: ПОЛУЧИЛОСЬ, БЛЯ, ПОЛУЧИЛОСЬ!!!

И дальше все получится.

3

Как ни хотелось побыстрее НАЧАТЬ (точнее говоря, побыстрее ЗАКОНЧИТЬ), сразу к своему дому Шикуну не поехал. Попросил высадить его на Светлановском проспекте, неподалеку от рынка, где после десятиминутного голосования поймал другую машину, микроавтобус «форд». И лишь тогда назвал водителю свой настоящий адрес. Мало ли кто и какой товар везет с рынка?..

Все, последняя тонкая ниточка, что вела от «Балт-Реактива» к его ванной, оборвана. Через двое суток не останется ни единого следа, ни единой улики.

Всего двое суток...

Целых двое суток...

Надо как-то прожить эти сорок восемь часов, пока стерва будет переходить в пригодное для перекачки по трубам состояние. Не свихнуться от ночных звуков и кошмаров, не шараться от милицейских машин и случайных прохожих.

«Проживу, – уверенно подумал Шикун. – Не свихнусь. Не стану шараться...»

Теперь – не стану.

...От помощи водителя он отказался – береженого Бог бережет, незачем светить квартиру. Сделал с улицы несколько коротких рейсов с ящиками к лифту, потом несколько таких же перебежек к двери квартиры. Повезло – никого ни на площадке, ни на лестнице не встретил, позднее утро, все спешащие на учебу или работу уже про шли... Заботливо приготовленная легенда: мол, знакомые наконец прислали из Казахстана не поместившиеся в контейнер вещи, – пропала зря. И чудненько, чем меньше врешь, тем меньше шанс проколоться.

Наконец ящики с бутылками встали аккуратным штабелем в прихожей. Пора за работу. Выловить труп из ванной, слить воду, протереть насухо. Не забыть про парафин! Залить дно,

сток и пробку расплавленными свечами. Вернуть труп на место, облачиться в ОЗК и респиратор – и тоненькой струйкой опрастать в ванну содержимое всех шести бутылей.

И все. Дальше процесс пойдет без его участия.

Хотя нет, будут еще газообразные выделения, надо заткнуть все щелки влажной тряпкой... Впрочем... Да, скотч для зимней заклейки окон подойдет еще лучше. Вся вонь пойдет через вентиляцию, на крышу. Едва ли там кто-то будет гулять и принюхиваться... И можно ехать на работу, отпросился он только до обеда.

Ладно, план прост и понятен, приступаем к выполнению.

Паша вооружился гвоздодером, вскрыл ящики, достал бутыли. Затем разыскал старое, протертое одеяло, расстелил на полу ванной – дабы не слишком натекло с мокрой одежды (кстати сказать, холодная вода и немалая порция льда сделали свое дело – никакого трупного запаха Шикунов, распахнув дверь ванной, не ощутил).

Так, теперь выживаем нашу русалку...

«Черт, не забыть бы про золото, особенно про...» – мысленно сказал себе Паша, отдергивая занавеску.

– Про зубы... – закончил он вслух, застыв на месте.

Тела в ванне не было.

Не было.

НЕ БЫ-ЛО.

Он издал булькающий горловой звук. Выскочил из ванной, пробежался по комнатам и кухне – отдернул шторы с окон, заглянул под кушетку, за шкаф... Никого и ничего.

Медленно, старческими шагами вернулся в ванную. Непонятно зачем пошарил рукой в воде – словно хотел нащупать опустившуюся на дно Лющенко.

Хотя дно ванны было прекрасно видно сквозь прозрачную воду. И ничегошеньки там, на дне, не лежало...

Шикунов медленно сполз на расстеленное одеяло. Ударился головой о кафель стены – и еще раз, сильнее, и еще раз – в дикой надежде, что съехавшие набекрень мозги встанут сейчас на место и в ванной обнаружится то, что должно, просто ОБЯЗАНО там находиться... После пятого удара – голова гудела погребальным колоколом – Паша заглянул через борт.

ТЕЛА НЕ БЫЛО.

Тогда Шикунов зарыдал.

Как кобыла Филиппа Бедросовича Киркорова.

4

Мир исчез.

Привычный мир, в котором Паша Шикунов прожил почти двадцать девять лет, куда-то подевался. Был он, мир, конечно, неидеален. Хватало в нем жизненных неприятностей самого разного плана. Но он был хотя бы реальным. И – в неких своих основополагающих закономерностях – вполне предсказуемым.

Если в нем, в потерянном мире, выпрыгнешь в окно – то упадешь вниз, никоим образом не зависнув в воздухе и не воспарив к небесам. Если все-таки паришь – значит, видишь сон и обязательно вскоре проснешься. А если оставишь мертвое тело в ванной квартиры, запертой и поставленной на сигнализацию, – то именно там его, тело, и обнаружишь по возвращении...

Теперь мир исчез. Вместе с пресловутым мертвым телом.

Шикунов – маленький, беспомощный и дрожащий – очутился в совершенно непонятном и опасном НИГДЕ. Не было ничего – ни времени, ни пространства. Не существовало стен и дверей, вообще никаких предметов, – одни видимости и кажимости. К примеру, видимость кафельной стены, на которую Паша сейчас бессильно навалился всем телом, могла быть чем

угодно. Абсолютно всем: стволом пальмы, или бурчащим брюхом переваривающего сытный обед Бармаглота, или очередной инкарнацией Митрейи Будды... А могла быть ничем. Могла существовать лишь в мозгу Шикунова, одиноко повисшем в первозданной пустоте. И видимость здоровенной шишки, вздувшаяся на видимости черепа от ударов о призрачную стену, тоже могла существовать лишь в его воображении и больше нигде...

Впрочем, имелся и альтернативный вариант. Пашу он вдохновлял даже больше. А именно – мир остался прежним. Лишь один из его обитателей банально сошел с ума. Угадайте с трех раз: кто? Вы правы, конечно, Паша Шикунов.

Честно говоря, мысль нравилась. Ободряла и согревала. При таком раскладе ничего не надо делать. Полностью отпадает нужда в постановке масштабного эксперимента, выясняющего подробности взаимодействия концентрированных кислот с органической материей. К чему? Раз Люценко не умирала... А может, ее и не было никогда. Может, как и все остальное, она лишь продукт большого мозга. Равно как ее папаша-садист со своими мордоротами...

И это здорово. Рано или поздно Шикунова найдут и будут лечить. Возможно, даже вылечат. Если нет – не беда. Главное – ничего не надо будет делать. В том числе ломать голову над сводящими с ума проблемами...

А может, все обстоит еще лучше. Может, его уже нашли? Уже лечат? Может, вся бредовая пьеса, последовательно разворачивающаяся перед ним, – побочный эффект электрошока или бышей по мозгам врачебной химии?

Идеальный вариант – по сравнению с существованием в диком мире, где трупы вылезают из ванны и отправляются куда-то по своим мертвячьим надобностям, пройдя между делом сквозь крепко запертую металлическую дверь...

Есть и другая возможность. Шикунов никогда не употреблял наркотики – лишь пару раз в Казахстане побаловался травкой за компанию. Даже «Момент» в детстве не нюхал. Но, возможно, – чего на свете не бывает – кто-то уговорил его причаститься? Говорят, от синтетических галлюциногенов бывают вполне реалистичные глюки. До определенного момента и не отличишь от яви...

В любом случае, предпринимать ничего не стоит. Надо тихо и спокойно ждать, когда все кончится. Когда морок рассеется и возникнут обитые мягким стены палаты. Или что угодно еще – лишь бы не эта наполовину заполненная водой ванна...

Он закрыл глаза и стал ждать. И очень быстро провалился в сон, больше напоминающий беспамятство...

Глава 7

Нету тела нет и дела?

И сразу кастрюлю с кипятком ему на голову – у них суп удачно на плите варился. Потом лезвие в шею – хряк.

А. Щеголев «Ночь навсегда»

1

Звук зародился где-то в глубине иной Галактики, за миллионы парсеков от Шикунова. И долго-долго добирался до него. Но добрался. Еще тьма эпох потребовалась, чтобы идентифицировать сигнал далекой цивилизации как обычный телефонный звонок.

Шикунов поднялся и направился к аппарату. Кто звонит, зачем, какие от звонка могут быть последствия, его совершенно не волновало. И отвечать не хотелось. Но в какой-то части

мозга сохранился нехитрый алгоритм – что надо делать, когда звонит телефон. И Паша выполнил нужную последовательность действий без единой мысли в голове.

В трубке раздался голос. Паша долго соображал – чей. Очень долго. Понял лишь к середине диалога. Вернее, не диалога, но прерываемых молчанием Шикунова реплик собеседника.

– Пашка, ты там живой? Я жду, жду... Обещал же подъехать к половине второго!

Паша молчал.

– Забыл, что у нас сегодня две презентации для медиков?

Паша молчал.

– А у тебя, между прочим, вечером еще встреча с Викторюком! Тоже забыл?

У Шикунова родились наконец два слова:

– Я болен, – сказал Паша.

Сказал так, что человек на другом конце провода ему сразу поверил. Голубев, вспомнил вдруг Паша, звонил Антон Голубев, в какой-то иной жизни, в нормальном мире бывший вице-директором и непосредственным начальником Шикунова.

– Я ОЧЕНЬ болен, – снова сказал Шикунов.

– А-а-а... То-то я чувствую, что голос как у помирающей лебеди... Ладно, с презентациями тебя прикрою, но Викторюка будешь додавливать сам – я стрелку перезабыю. Все, не буду мешать, поправляйся... Если до завтра не помрешь, позвоню с утра, узнаю: как и что.

Вице-директор хохотнул собственной плосковатой шутке и отключился.

– Я очень болен, – тупо повторил Паша пиликающей трубке.

2

Коньяк был хорош – «Арарат» десятилетней выдержки. И приберегался для какого-нибудь особого случая. Но поскольку иных спиртных напитков в квартире не нашлось, Шикунов недрогнувшей рукой вскрыл бутылку. Да и то сказать – случай приключился никак не ординарный.

Способность мыслить вернулась минут через десять после второго опорожденного стаканчика. И мысли оказались паршивые.

Если в мире по-прежнему существовали презентации холофайбера и заместитель главы администрации Викторюк, то трупы самовольно не могут менять дислокацию. Не способны. Разгуливающие мертвецы и лоснящаяся харя Викторюка в одном пространстве-времени несовместимы. Надо выбрать что-то одно, какую-то единую систему координат. И попытаться в ней, в этой системе, что-то предпринять...

После короткого раздумья Паша решил пока остаться в том же мире, что и Викторюк А. М., – пусть тот подлец, пусть взяточник, но личность насквозь реальная и приземленная...

Отставить панику! Пропало тело – будем искать. Просто так трупы не исчезают. Значит, кто-то обнаружил и забрал Лющенко.

КТО И ЗАЧЕМ?

Пожалуй, на первый вопрос ответить легче. Служба, профессионально занимающаяся сбором трупов, если и обнаружит вдруг бесхозный, то немедленно известит службу другую, плотно интересующуюся теми, кто за появление оных трупов ответственен. При таком раскладе Пашу в квартире поджидала бы не только опустевшая ванна. Но и грубые, бессердечные люди, норовящие врезать дубинкой по почкам и защелкнуть на запястьях специзделие, неизвестно отчего названное «Нежностью»...

Значит, вариант с государственной структурой отпадает. Значит, налицо чья-то самостоятельность. Значит, можно еще побарахтаться...

Но кто мог оказаться – этак случайно, прогуливаясь – в запертой Пашиной квартире?

Ответ прост: человек, либо имевший ключи, либо умеющий попадать в запертые помещения без таковых.

Ключи – теоретически – в настоящий момент были лишь у Шикунова. Все три связки. Но это теоретически...

Первый вариант (тут же дающий первую подозреваемую): Лариса, до того как вернула два комплекта – свой и тещин, – сделала дубликаты. Для чего? А черт ее знает. Может, чтобы зайти, когда Паша должен находиться на службе, и поделить вещи без его пригляда, по своему разумению. Вполне реально.

Хорошо. Допустим.

Итак, сегодня утром, – свято уверенная, что Паша на работе, – в квартиру заявила Лариса.

И?..

И узрела плавающую в ванне Лющенко.

А вот дальше начинается непонятное. Ну никак не мог Паша представить, что Лариса (как? каким способом?) умыкнула из квартиры труп! Да и зачем?

Зачем? Это уже второй вопрос – поправил себя Шикунов.

Второй вариант (и вторая подозреваемая): теща, ненаглядная Раиса Евсеевна. Ключи лежали у «бабы Раи», как называют ее дети, почти год – между смертью Пашиной матери и возвращением дочери, зятя и внуков из Казахстана. И потом лежали – до позавчерашнего дня. Уж хватило бы времени при желании сделать дубликаты.

Неясность та же: ЗАЧЕМ бесхозный труп понадобился женщине предпенсионных лет?

Загадка природы. Насколько Паша за шесть лет знакомства узнал свою ненаглядную тещу, та бы просто хлопнулась в обморок тут же, в ванной. Или бросилась бы вон из квартиры, подняв на ноги всю округу паническими воплями. Но уж никак бы не прикарманила мертвое тело...

Вот, собственно, и все. Других легальных обладателей ключей не наличествует. Стоит подумать о нелегальных. Тем более что на ум пришло слово, вполне способное дать ответ на вопрос: зачем?

ШАНТАЖ.

Банальный шантаж. Вот о нем-то и надо хорошенько поразмыслить...

Но сначала Шикунов решил подкрепиться. Аппетит, совсем от рук отбившийся в последние двое суток, вновь появился, и весьма зверский. Одичал, где-то шляясь. Или это коньяк, с удобством расположившись в пустом желудке, скучал без компании?

Как бы то ни было, Паша вполне уверенными шагами – еще раз спасибо «Арарату» – отправился на кухню.

И замер возле холодильника. Остолбенел.

3

Вообще-то, на кухне стояли два холодильника.

Старый ЗИЛ, появившийся на свет в те времена, когда страна победившего социализма уверенно вела соединившихся пролетариев всех стран к окончательной победе в мировом масштабе. Характер у ЗИЛа-ветерана был как у пенсионера-зюгановца: включившись, долго и шумно бурчал, проклиная новые времена и попрание идеалов. К тому же, как старичкам и положено, заслуженный холодильник часто болел. В смысле, ломался.

Лариса после приезда не раз намекала, что купить что-нибудь поновее и понадежнее окажется в итоге дешевле, чем тратиться на регулярные ремонты. Паша отмахивался: мол, послужит еще, – он в то время не оставил надежду обзавестись автотранспортом в самое ближайшее время.

Потом, когда семейная жизнь стремительно рассыпалась на осколки, Шикунов неожиданно приобрел на «автомобильные» новехонький высоченный «Индезит»... Тогда же Паша затеял и ремонт, и покупку стиральной машины-автомата, и что-то еще того же плана – в безрассудной надежде все спасти и все поправить.

Ничего не получилось...

Однако новый холодильник остался, соседствуя с ЗИЛом-коммунистом, – того Шикунов планировал перебазировать в Александровскую, привести времянку в жилой вид, выезжая надолго всей семьей в теплое время, благо на работу ездить из ближнего пригорода ничуть не дальше, чем из отдаленного спального района... Думал, как будет по утрам ходить с Натусиком за грибами в Баболовский лесопарк, как откроет Пашке-младшему все заветные рыбные местечки на Кузьминке...

Мечты, мечты... Лишь новенький холодильник от них и остался.

Теперь Шикунов стоял перед «Индезитом», чувствуя, как коньячное тепло сменилось где-то внизу живота мертвенным холодом. Он увидел вынутые из нового холодильника полки – небрежно сложенные на подоконник.

И понял, ГДЕ Лющенко.

Пробежавшись в панике по квартире, он попросту не успел заглянуть во все способные вместить тело углы. О многих просто не подумал, в таком был шоке.

А теперь он понял: Лющенко ИМЕННО ТАМ. В новом холодильнике. Стоит взяться за ручку, потянуть – и перед глазами объявится ее труп во всей своей красе: мокрые, слипшиеся волосы, открытые глаза. И губы, так любившие шипеть: «Пло-х-х-хой мальчиш-ш-ш-шка...»

Нижняя камера «Индезита» вполне способна вместить мертвое тело – благо продуктов там чуть. Достаточно вынуть полки и подогнуть труп ноги. Трупное очоменение, по Пашиным прикидкам, должно было пройти – хотя разбирался он в этих делах слабо...

Надо протянуть руку, открыть дверцу – и убедиться, что все так и обстоит. Но Паша не мог. Не мог себя заставить. Он и без того был уверен.

И в самом деле: ну кто же потащит труп под мышкой – солнечным июньским днем и по людным улицам? Случайный вор-домушник, решивший заработать шантажом?

Ерунда.

То есть не все ерунда – и вор, и шантаж более чем вероятны. Но к чему прогулки с трупом? Достаточно сделать несколько фотоснимков и переложить труп – чтобы хозяин сего предмета сразу понял, что к чему, чтобы впал в панику, чтобы за день-другой дошел до нужной кондиции, до готовности расстаться с деньгами.

Конечно, «на дело» домушники с фотоаппаратами не ходят. Им фотолетопись своих подвигов ни к чему. Но беда в том, что Пашина «мыльница» с недошелканной пленкой лежала не то чтобы совсем на виду, но в бельевом шкафу, за стопкой белья – привычка с тех времен, когда от годовалого Паши-младшего приходилось прятать ценные хрупкие вещи... Именно в таких местах, как было известно Шикуну из детективов, квартирные воры первым делом ищут деньги и драгоценности...

...Он протянул руку. Дрожащие пальцы коснулись белой пластмассы, показавшейся отчего-то невероятно холодной. Коснулись – и тут же отдернулись. Открыть холодильник Паша не смог.

Вместо этого отправился в большую комнату, к шкафу. Долго шарил по нужной полке – справа, слева, посередине – разозлился и вывалил все белье на пол.

«Мыльница» не нашлась.

Версия с домушником обрела реальность. Или?..

Он вернулся на кухню, отхлебнул еще коньяка. Закончил мысль.

Или фотоаппарат забрала в свой последний приход Лариса. Шикунов, хоть убей, не мог вспомнить, что именно она в субботу укладывала в две большие сумки. Смотрел тогда – и не видел. До того ли было, когда в ванне валялась Люценко?

Позвонить, спросить?

А если все-таки труп переложила она? Или ее мать?

Паша вновь долгим глотком приложился к горлышку бутылки. Хорошая штука, из горла и без закуси идет за милую душу... Внутри опять потеплело. Используя недолгий миг коньячной решимости, Шикунов резко распахнул дверцу.

Трупа в холодильнике не было.

4

Он сидел на табуретке, завороченно уставившись в белое нутро «Индезита».

Если Люценко сюда не закивали, то кто и зачем вынул полки? Может, попытались впихнуть – но не получилось? Может, трупное окоченение длится дольше, чем смутно помнилось из прочитанных детективов Паше?

Возможно, возможно...

Но есть и другой вариант. Когда Шикунов лихорадочно метался по квартире, собираясь в Александровскую, у него ведь гвоздем в голове засела мысль о процессе разложения и о сопровождающем сей процесс запахе. И Паша настойчиво искал способ, как избежать и того, и другого.

Запихать труп в холодильник – мысль вполне логичная при таких исходных данных. Допустим, к ее исполнению Паша и приступил, вытащив полки. Но потом остановился на более эстетичном и гигиеничном варианте (продукты из холодильника, приютившего Люценко, в глотку потом все равно бы не полезли). Однако именно холодильник натолкнул Шикунова на мысль воспользоваться льдом, изобильно наросшим в морозилке опять барахлящего ЗИЛа.

Логично. Здраво.

Но есть маленький нюанс. Паша абсолютно не помнил подобный ход своих рассуждений. Более того, извлечение полок из «Индезита» в его памяти никак не отложилось. Смутно вспоминалось, как лед сыпался из большой миски в ванну, но каким образом Шикунов пришел к такому решению, он теперь понятия не имел.

Плохи дела. Провалы в памяти – признак тревожный. Этак панические мысли о собственном сумасшествии, накатившие при виде опустевшей ванны, могут сбыться. Попробуем еще раз...

Он попробовал – медленно, шаг за шагом, восстанавливал последовательность своих действий в воскресное утро. Не помогло. Как сыпал лед в воду – помнил. Откуда его взял – нет.

Отчего-то Паша всегда считал, что может лишиться руки или ноги – мало ли в жизни случайностей, – но уж мозг-то ему не откажет. Мозг – память, логика, эмоции – казался чем-то вечным, данным раз и навсегда и должным до конца пребывать в неизменном виде... Сумасшествие – для других. Не для него. Оно реально, оно случается, но никогда не случится с Пашей Шикуновым. Как, впрочем, и рак, и СПИД...

Теперь уверенность поколебалась.

Какой еще фрагмент мог напрочь выпасть из воспоминаний? Может, способ с высыпанным в воду льдом вдруг показался Паше для суточного отсутствия не слишком действенным? Может, он выудил тело, герметично запалял в пластиковый мешок и куда-нибудь запрятал? И обо всем напрочь забыл?

Он застонал и долгим глотком прикончил «Арапат». Так рассуждая, можно дойти до чего угодно. Возможен самый смелый полет фантазии. Без каких-либо ограничений.

Например, Шкунов за ночь изобрел и построил из подручных радиодеталей какой-нибудь дематериализатор органической материи. Распылил паскудницу Лющенко на молекулы-атомы, вновь разобрал агрегат на запчасти – и обо всем благополучно позабыл. Бред. Бред киркоровской кобылы...

Надо действовать спокойно и последовательно. Принять постулат, что труп квартиру не покидал. Обыскать все – и тело где-нибудь да обнаружится. И тогда можно будет логично поразмыслить, как оно туда попало. Виноваты ли провалы в Пашиной памяти, или сыщется более конкретный и осязаемый виновник? Разберемся.

Итак, приступим.

Глава 8

Что имеем-не храним, потерявши-плачем

Тело бабки обнаруживается рядом, в соседней комнате... Строго говоря, бабка и там и здесь одновременно – тело в комнате, зато голова уже в прихожей, почти под умывальником.

А. Щеголев «Ночь навсегда»

1

Лющенко и после смерти осталась редкостной гнидой. Упорно не желала обнаруживаться.

Нигде.

Под ванной ее не было. И в самодельном фанерном шкафу, прикрывавшем трубы в туалете, не было. И на антресолях тоже.

Больше в санузле и прихожей мест, способных укрыть труп, не оказалось. Но Паша, верный своему решению обыскивать все, ничего не пропуская, заглянул даже в длинную низкую тумбочку для обуви. Даже порылся в грудке свисавшей с вешалки одежды: вдруг да нашелся искусник – как-то прикрепил к стене Лющенко и задрапировал пальто-куртками?

Не нашлось таких умельцев.

Шкунов отправился в маленькую комнату, считавшуюся у них «детской». Начал с балкона. Заклеенную на зиму дверь пришлось с хрустом отдирать – хотя холода давным-давно миновали, руки за семейными баталиями не доходили. Только когда под ногами загрохотали пустые стеклянные банки, в изобилии заполнявшие балкон, Паша сообразил, какой он идиот.

Дверь была заклеена! Пожелтевшая бумага, окаменевший клей... Но для очистки совести Шкунов осмотрел-таки балкон весьма дотошно. Как и следовало ожидать, безрезультатно.

Вернулся в детскую, стал искать там – со странным, двойственным чувством. С одной стороны, отыскать Лющенко жизненно необходимо. С другой стороны, не хотелось, чтобы она – мокрая и разлагающаяся – обнаружилась именно здесь.

Не хотел, чтобы она нашлась под двухъярусной кроватью, на которой совсем недавно спали Натусик и Пашка-младший (и, надеялся Паша, еще будут спать!); или в шкафу – где две полки до сих пор занимали их игрушки, пока не вывезенные Ларисой (как же там, у тещи, засыпает Натусик без своего любимого Хыськи?); даже просто на паркетном полу, по которому ступали детские ножки, гниде Лющенко делать нечего.

Паша и прежде – когда Лариса ушла с детьми, а гнида еще была жива-здоровая, – не пускал Лющенко в детскую. Ну не то чтобы повесил замок, но... Но как-то так получалось, что они курсировали лишь между прихожей и спальней. В детскую не заходили...

Подспудное желание сбылось. Труп в детской не было. И Паша не понял – хорошо это или плохо.

2

Вторая и последняя комната была больше площадью и куда гуще заставлена мебелью (Лариса всегда говорила, что для детской надо много воздуха и света). Соответственно, и мест, куда можно спрятать труп, – значительно больше.

Шикунов, собирая рубашкой пыль, вылез из-под шкафа. Хранившиеся там коробки отнюдь не маскировали тело Люценко. Зато, выползая, когда лицо оказалось в считанных сантиметрах от паркета, он увидел...

Паша и сам поначалу не понял, *что* он увидел. Едва заметное, чуть белесоватое пятно на темном дереве. Довольно большое. Он скользнул по пятну равнодушным взглядом, змееобразными движениями выскальзывая из-под нависшего предмета мебелировки.

Потом как обожгло: именно такие следы оставались на паркете от влаги!

Но старым *это* пятно быть не могло никоим образом. Четыре дня назад Паша тщательно натер паркет мастикой – реализуя мысль навести идеальный порядок, а уж после звать Ларису и детей обратно...

Так-так...

Склонившись к полу, словно вынюхивающая дичь собака, Шикунов продолжил свои изыскания. И увидел второе пятно, точь-в-точь такое же, едва различимое, – на расстоянии человеческого шага. Потом третье. Потом четвертое. *Следы* вели в прихожую.

До прихожей Шикунов во время своей генеральной уборки четырехдневной давности добраться не успел – и пол покрывал легкий слой пыли. На нем след продолжился. Цепочка размытых, неясных отпечатков привела к ванной.

Паша понял все и похолодел.

Он шел по следу в обратном направлении. А тот, кто прошагал тут до него, двигался из ванной в большую комнату...

Шикунов нагнулся, еще раз осмотрел отпечатки. Подметки *любой* обуви оставить такой отпечаток не смогли бы... Версия о воре-домушнике, тащившем труп, поползла по всем швам. И в самом деле, воры на дело босиком не ходят, разве что в желтой жаркой Африке... Хотя нет, нет... Босая влажная ступня на пыли тоже бы пропечаталась – пальцы, пятка. Если только... Если только...

«Если только на босых ногах не было капроновых колготок», – закончил мысль в голове Шикунова чей-то чужой неприятный голос. Прозвучало это настолько реально, что Паша резко обернулся: показалось, кто-то говорит за спиной, прямо в ухо... Никого...

Кошмар продолжался. Теперь в виде слуховых галлюцинаций...

Хотя – почти все стало понятным. Все неясности исчезли. Никто не вламывался в квартиру, никто тайком не изготавливал дубликаты ключей. Просто... Просто...

«Просто Люценко не сдохла», – с ехидным торжеством закончил тот же голос.

И захихикал, повторяя на все лады, даже напевая:

Не сдохла?

Не сдохла!

Не сдохла, не сдохла, не сдохла!

Не сдохла-ла-ла-ла, ла-ла-ла!

3

Не умерла...

Конечно же, она не умерла, такие сучки отличаются редкой живучестью. Потеряла сознание, и только. Паша ведь не прикладывал к губам зеркало, даже пульс не пытался обнаружить. Увидел красную лужицу, поползшую из-под головы, – и подумал в панике: все, капут.

А она была жива... Черт возьми, она все время была жива... Впала в кому, или как там это у медиков называется. Хотя, может, на короткие промежутки времени очухивалась. То-то ему слышались ночью легкий плеск и шепот...

Потом – этим чертовым льдом – Паша сам, сам привел ее в сознание! Да еще, дурак, не остался, не понаблюдал, поспешил в Александровскую, как последний идиот...

Шикунов застонал и горько пожалел, что коньяк кончился. Нежданное воскрешение – и тем самым избавление от роли убийцы отнюдь его не обрадовало. Если вдуматься, хрен редьки не слаще. Уж кто-кто, а Люценко приложит все усилия, чтобы засадить Пашу за покушение на убийство...

Так что ничего утешительного не произошло... Гнида сейчас наверняка сидит в казенном доме и катает заявление с самыми душераздирающими подробностями...

– Стоп! Стоп!!! – закричал Паша. А может, и не закричал. Может, просто подумал. Звуки, звучавшие внутри, в мозгу, и вовне, – таким странным образом переплелись и практически теперь не различались.

– Стоп! – закричал-подумал он. – А кто сказал, что она жива? Кто видел ее оживший труп? Небось это я – Я! Я!! Я!!! – пробежал тут в носках. И все. Больше ничего. Никаких чудесных воскрешений.

Он вернулся в комнату, остановился у большого трехстворчатого шкафа. Именно там обрывалась цепочка следов – у самых дверец. И – раньше Паша этого не замечал – между дверцами была щель. Неширокая, сантиметра два, не более.

«Лариса не закрыла», – сказал-подумал Паша. И услышал – словно в ответ – чужой и мерзкий хохот, отдавшийся гулким эхом в резонирующем черепе.

Знакомый, уже слышанный сегодня голос посоветовал: а ты открой шкаф, открой – и тут же увидишь, кто не закрыл за собой двери. И почему не закрыл. Внутри – ха-ха – дверных ручек нет! Открой, открой! Потяни за веревочку, дверца и откроется... Люценко, Люценко, зачем тебе такие большие зубы?!

– ЗАТКНИСЬ!!! – рявкнул Паша на поганый голос. Наверное, все-таки вслух, потому что даже стекла задребезжали от вопля. А уши заложило. Но, может, и то, и другое лишь показалось.

Голос смолк.

Паша сделал несколько плотательных движений, пытаясь избавиться от звона в ушах, – помогло относительно. Протянул руку и стал отворять дверцу шкафа. Она ползла с душераздирающим скрипом – и отчего-то чудилось, что сквозь механический звук пробивается шипение: пло-х-х-х-хой мальчиш-ш-ш-ш-ка...

Трупа внутри не было. Ни воскресшего, ни мертвого. Никакого. Но...

Но почему вся висящая на плечиках одежда сдвинута в одну сторону по идущей вдоль шкафа металлической перекладине? И почему изнутри пахло сыростью? Кто тут был? Был совсем недавно?

Паша стал торопливо ощупывать лежавшие внизу пакеты с какими-то шмотками. Действительно сырые? Или так показалось его ладони, разом вспотевшей?

Похоже, действительно сырые...

Проклятье! Значит, сучка жива! Оклемавшись, бродила по квартире – услышала, как он звенит ключами в замке, и забила в шкаф. А потом спокойно ушла – когда Паша впал в беспамятство в ванной...

Идиот!!!

Надо было не устраивать истерику, а тут же обыскать квартиру! Вытащил бы гадину из шкафа, врезал бы по кумполу – и обратно в ванну! И – кислотой! Не хрен тут, умерла так умерла!

Ехидный голос тут же встрял: «Ты бы собрал вещички, пока время есть! Бельишко, то-сё... Только трусы в цветочек не бери. Говорят, любителей такого белья живо в камере рачком ставят...»

– Заткнись! – снова попытался гаркнуть на него Паша, но получилось как-то вяло. Неубедительно.

Ему стало страшно – и до ужаса жалко самого себя. Не будет больше ничего: ни Лариски, ни Натусика, ни Пашки-младшего – не будет того, о чем он мечтал, обманывая себя: все, мол, вернется, все наладится, все пойдет как встарь, и все будут счастливы...

Ничего не вернется. Ничего не наладится.

Та жизнь закончена. Взамен придет новая, гнусная и мерзкая.

Паша плакал. Без всхлипываний, без рыданий, вообще без каких-либо звуков – просто слезы катились и катились по щекам, а он не пытался их вытереть...

Глава 9

Топ, топ топает мертвец

Сзади кто-то сопел, и он обернулся – увидел оскаленную Жанну...

А. Щеголев «Ночь, придуманная кем-то»

1

Он неподвижно лежал в большой комнате, на диване. На спине, лицом вверх, скрестив руки на груди: ни дать ни взять – покойник. Правда, покойникам опускают веки – а Паша упорно глядел в потолок. Изучал на нем каждое пятнышко, каждую трещинку. Он раньше и понятия не имел, как это здорово: лежать в собственной квартире, на собственном диване и смотреть на собственный потолок. Ничего не делать, ни о чем не думать. Просто лежать и смотреть.

Сколько ему еще осталось такого счастья? Час? Больше? Не важно. Все равно приедут – и очень долго Шикунов сможет изучать лишь чужие потолки... Казенные и отвратительные...

А вот металлическую дверь он им не откроет. Дудки. Пусть помучаются, вскрывая... Или не имеют права без ордера? Черт их знает, какие там у них сейчас права... Плевать...

Алкогольное возбуждение прошло. Пашу охватил приступ апатии. Действуя по уму, за час можно успеть весьма многое. Для начала – слить в канализацию проклятую кислоту и избавиться от пустых емкостей. Затем выстроить свою версию случившегося – в конце концов, кроме слов Лющенко, никаких улик против Паши нет (не считая шеренги кислотных бутылей, предательски выстроившихся в прихожей). Мало ли где она могла головой приложиться... Наконец, можно попытаться дозвониться до юридической консультации по уголовным делам – и обзавестись адвокатом.

Ничего подобного Паша не делал. Лежал и смотрел в потолок. Миновавший уик-энд, как безжалостный вампир, выпил все силы, все мысли, все желания... Не хотелось ничего. Вспыхни сейчас под ним диван – Шикунов, скорее всего, не пошевелился бы.

Наступил вечер, но за окном не наблюдалось даже намека на сумерки – белые ночи приближались к своему апогею.

Ночь оживших мертвецов, подумал он без проблеска эмоций. Ночь ожившей Лющенко. Ведь учат же дураков опытные люди: всегда надо делать контрольный выстрел в голову. Контрольным молотком по голове тоже неплохо...

Сожалений, впрочем, у Паши не было. Не было вообще ничего. Пустота. Летаргия. Ему казалось, что, если даже возникнет у него желание что-то сделать – ни рукой, ни ногой шевельнуть не получится... Паралич. Паралич всего: мышц, воли, мыслей...

Но тут раздался звук, мигом согнавший с него сонное оцепенение. Совсем рядом – в ванной? точно, в ванной! – что-то шумно заворчалось и заплескалось.

Паша как-то мгновенно перешел в вертикальное положение. Не вставал, не вскакивал с дивана: только что лежал пластом – и тут же оказался на середине комнаты, напряженно вслушиваясь. Потом торопливо пошел к источнику звука.

Свет в ванной горел, дверь была распахнута, и синяя занавеска отдернута.

Сам оставил именно так? Неважно... Теперь совершенно неважно. Важным показалось другое: поверхность воды в ванне до сих пор будоражили небольшие волны – стихающие. И никакими колебаниями воздуха это было не объяснить.

Хотелось закричать, и он уже широко разинул рот – но крик не получился. Губы немо схлопнулись.

Поверхность воды меж тем успокоилась. Стало видно старое, чуть пожелтевшее дно ванны, покрытое паутиной мелких трещинок. И Шикунов увидел – там, на дне, – что-то маленькое. Что-то поблескивающее.

Зуб, золотой зуб, подумал он без всякого удивления. Это могла быть вовсе и не коронка, а, что вероятнее, сережка или кольцо – но Паша не стал доставать и рассматривать.

А может, достал и рассмотрел, потому что в событиях вновь случился какой-то провал, Шикунов неожиданно осознал, что громит – да-да, именно громит – собственную комнату, в которой недавно возлежал на диване в позе трупа.

Сервант валялся на боку – вокруг груды стеклянных и фарфоровых осколков. Дверцы всех шкафов распахнуты, вещи вывалены на пол. Книги стояли на своих местах, на полках, но прикрывавшие их стекла оказались разбиты – все до единого.

Он застыл, не понимая: что и зачем делает?

Ищет Лющенко? Затаившуюся между книжек?

«Я сошел с ума», – констатировал Шикунов уже второй раз за сегодняшний день, глядя на свою ладонь, по которой отчего-то струилась кровь. Ничего не было, сказал он себе. Ничего. Ни звуков, ни взбаламученной воды, ни золотой побрякушки на дне... Глюки, банальные глюки. Надо успокоиться, надо держать себя в руках...

Он попытался – но тело нагло бунтовало, телу требовалось что-то ломать и крушить. Кровь кипела адреналином, сердце стучало бешено, пульс – тук-тук-тук – отдавался в ушах громкими шлепками...

Паша замер. Это не пульс в ушах, нет. Это ноги, босые мокрые ноги, по полу, быстро – шлеп-шлеп-шлеп... Проклятая сука, вот кто это. Никуда не ушла. Затеяла игру в прятки. Ладно, сыграем. Проигравшего – в ванну с кислотой. Раз, два, три, четыре, пять – я иду тебя искать!

Тяжеленный графин с высоким узким горлом валялся под ногами – выпал из серванта, но толстый хрусталь выдержал, не раскололся. Шикунов схватил его, пятная кровью из расщепленной – когда? обо что? – ладони. И неторопливо двинулся туда, где смолкло шлепанье... Кто не спрятался – я не виноват.

В кухне – никого. В детской – никого. Он сунулся было в туалет – снова услышал «шлеп-шлеп-шлеп», за спиной, в большой комнате... Бросился туда, в прихожей что-то подвернулось под ногу – маленькое, верткое. Паша не успел понять, что это было, – растянулся во весь рост, больно ударившись коленом. Вскочил и заковылял в большую комнату – игра заканчивается,

теперь сука не уйдет, никуда не денется – на тридцати метрах жилой площади долго в прятки не поиграешь...

НИКОГО.

Никого в большой комнате не оказалось. Графин был уже занесен для удара – и Паша в бессильной ненависти саданул по шкафу – выпотрошенному, с распахнутыми дверцами. На полированном дереве осталась глубокая вмятина. Хрусталь снова выдержал.

Штора у окна чуть дернулась. Паша – мгновенно, словно телепортировавшись через разгромленную комнату, – оказался возле нее. Рванул – никого. Штора рухнула вместе с карнизом. Шикунов взвыл и вмазал графином по оконному стеклу. Звон, ливень осколков... Он смотрел на окровавленное горлышко графина, стиснутое пальцами. Странно, но теперь толстый хрусталь раскололся – ровно-ровно, словно обрезанный стеклорезом. Паша попытался отбросить остаток оружия – пальцы не слушались, не желали разжиматься. Рука казалась чужой, казалась искусной имитацией, конечностью воскового манекена – только из воска отчего-то сочилась кровь.

И тут раздался голос. Шипящий и в то же время немного побулькивающий; странное сочетание, но именно так и прозвучало услышанное Пашей – словно шипение выходящего из баллона газа наложилось на звуки, издаваемые неисправным водопроводным краном, – и родились слова:

– Ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф... Пло-х-х-х-хой мальчиш-ш-ш-ш-ка...

2

Потом снова случился провал. Обрыв пленки. Шикунوف вдруг обнаружил себя в детской – пригнувшись, стоял в засаде за двухъярусной кроватью, рука стискивала молоток. Как, когда там оказался – совершенно не помнил.

Но теперь способность думать и осознавать свои действия вернулась – относительная, как и все сегодня.

В квартире царила тишина – натянутая, звенящая, как на пороховом складе за секунду до взрыва. Лющенко затихла, где-то затаилась...

НО ГДЕ?

Не было в квартире-двушке мест, способных ее спрятать. Вернее, были, но Паша осмотрел их дотошно и внимательно. Галлюцинации? Слуховые галлюцинации?

А кто оставил тогда следы мокрых ног на полу? Кто сидел в шкафу, сдвинув в сторону плечики с одеждой? Куда подевалось тело, наконец?

Галлюцинации – это, надо понимать, когда мерещится то, чего на самом деле нет. Определение, может, не научное, но по сути верное. Но если то, чему быть на месте полагается (в данном случае – труп), напрочь отсутствует – то никакими галлюцинациями сей факт не объяснить.

Но должно же существовать рациональное и простое объяснение всей чертовщины! Должно!

Шикунов в который раз попытался призвать на помощь логику (не покидая место засады и не выпуская молотка).

Итак.

Допустим, Лющенко действительно выжила – очнулась и ушла. Такой вариант куда вероятнее, чем тот, что она почти сутки просидела в пустой квартире, понятия не имея, когда вернется Шикунов, – для того лишь, чтобы затеять с ним прятки-пугалки. А теперь вопрос: неужто эта сука ушла бы так, тихо и мирно, по-английски? Да ни в жизни. Если бы даже не подожгла квартиру, то погром бы устроила тот еще. Изгадила бы все, что смогла, времени у нее хватало.

Однако – ни следочка.

Значит, задумала нечто более гнусное и утонченное. Например, свести Пашу с ума... Легко. Исчезновение трупа – уже удар по психике. А тут еще эти звуки...

Словно эхо его мыслям, вновь раздался – из кухни? – свистяще-булькающий шепот:
– Ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф... Ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф...

Но Пашу уже было не сбить с правильного пути. Разгадка сверкнула мгновенно, как вспышка выстрела во мраке.

Музыкальный центр! Его собственный музыкальный центр! Плюс кассета, записанная воскресшей Люценко и запущенная в режиме нон-стоп...

Паша засмеялся. Веселым смех отнюдь не был, скорее напоминая воронье карканье.

– Ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф... – призывно шептала самсунговская электроника. И фоном мокрые ступни: шлеп-шлеп-шлеп...

Он, все еще хрипло смеясь, вышел из засады. Небрежно отбросил молоток и пошагал на кухню, тяжело переставляя ноги, – выключить поганую запись. Чтобы наконец заняться делом. Вылить для начала запасы кислоты...

Но выключить не довелось. Центр не был включен. Даже штепсель не вставлен в розетку... «Батарейки?» – подумал Паша, сам не веря себе. Он лихорадочно терзал ни в чем не повинный «Самсунг» – кассеты внутри нет, CD нет.

– Ш-ш-шикуноф-ф-ф-ф... – прошипело из ванной. И вновь громко заплескала вода.

3

Наступила ночь. Серый полусвет сочился из окна и казался чем-то осязаемым, вязким и неприятно-липким. Но фотопортрет в полумраке был виден – он висел на стене в детской и изображал трехлетнего Пашку-младшего, впервые пошедшего в том году в садик. Для съемки фотограф нарядил мальчишку в царский костюм: расшитый кафтан, шапка Мономаха – и вручил бутафорские скипетр с державой. Получилось красиво, Шикунным этот портрет весьма нравился.

Сейчас Паша стоял перед ним и не отрывал взгляд от изображения сына – как молящийся человек от иконы. Наверное, так оно и было. Шикуннов никогда не верил ни в Бога, ни в черта, ни в переселение душ, ни в телепатию и летающие тарелочки.

Теперь – пришлось.

Все рациональные причины творящейся бесовщины исчерпались, так и не объяснив ничего. Иррациональными объяснениями Паша забивать голову не хотел. Какая разница, с чем довелось столкнуться? Бродит ли по квартире неприкаянная душа убиенной Люценко, или мертвое тело подняла ее злоба, никак не желающая подышать...

Паше было безразлично.

Может, стерва после смерти превратилась в зомби, в вампира, в русалку – выбор широк, весь Голливуд к услугам. Ему все равно. В мире, где по квартирам бродят невидимые упыри, Паше Шикуннову места нет.

Герои уже упомянутых голливудских боевичков отчего-то всегда отличались невероятной крепостью психики и приспособляемостью: обнаружив НЕЧТО в корне ломающее их представления о реальности, они не впадали в панику и депрессию, быстренько мобилизуя на борьбу с нечистью иконы и молитвы, кресты и святую воду, древние ритуалы и самую современную технику.

Шикуннов так не мог. Невозможно бороться с тем, что не может существовать в твоей системе жизненных координат – но неожиданно, вопреки всему, там появляется. Потому что все твои знания и умения лежат именно здесь, в этой плоскости бытия, – и бессильны против пришельцев извне...

Паша ничего не станет делать.

Будет стоять, смотреть на портрет сына, раз уж не нашлось икон, – и ждать, чем все закончится. В любом ужасе есть единственный светлый момент – все всегда рано или поздно заканчивается. Так или иначе.

За спиной шлепали шаги, все ближе и ближе. Он не оборачивался и заставлял себя не прислушиваться. Твердил мысленно старую песенку, всплывшую в памяти при виде портрета маленького Пашки:

Топ, топ, топает малыш...

Топ, топ, топает малыш...

Других слов Шикунов не помнил и твердил эту единственную строчку, твердил с подсознательной надеждой: вдруг поможет, вдруг как-то заменит молитвы, которых он не знал и в силу которых не верил.

Не помогло. Шаги приближались.

Голос зашипел, казалось, в самое ухо:

– Пло-х-х-х-хой мальчиш-ш-ш-ш-ка...

Обернуться хотелось нестерпимо. Паша сдержался, говоря себе: сейчас все кончится, не может призрака причинить вред живому и реальному человеку, так или иначе все кончится, все проходит – и это тоже...

Обжигающе-ледяные пальцы впились в его горло.

Паша захлебнулся хрипом и смолк.

Сочащийся в окно серый сумрак стал теперь багрово-красным, словно неподалеку вспыхнул пожар. В ушах гремело эхо близких взрывов. Ледяные пальцы вдавливались в горло все глубже.

Забыв о намерении ничего не предпринимать, Паша вцепился в душившие его руки – оторвать, отодрать от горла. Казалось, он близок к успеху – выламывая, отогнул один чужой палец, второй... Тут его правую ладонь пронзила боль – Шикунов успел понять, что на ней с хрустом сомкнулись зубы трупа. Больше он не успел ничего, холод от мертвых пальцев-льдышек проник внутрь, в голову, в мозг – и все внутри мгновенно заледенело до хрустального звона, и стало стеклянно-хрупким, и звонко рассыпалось на миллион кусков.

Багровый свет погас. Пришли темнота и тишина.

Эпилог без хеппи-энда

...Вместо лица что-то красное, пузырящееся, оскаленное.

И к тому же – нож. Длинный, хозяйственный.

Торчит из шеи – сзади.

А. Щеголев.

«Ночь навсегда»

Теперь квартиру Шикунова заполнял яркий солнечный свет – но вид ее оставался мрачным. Впрочем, людям, споро и без суеты заканчивающим свою работу, было не привыкать. Насмотрелись.

Двое из них сейчас курили на кухне – один, высокий, в давно не стиранном белом халате, уселся на край стола и задумчиво пускал дым кольцами. Второй, коренастый крепыш в форме с капитанскими погонами, расхаживал от двери к окну и обратно, – по замысловатой траектории, огибавшей предметы мебелировки. Курил нервно, быстрыми короткими затяжками.

– Это что же получается? – недоуменно спросил крепыш. – Я всегда думал, что говорят: «руки на себя наложил» – как бы фигурально. А в натуре люди вешаются, травятся, стреляются,

но уж никак не душат сами себя, ухватив за глотку... Разъясни-ка, Петрович, что твоя наука про это думает.

Долговязый Петрович страдал сегодня (как и вчера, и позавчера) жестоким похмельем, и что-либо разъяснить ему не хотелось. И вообще ничего не хотелось, кроме большого количества холодного пива.

Он выпустил очередное кольцо и ответил витиевато:

– Возможно наложение механической аутоасфикции на психосоматическую на фоне острого маниакально-депрессивного психоза...

Капитан вскипел:

– Ты по-русски говори, трубка клистирная! А про свою асфикцию-х...икцию жене будешь объяснять, когда спросит, куда эрекция делась!

Оскорблением прозвучавшие слова не стали, доктор и капитан часто пикировались подобным образом – привыкли и не обижались.

Но сегодня Петровичу было не до словесных дуэлей. Он страдальчески поморщился, нацедил стакан холодной воды из крана, залпом выпил. Объяснил по-русски:

– Свихнулся парень, и все дела. Мочканул телку свою, стал мудрить, как сухим из воды выйти. Кислоту видел? Ну вот... А сам был к таким делам непривычный, в общем, крыша и поехала. Просиди-ка три дня рядом с трупом, в ванне мокнушим. Страх, угрызения совести, то да сё...

– Что же петельку не намылил, от угрызений-то? – скептически поинтересовался капитан. – Да как себя вообще можно руками? Даванешь на сонную – и отрубись, пальчики и разожмутся. Полежишь, полежишь, да и очухаешься...

Эксперт и сам испытывал на этот счет немалые сомнения.

Но сказал уверенно:

– Люди и не на такое способны. Или тебе кого-то третьего искать хочется? И без того «глухарей» вокруг, как на птицеферме. Убийство раскрыто по горячим следам, убийца совершил суицид – и дело в архив.

– Ладно, суицид так суицид, – нехотя согласился капитан. Докурил, загасил окурочок о подошву, щелчком отправил в открытую форточку. Уже выходя из кухни, сказал задумчиво: – Одного не понимаю: зачем он стал ломать пальцы трехдневному трупу?

Петрович ничего не ответил, сочтя вопрос риторическим. Набрал и опорожнил еще один стакан, прошел в комнату неуверенной походкой.

Труп Шикунова П. А., 1973 г. р., женатого и имеющего двоих детей, уже вынесли – остался лишь меловой контур на паркете. Второе тело, выловленное из ванной, лежало на полу, запакованное в длинный мешок из плотного черного пластика, и ожидало, когда за ним вернутся санитары с единственными имевшимися в наличии носилками.

Петрович равнодушно шагнул было через мешок – и чуть не растянулся, споткнувшись. Выругался:

– ...на мать, разложили тут падаль, ни пройти ни проехать...

Присел на табурет, недоброжелательно глянув на труп. Хотел отвернуться и...

И недоуменно заморгал глазами. Показалось – мешок шевельнулся. Совсем чуть-чуть, едва заметно. Словно вместе с телом упаковали не то мышшь, не то крысу.

Тело лежало неподвижно, как мертвецам и положено. Петрович вздохнул. Надо взять себя в руки и постараться ограничиться сегодня пивом. А то праздник что-то затянулся: шевелящиеся мертвецы уже чудятся...

Чтобы подавить возникшее неприятное чувство, он пододвинул табурет поближе и положил обе ноги на мешок, как на подставку. Профессиональная бравада.

Да и что тут такого, в конце концов?

Мертвым все равно. Мертвые, как всем известно, не кусаются.

Ночь накануне юбилея Санк-Петербурга

За отдраенным иллюминатором – его писатель, как человек сухопутный, считал открытым окном – плыла ночь. И плыли берега – хотя их почти не было видно. Левый, ближний, во многих местах вздымающийся высокими отрогами, еще как-то чувствовался. На звезды (на те, что не догадались забраться на небесном своде в безопасное место, поближе к зениту) – на эти недальновидные звезды напозлазили черные силуэты утесов. Звезды исчезали – словно там, в небесной выси, завелось огромное мрачное чудовище, пожирающее их. Потом появлялись снова, целые и невредимые, – словно прожорливое чудовище обладало весьма слабым пищеварением. Улыбнувшись такому сравнению, писатель отвернулся от окна, которое на самом деле называлось иллюминатором.

...Каюта была роскошная – мореный дуб, сафьян, бархат, слоновая кость, серебро. Поначалу писатель чувствовал себя в ней неуютно – но чувство это слабело, по мере того как убывало вино в покрытой паутиной бутылке. Кончились они одновременно – и «Божоле Луизьон», и писательская неловкость. Впрочем, его спутник и собеседник откупоривал уже вторую – открывал сам, встреча старых знакомых проходила тет-а-тет, без стюарда и прочей вышколенной прислуги.

– Странно, что ты совсем не пьешь виски, – сказал писатель. – Почему-то мне представлялось, что ты обязательно пьешь виски.

– Пробовал много раз. Тут же лезет обратно, – коротко и мрачно ответил Хозяин.

Он действительно был хозяином и этого судна, и много еще чего хозяином. Матросы, и прислуга, и даже сам капитан звали его не шефом и не боссом, а именно Хозяином¹. Звучало это с неподдельным уважением и как бы с большой буквы – будто имя собственное. Писатель решил, что надо быть весьма и весьма незаурядным человеком, чтобы тебя называли так даже за глаза, и по неистребимой своей писательской привычке подумал: вставлю куда-нибудь.

Будем называть владельца судна (и не только судна) Хозяином и мы. А писателя... ладно, писателя будем звать Писателем – тоже с большой буквы. Пусть ему будет приятно – тем более что к тридцати девяти годам известности он добился изрядной.

– Наверное, мой папаша заодно вылакал и тот виски, что судьбой был отмерен на мою долю, – добавил Хозяин, разливая.

Вино лилось тонкой струйкой, ударялось о хрусталь бокала и в свете свечей казалось... Писатель мысленно замылся, поняв, что не может с лету подобрать сравнения – незатертого, яркого, свежего – *писательского*.

– За Санкт-Петербург, – провозгласил Хозяин уже третий сегодня тост за родной город. – За его юбилей. Семьдесят лет – не шутка, что и говорить. Странное дело, Сэмми, – где я только ни бывал и попадал в красивые по-настоящему места, но до сих пор мне порой снится этот занюханый, сонный и вонючий городишко, где по большому счету ничего хорошего я не видел.

– Это, Берри, и называется – ностальгия... – сказал Писатель. Произнес он на французский манер: «ностальжи».

– Теперь я тоже знаю, что такое ностальгия, – кивнул Хозяин. – Мне было тридцать с лишним лет, и я заплатил кучу хорошеньких кругленьких долларов, чтобы узнать это и другие похожие слова. И что же? Ничего не изменилось, когда на душе скребут кошки – назови это хоть по-французски, хоть по-китайски, – а тебе все так же паршиво... Теперь вот мы плывем вверх по реке – а мне кажется, что вокруг не вода, а время... Время – понимаешь, Сэмми? А мы плывем ему встречь... Кажется, что снаружи – стоит выйти из каюты – все по-прежнему.

¹ В оригинальной речи персонажей слово «Хозяин» звучало не как boss, но как master.

И меня, одетого в лохмотья юнца, вышибут пинками с палубы первого класса и вообще с парохода... Нет, Сэмми, что ни говори, а Санкт-Петербург – маленькая паршивая дыра. И хорошо, что его юбилеи бывают нечасто.

– Зато на завтрашнем торжестве ты будешь первым человеком, Берри. Вот если бы ты родился, скажем, в Бостоне, на его юбилее затерялся бы в толпе знаменитых уроженцев. А так именно тебе предстоит открывать памятник Уильяму Смоулу... Я, кстати, до сих пор не понимаю, как тот похожий на армянина-ростовщика скульптор сумел уболтать отцов города и добиться возведения эдакого бронзового чудища... Да и не Смоул это вовсе. Я сильно сомневаюсь, что старина Билли семьдесят лет назад, – когда он вылез из фургона на берегу Миссисипи и сказал: «Строить будем здесь!» – был в треуголке, камзоле и высоченных ботфортах. Скорее в соломенной шляпе, домотканой блузе и башмаках с деревянными подошвами. И в руках держал не трость, а обычный кнут, которым погонял лошадей... Ты, Берри, видел эскизы памятника? Это же не фронтирер, а какой-то хлыщ из Нью-Амстердама.

– Что там эскизы, Сэмми. Смоула-основателя отливали на моем заводе в Цинциннати и везли в Санкт-Петербург на моей барже. Мне он, между прочим, понравился. Большой, внушительный. А что одет не так – и сейчас-то его никто не помнит, а еще через семьдесят лет не будет и тех, кто слышал рассказы отцов и дедов о старине Билли. И он останется для людей таким, каким мы его изобразим. В треуголке и ботфортах... Но кое в чем ты ошибся. Памятник мы будем открывать вместе, стоя рядом. Потому что более никого, достойного такой чести, Сан-Питер не породил. Гордись. – И Хозяин вновь наполнил бокалы.

Писатель гордиться не стал. Сказал задумчиво:

– А ведь странно... Ведь кем мы были среди сверстников? Я – незаметный в любой компании середнячок... А ты... Ну не мне рассказывать, кем ты был тогда. Мне всегда казалось, что добьются успеха и прославятся или Джо, или Томми, или... Но никак не мы.

– Джо действительно мог прославиться, – подтвердил Хозяин. – Отчаянный был парень. В войну записался в «Белый легион Миссисипи», потом стал одним из лучших кавалерийских офицеров в армии генерала Ли. Готовился приказ о присвоении Джо чина полковника, когда он погиб под Геттисбергом. Глупо погиб – два эскадрона послали в разведку боем, фактически – на убой. Джо добровольно заменил лейтенанта, что должен был командовать смертниками: к тому накануне приехала невеста... Кстати, в Санкт-Петербурге есть улица капитана Джозефа Гарпера. Ты не знал?

Писатель *знал*, но покачал головой.

– Тоже почти слава... – сказал Хозяин. – Правда, через двадцать лет и не вспомнят, кто это такой...

Они, не чокаясь, выпили за упокой души Джо Кровавой Руки – так в детских играх именовал себя их товарищ, подставивший грудь под картечь федератов. Подставивший за другого, точно так же, как когда-то – с презрительным спокойствием – принимал за чужие грехи розги от мистера Доббинса, учителя, очень не любившего детей.

Помолчали. Хозяин в той войне принимал участие косвенно – занимался поставками в армию северян. А Писатель... Ему довелось взять в руки оружие. Но – как-то не всерьез, какая-то оперетка получилась. С компанией друзей-сверстников вступил в «Миссурийский иррегулярный эскадрон» – с шутками-прибаутками, казалось: продолжают игры в Кровавую Руку и Черного Мстителя Испанских Морей на Индейском острове... Затем – неожиданно – полилась кровь. Настоящая. Понял – не для него. Уехал в Теннесси, в самую глушь, занялся журналистикой. И война прогрохотала мимо. Потом убедил себя – так и надо было: кто-то воюет саблей, кто-то пером... Но не любил, когда при нем вспоминали Джо Гарпера.

Чтобы сменить тему, Писатель сказал:

– А помнишь Томми? Вот уж кто, все думали, прославит Санкт-Петербург. И вон как все получилось...

Хозяин согласно кивнул:

– Да, голова у него варила... Я всегда говорил: если уж наш Томми до чего-то додуматься не может, так и никто не додумается. Я в Вашингтоне поначалу-то по делам бывал, все думал: зайду в какой департамент, а там он – в большом кресле сидит, клерками командует... А Томми как смылся с той смазливой блондиночкой, так ни слуху ни духу...

– Так ты что, – медленно и тяжело сказал писатель, – не слышал...

– Что не слышал? Нашелся наш Томми?

– *Нашли*... Год назад... Вернее, сначала нашли залежи руд – ну знаешь, для этого новомодного металла, как он там называется...

– Алюминий, Сэмми, – мягко подсказал Хозяин. Новомодный металл уже принес ему немалые деньги.

– Вот-вот... Нашли аккуратно под Кардифской горой, начали разработку. И одна штольня натолкнулась на естественный грот. На какое-то дальнейшее ответвление пещеры Мак-Дугала – милях в четырех от ее главного входа. Там они и отыскались.

– Кто – они? – не понял Хозяин.

– Они. Томми и дочь старика Тетчера. Ну тогда-то он был не старик, когда...

– Подожди, подожди... То есть – они не сбежали? Заблудились в пещере? И все годы их скелеты лежали там?

– Не скелеты, Берри. Мумии. Такой уж в той пещере воздух... Ты знаешь, я всегда стараюсь заскочить в Сан-Питер, когда бываю проездом неподалеку. И – через два месяца после той находки встретил старого судью... Не узнал. За полгода до того был представительный пожилой джентльмен – волосы «соль с перцем», спина прямая, походка твердая... А тут – седой как лунь, сгорбленный, едва ноги волочит. Он ведь двадцать пять лет надеялся – жива его Ребекка, жива, растит внуков где-то, просто на глаза показаться боится. Самое страшное – они там просидели живыми не меньше недели. По крайней мере Бекки неделю вела записи.

– Записи? Она взяла с собой чернила и бумагу? Лучше бы прихватила клубок бечевки, да побольше.

– Не было ни чернил, ни бумаги. Нашелся свинцовый карандаш, они отрывали клочки ткани от ее юбки, от рубашки Томми – и Бекки на них писала. Кошмарный получился дневник...

– Ты его читал? – спросил Хозяин с долей скепсиса.

– Нет, *это* почти никто не читал. Надеюсь, судья Тетчер его сжег. Никому не надо читать такие вещи – и незачем. Но мне рассказывал Бен Роджерс – ты должен его помнить, он сейчас окружной коронер... Так вот – он читал. И, говорит, не спал потом две ночи. Они... Они умирали от голода, Берри. Вода там откуда-то сочилась. У них была с собой маленькая корзиночка для пикников – пирог, что-то еще из продуктов... Растягивали, как могли, Томми уверял, что их ищут и обязательно найдут. А сам слабел и через неделю умер первым. Она нащупала рядом сверток со всеми его порциями... Томми до конца надеялся, что Бекки дождетс помощи. Она написала большими неровными буквами, свечи давно кончились: ЛЮБЛЮ ЕГО. НЕ ХОЧУ ЖИТЬ. И больше дневник не вела, сколько еще прожила, никто не знает... Мне порой хочется написать про них – но с хорошим концом, чтобы они спаслись, выбрались, чтобы жили долго и счастливо, чтобы она родила ему пятерых детей...

– Напиши. А то история действительно поганая, – сказал Хозяин. – Но... знаешь, Сэмми, я даже не помню лица девчонки. И имя – Бекки – вспомнил, только когда ты его назвал. Звучит для меня все, как сказка, – страшная, но сказка... Надеюсь, Томми успел, пока оставались силы, попользоваться ее любовью.

Прошедшие годы изрядно добавили ему цинизма.

– Как ты догадался? – неприятно удивился Писатель. – Я ведь не хотел тебе говорить...

– Нашел загадку... Чем еще может заняться четырнадцатилетний парень с ровесницей – если темно, идти некуда, и надо чем-то задавить страх смерти? Мне тоже было четырнадцать, когда...

Хозяин неожиданно замолчал. Писатель отметил странную вещь: лицо у его старого приятеля стало другим – мрачным, темным. Суставы пальцев, сжимавших бокал, побелели. А ведь про заблудившихся в пещере слушал гораздо спокойнее. Вспомнил *свою* страшную сказку?

Хозяин встал. Сделал шаг к иллюминатору. Постоял, глядя на круглый проем, – Писатель мог поклясться, что звездного неба Хозяин не видит. Потом – два шага к двери. Застыл снова. Потом – быстро, уверенно – раскрыл отделанный слоновой костью погребец, ухватил сразу две бутылки. Поискал глазами штопор... Не увидел, и – резко – горлышком о край стола.

Писатель вздрогнул. Стекло хрустнуло. На палисандре столешницы появилась глубокая вмятина – и была видна даже сквозь накрахмаленную скатерть.

Вино – то, что не выплеснулось при ударе, – хлынуло в бокалы кроваво-красной струей. На скатерти набухали лужицы...

«Сейчас расскажет все, – думал Писатель с холодным удовлетворением. – Расскажет, куда не денется – потому что дернул за какую-то дверцу в своей памяти, к которой прикасаться совсем не стоило. Пусть расскажет, а я послушаю. Может, куда-нибудь вставлю».

Прошедшие годы изрядно добавили цинизма и ему.

Но знания жизни добавили тоже. Писатель оказался прав. Хозяин рассказал все. Причем – Писатель удивился – речь его изменилась разительно, словно и не платил старый знакомый кучу хорошеньких кругленьких долларов своим педагогам, словно действительно пароход плыл вверх по реке времени, словно рассказывал эту историю парнишка в лохмотьях, сидящий на старом бочонке, покуривающий трубочку из маисового початка и временами лихо сплевывающий сквозь зубы...

* * *

Это случилось в то лето, когда меня убили. Меня и моего папашу. Помнишь, Сэмми, ту историю? Я думаю, что в Сан-Питере о ней толковали долго.

Так вот, в то лето мой старик допился до белой горячки. Вроде бы обычное для него дело, да не совсем. На этот раз вместо розовых тараканов или зеленых утопленников на папашу напустился сам Ангел Смерти. Причем мнится ему, что Ангел – это я. Ну старик мой за топор, и давай отбиваться. Хибарка у нас была – семь футов в ширину, десять в длину, дверь заперта, в окошечко разве что кошка проскочит. Вижу – конец пришел. Ни вернуться, ни убежать – разделает, как баранью тушу. Хорошо, успел я... В общем... Короче говоря, споткнулся старикан о бочонок с солониной – и на пол рухнул. А там как раз мой ножик фирмы «Барлоу» валялся, и...

И осиротел я, Сэмми, в четырнадцать лет. Горько мне стало, муторно. Сижу, думаю: вот папашка мой всю жизнь пил... Все, что под руку подворачивалось, – крал, вечно рядом со свиньями на старой кожевне пьяным валялся... А ведь никто мне руку не пожмет, спасибо не скажет за то, что если не веревку, то уж ведро смолы и старую перину городу точно сэкономил. Нет, сэр! Сразу вспомнят, что был он каким-никаким, а гражданином Соединенных Штатов, – и упекут меня в кутузку. Могут, правда, туда и не довести, по дороге повесить – другим строптивым сыновьям для остратки.

И решил я сказать «прощай» штату Миссури. Но так, чтобы меня потом не ловили и не искали. Ну и обставил дело соответственно – будто кто-то дверь снаружи топором изрубил, нас с папашей прикончил, а мой труп до реки дотащил – и в воду.

Короче говоря, загрузил в лодку все, что в хибаре ценного нашлось, – и на Индейский остров. Затаился, день сижу, другой сижу, – самого сомнения гложут. Поверили моей выдумке? Нет? Дай, думаю, сплаваю на миссурийский берег. Подкрадусь-подползу к пристани, может, и узнаю чего... Дождался темноты, поплыл. Едва причалил в сторонке – слышу: шум, крики, лай собачий. Факелы мелькают, пальнули пару раз из ружья вроде как... Нет, думаю, не судьба, другой раз как-нибудь. Стал отчаливать – из кустов человек. И – прыг ко мне в лодку! Гляжу – негр! Здоровенный, зараза, пахать на таком можно. Ну вот, думаю, сейчас моя придумка правдой обернется – и поплывет мой труп вниз по матушке Миссисипи.

Но негр вроде мирный: чуть не на коленки хлопается – спаси, мол, масса, не дай безвинно погибнуть. Линчевать его, видишь ли, собрались. Но мне-то что до его проблем? Своих куча. Да только пока я его из лодчонки выпихивать буду – тут обоих и повяжут. Ладно, говорю, садись за весла. Как он греб, Сэмми, как он греб! Борта трещат, весла гнутся. Даром что негр, а висеть тоже не хочет. Стрелой отплыли мили две – тут луна из-за туч. Негр лицо мое разглядел – и чуть за борт не сиганул. Да не смог – сомлел, отнялись руки-ноги. Тут и я его признал – Джим же это, его сестра старой вдовы Локхид к нам привезла, когда погостить приехала да на три года и застряла. Что, говорю, весла-то бросил – греби давай к тому берегу. А он: не тронь меня, не тронь, я мертвецов не трогал никогда, и ты меня не тронь...

Ну отвесил я ему затрецину, чтоб почувствовал, какой я мертвец. Помогло. Выяснилось: линчевать Джима собрались не за что-нибудь – за убийство меня и папаши. Он в тот вечер за дровами поехал, как раз неподалеку от нашей хибарки рубил. Ну видел его кто-то там, потом вспомнил – и пошла потеха. В Миссури, сам знаешь, даже сейчас негру лучше не мелькать возле места, где белого убили. А уж тогда...

Ладно, думаю, негра от себя отпустить нельзя. Никому он не должен проболтаться, что я еще по этому свету разгуливаю... Тут он меня за рукав: пойдём, дескать, расскажешь, что я не убивал тебя вовсе... Говорю ему в ответ так спокойненько: мол, папашка мой, думаешь, тоже придет – и пятерней на Библию, что не ты его на ножик насадил?

Призадумался черномазый. Да и я в затылке чешу. А лодочку мою помаленьку течением сносит.

В результате всех раздумий получается, что сидим мы с Джимом в одной лодке. И в прямом смысле, и в переносном. Если его линчеватели поймают и он все расскажет – конец моей привольной загробной жизни. А если я попадусь – придется на него убийство папаши навесить, нет другого выхода. Так что лучше нам друг другу помочь унести ноги из тамошних мест.

В общем, поплыли мы в сторону устья Огайо вместе, Джим в свободные штаты податься решил. А мне все равно куда, лишь бы от дома подальше. Ночами плывем, днем отсыпаясь, питаемся чем бог пошлет. Пошлет курицу – едим курицу, пошлет копильню незапертую у берега – едим окорок, поле с молодым маисом пошлет – и за это богу спасибо. Рыбу еще ловили. Папаша мой, наверное, в гробу ворочался – если, конечно, ему городская казна на гроб расщедрилась. Сам-то был он рвань рванью, но белым цветом кожи крайне гордился. А тут сынок его единственный с негром связался, из одного котелка с ним пьет-ест, в одном шалаше спит, одной циновкой укрывается... Мне и самому дико поначалу казалось. Потом ничего, привык. Да и к Джиму пригляделся получше – все почти как у людей у него. Не совсем, конечно, но очень похоже. Жену он свою вспоминал, дочек, сына – плакал даже. А со мной – я, когда понял это, чуть за борт не свалился – со мной просто подружился. Хуже того, я и сам стал как-то... не знаю, как сказать... в общем, никогда не думал, что я за какого-то негра так тревожиться буду, когда нас у Сен-Луи чуть охотники за беглыми рабами не прихватили. Не того испугался, что все он обо мне расскажет – ничего бы он не рассказал, – за него самого.

Тем временем бог нас не забывал. Послал весьма удачно лавочку скобяную, плохо запертую. И стали мы с Джимом богачами – по шестнадцать с лишним долларов на брата, не шутка. Купили у плотовщиков за полдоллара звено плота, палатку там капитальную установили,

парусиной обтянутую, – чтоб не возиться с шалашом на каждом новом месте. Да и вообще, плот не челнок – на том целую ночь плыть тяжело: ни встать, ни пройти, ни ноги размять. На плоту же – иное дело. Медленнее, конечно, ну да нам спешить некуда.

В общем, плывем вольготно, как короли или герцоги. Обленились, ночью по берегам не пиратствуем, еду покупаем. Одежду себе новую справили... Тогда-то я на всю жизнь и понял, что главное в этой стране – капитал заиметь...

...В свободные штаты мы не попали. Вместо этого ночью в тумане угодил плот наш под колесо парохода. Они там, как положено, в колокол били, но в тумане, знаешь, звуки странно расходятся – казалось, мимо пароход проскочит... Не проскочил.

Короче, что получилось: плот вдребезги, пароход своей дорогой уплыл, мы на берег выбрались – без ничего и до нитки мокрые. Вокруг тьма, ни огонечка, лишь звезды над головами. Вдруг: копыта «цок-цок-цок» – всадники. Подъехали, окружили, все с оружием... Дверцу фонаря распахнули, в лицо мне светят – на старину Джима никто и внимания не обратил. Все, думаю, конец, догнали нас все-таки... Думал, к миссурийским линчевателям в лапы попал. Но попал я к Монтгомери, канзасским плантаторам. И до сих пор иногда сомневаюсь: может, к линчевателям лучше было бы, может, столкнулся бы с ними как-нибудь...

* * *

Полковник Роджер Монтгомери оказался настоящим джентльменом, Сэмми. Мой старикан говорил, что для джентльмена самое главное – порода, хотя сам папаша был не породистой подзаборной дворяшки. Уже ведь в немалых годах был полковник – но высокий, стройный, как юноша. Всегда чисто выбрит, каждый божий день – свежая рубашка. Говорил негромко и мало, но когда начинал говорить – все замолкали.

Вся семья – такая же. Джентльмены. Полковник овдовел лет десять назад, три сына с ним жили – Питер, Бакстон и Роджер-младший. Старшим – Питу с Баком – лет под тридцать, Род мой ровесник. И дочь у полковника была, Эмелина, восемнадцатый год ей шел. Ну и еще – «сестренки» и «братцы», но про них чуть позже.

Дом у полковника стоял большой, внушительный. Двухэтажный, у входа восемь колонн – деревянные, но гипсом обложены, от камня не отличить. Вместительный, пять таких семей разместить можно, но... Но вот чем-то не понравился мне сразу дом тот. А чем – не пойму. Только смотрю на него, Сэмми, – и нехорошо на душе как-то. Муторно. Словно за окно глядишь в ноябрьский день, когда все серое и жить не хочется... Хотя лето в тот год стояло солнечное.

Вот... Комнат в полковничьем доме было чуть не тридцать. Ладно спальня у каждого своя, ладно кабинет у полковника отдельный, ладно гостиная без единой кровати (а в те годы и в городах-то такое редко у кого увидишь) – так там еще и курительная комната оказалась!

У меня – тогдашнего – просто в голове не укладывалось. Ну и комнаты для гостей, понятно, в одной из них меня поселили. А Джим где-то при конюшне ночевал, с другими неграми.

Я ведь какую историю полковнику рассказал: дескать, была у моего отца плантация небольшая в Миссури, негры были, там и жил я с семьей, пока не пришла эпидемия оспы. Родные все померли, плантацию банкиры-янки за долги забрали, а я с единственным негром моим оставшимся на плоту в Луизиану плыл, потому что денег даже на билет третьего класса не осталось... В Новом Орлеане у меня, дескать, родня дальняя – примет или нет, неизвестно, – но больше податься не к кому. Ну а дальше все по правде – про туман, про пароход.

Тогда думал – ловко это я про банкиров-янки ввернул, плантаторы их всех поголовно грабителями с большой дороги считали... Лишь годы спустя понял: едва ли старый Монтгомери сказочке моей поверил. Какой уж из меня плантаторский сынок – сразу видно: белая

рвань. Но виду полковник не подал. Живу я у него в гостях неделю, вторую, третью – никто меня гнать не собирается. Кушаю за столом со всей семьей, словно родственник, негры ихние ко мне уважительно: «масса Джордж». Я на всякий случай полковнику Джорджем Джексоном назвался – вдруг в Миссури все-таки меня в розыск объявили...

А один «братец» – Джоб его звали – надо мной как бы опеку установил. Надо думать, по просьбе полковника. Если я за столом что не так сделаю или еще где, – полковник и сыновья вроде как и не заметят, а братец Джоб мне потом наедине тихонечко объясняет: так мол и так поступить надо было, мистер Джексон. И ничего, пообтесался я за то лето...

Кто такие «братцы»? Ну как попроще объяснить, Сэмми... Десятка два их там жило, если с «сестрицами» вместе считать, самому младшему лет двадцать пять уже. В общем, это тоже дети полковника оказались – но от мулаток, от квартиронок, грешен был старик в молодости, хотя совсем черными женщинами брезговал. На вид эти «братцы-сестренки» почти совсем как люди – от орлеанских креолов и не отличишь. Жили, понятно, не с неграми в хижинах, в доме – но в двух общих спальнях. И на плантациях спину не гнули: один слугами черными командовал, второй счетами да бумагами всякими занимался (они же все грамоте были обучены, что ты думаешь...), еще несколько за полевыми работами надзирали... «Сестренки» же просто без дела болтались – продать их у полковника рука не поднималась, а замуж кто возьмет... В общем, ни то ни сё – ни люди, ни негры.

Как утро – полковник с сыновьями на коней – и поля свои осматривать или на охоту. А я к этим делам непривычный, в доме остаюсь. Хожу, как по музею, – все в диковинку. Картины висят, гравюры старинные – хотя я много позже узнал, что это именно гравюры, но все равно красиво. Статуи опять же – целых три, не гипс какой-нибудь – натуральный мрамор. Хожу, смотрю – нигде ничего не заперто, даже спальни хозяйские – но туда-то я не совался. Только вот одна дверь... На первом этаже ее нашел, в неприметном коридорчике у черного хода – я тот закуток не сразу и заметил. Толстенная, дубовая, с коваными накладками – и два замка врезаны, а третий сверху висит. Интересно, интересно... Дом снаружи обошел – дай, думаю, в окно загляну, что там такое... Не вышло – нет окон в том месте. Решил: может, каморка какая, где полковник капиталы свои держит? Этаж шагами измерил – ан нет, не каморка, здоровенная комната получается, чуть не больше гостиной. Монтгомери, понятно, не из бедняков был, но и ему под казну что-то больно просторно выходит...

В общем, загадка. Тайна. Всякие мысли в голову лезут. А тут еще «братец» Джоб меня грамоте учить затеял – и успешно, я ведь все всегда на лету схватывал. По книжке детской учил – картинки там были, буквы крупные. Хитрую методу придумал – начнет какую сказку читать, до самого интересного места дойдет, я от любопытства разрываюсь, до того узнать хочется, чем дело кончилось. А он: стоп, давай-ка сам дальше – ну я и пыхчу, слова из букв складываю... Одолели мы таким манером сказку про Синюю Бороду. И в башку мою дурная мысль втемяшилась: а ну как у полковника там комната, как у той Бороды? С мулатками-квартиронками зарезанными?

Сам понимаю, что глупость, но из головы не выходит.

А как разузнать доподлинно – не знаю. Не спросишь же полковника: что это, мол, вы тут, мистер, от честного народа прячете? Но в закуток тот порой заглядывал вроде как невзначай – вдруг да увижу, как кто входит-выходит. И увидел-таки! Дважды туда Мамочка при мне заходила да выходила один раз.

Кто такая Мамочка?

Это, Сэмми, негрятянка была. Я таких, скажу честно, ни до, ни после не видал. Ростом – на голову выше меня теперешнего. Толстенная – не обхватишь. Старая-престарая, лет сто на вид, не меньше, но совсем даже не усохла, как со старухами бывает. И вполне бодро так по дому шныряет.

Ее полковник Монтгомери откуда-то лет пять назад привез... Причем не купил, а... Не знаю, смутная там какая-то история вышла, мне так толком и не объяснили. Но вроде как ее, Мамочку, продать нельзя, если сама к другому хозяину уйти не пожелает. Что – странно? Мне и самому, Сэмми, тогда странным это показалось – чтоб на Юге, да в те годы, да негритянка сама решала, у какого хозяина жить... Но такие слухи ходили.

Вот... А привез полковник Мамочку не просто так. Я уже говорил – дочка у него росла, единственная, Эммелина, попросту если – Эмми. Красивая девчонка – тоненькая, бледная, хрупкая, на «сестриц» пышнотелых вовсе непохожая. И – с самого детства талант имела. Стихи писала, картинки всякие рисовала – и карандашом, и маслом, и водяными красками... Видел я те картинки и стихи в альбоме читал – благо крупными буквами, как печатными, написаны оказались. Хорошие стихи, и рисунки тоже, но... Мрачные какие-то. Все про смерть да про разлуку. Но талант от Бога был, это точно.

Только недаром говорят: кому Бог много дает – в смысле души, не денег, – того к себе и прибрать норовит поскорее. В тринадцать лет заболела Эмми – на глазах чахнет, слабеет, врачи руками разводят, ничего понять не могут. Старик Монтгомери денег не жалел – из Мемфиса докторов привозил, из Сен-Луи. Один раз даже из Орлеана профессор приехал. Да все без толку. Осмотрел Эммелину профессор, руки вымыл, говорит: мужайтесь, полковник, но жить дочке вашей не больше месяца.

Тогда-то в доме Монтгомери и появилась Мамочка. Поскольку среди негров слухи ходили – знахарка она, силу великую имеет, хоть мертвого на ноги поставит. Слухи и есть слухи, тем более между черными – кто же к белому больному негритянку-то подпустит? Но полковнику тогда уже не до приличий оказалось.

И – что ты думаешь, Сэмми? – вылечила Эмми старуха. Каким способом – никто не знал и, кроме полковника, не видел. А он никому не рассказывал... Стала дочка здоровее прежнего, однако рисовать и стихи писать перестала. Напрочь. Словно жилка художественная в мозгу от болезни лопнула... Но полковник и без того рад был безмерно.

Мамочка же так в доме у него и осталась. При Эммелине. Вроде как прислуга личная, только никакая не прислуга, хотя много времени рядом с Эмми проводила. Знаешь, сейчас я ее бы назвал наблюдающим врачом. А тогда... Врач-негритянка? Смешно...

А теперь, значит, выясняется, что и в тайную комнату полковника старуха допущена. Меня пуще прежнего любопытство разбирает. Решил у негров что-нибудь вызнать – через Джима, понятно. Его, лентяя этакого, в поле работать не гоняли, он ведь моим негром считался... Иногда, если я куда прокатиться-прогуляться на бричке соберусь – он на козлы, а так в основном бездельничает. Питается от пуза, раздобрел, животик уже наметился... Ну ладно, провел через него разведку. Выяснилось: ничегошеньки про то, что внутри тайной комнаты, негры не знают. С приездом Мамочки окна там кирпичом заложили, в дверь замки врезали – и никому туда хода нет. Саму же Мамочку, между прочим, негры до смерти боятся. Полковник, дескать, ни одного негра не продаст и не купит, с ней раньше не посоветовавшись. А продавать-покупать в последние годы стал отчего-то постоянно, зачастили к полковнику работорговцы. Причем как-то странно все происходит: сегодня партию рабов полковник продаст, завтра – примерно такую же купит, словно не хочет, чтобы черные у него на плантациях долго задерживались. Дворовых слуг, с которыми Джим общался, это не касалось, хотя и они порой под горячую руку попадали – и отправлялись на продажу. Но этих-то хоть за дело, за провинности какие-нибудь...

В общем, тайна осталась тайной.

И лишь в конце лета я ее разгадал. Вернее, мне показалось, что разгадал.

А тогда, в июле, на время загадка той комнаты у меня из головы вылетела. Потому что со мной другое происшествие случилось.

* * *

Месяц я где-то у Монтгомери прожил, может, чуть больше. И вот как-то утром, перед тем как в поля отправиться, приглашает меня полковник, негромко и вежливо: не угодно ли вам, мистер Джексон, проследовать в мой кабинет для серьезного разговора.

Я не против, в кабинет так в кабинет. Хотя у самого мыслишка – скажет сейчас мне полковник: загостился, парень, пора и честь знать. Одна надежда – может, денег на пароход до Луизианы предложит.

Ладно, прошли в кабинет, полковник за стол свой усаживается, на столе бумаги какие-то. Мне сесть предлагает и начинает разговор свой серьезный.

Для начала документ мне протягивает – возьмите, мол, мистер Джексон, ознакомьтесь. Я ознакомился – но не все понял, а лишь где буквы печатные были.

Полковник объясняет, что мне негра моего, Джима, без документов везти в Луизиану никак невозможно, и продать нельзя – отберут попросту. А это, значит, купчая, – дескать, купил я его у полковника вполне законно, и все приметы Джима там изложены.

Так-так, думаю, угадал: пришла пора прощаться. Слушаю, что дальше Монтгомери скажет. А он спрашивает этак по-простому: чем вы в жизни заняться собираетесь, мистер Джексон? Как равного спрашивает, как взрослого. А мне всего-то пятнадцатый год идет, хоть ростом и удался, на пару лет старше выгляжу, но сам – пацан пацаном.

Призадумался я: чем, действительно, в жизни бы заняться? Ну и вспомнил, как папашка мой однажды торговца хлопком ограбил и не попался – и полгода себе ни в чем не отказывал. Жил в Сен-Луи в лучшей гостинице – за три доллара в день, не шутка! Сигары курил дорожные и хлестал вина, аж из Европы привезенные. Да еще устриц на закуску требовал – правда, без толку, никто таких зверей в Сен-Луи и в глаза не видел. Потом-то старик все спустил, конечно, но случай мне запомнился.

В общем, я солидно так отвечаю, что хочу заняться хлопковым бизнесом.

Прекрасно, говорит полковник, тогда я напишу письмо моим старым друзьям в Новый Орлеан, в торговый дом «Монлезье-Руж» – чтобы, значит, они вас, мистер Джексон, приняли и к делу этому пристроили.

И что ты думаешь, Сэмми, – взял перо и тут же написал. Мне отдал, потом еще одну бумажку заполнил. Тоже мне протягивает.

Вот, говорит, мой вексель к Монлезье, на тысячу долларов, чтобы вы, мистер Джексон, не просто наемным работником стали, но младшим партнером. А четверть прибыли, что на эти деньги причитаться будет, мне пойдет, пока весь долг не покроете.

Ну тут я обалдел просто. В те времена тысяча долларов ого-го-го какими деньгами была, а уж для меня...

Так и это не все. Вручает мне полковник восемьдесят долларов наличными – на проезд в Орлеан и на прочие расходы. Ну, дела... Уж не ждал, что Монтгомери так по-царски меня выпроводит. Благодарю его, откланиваться собираюсь. Ан нет, разговор не закончен еще.

Теперь, говорит, когда я помог вам из стесненного положения выпутаться и свобода выбора у вас, мистер Джексон, появилась, делаю вам от чистой души предложение: оставайтесь жить с нами. Вы нам, дескать, понравились, да и вам здесь вроде неплохо – будете, значит, как член семьи нашей. Ну а не хотите – так вольному воля, пожелаю вам удачи во всех начинаниях.

Удивил, ничего не скажешь. Озадачил.

По уму, ясное дело, хватать надо было деньги и документы, да и бежать, пока полковник не передумал. Когда еще такая удача подвалит?

А я бумаги взял – но остался. Почему, спрашиваешь?

Все очень просто. Я к тому времени влюбился в Эммелину Монтгомери. Запал. Втюрился. Втрескался. По самые по уши втрескался.

* * *

История, конечно, глупейшая, как в дешевом романе. Босьяк, голодранец – и положил глаз на дочку богатого плантатора.

Но что делать? Сердцу-то не прикажешь... Сердце, как Эммелину увижу, – норовит из груди выпрыгнуть и ускакать куда-то, будто лягушка какая. На пятнадцатом году жизни только так и бывает.

Она, Эмми, не каждый раз к обеду или ужину спускалась. Да и когда спускалась – поклоует чуть-чуть, точно птичка, непонятно даже, как прожить можно с таким питанием. Но у меня вообще кусок в горло не лезет. Сижу дурак дураком, чувствую лишь, что уши огнем полыхают. Ночью порой до утра ворочаюсь, представляю: как подойду к ней, что скажу... Но днем увижу – и стою одеревеневший, двух слов связать не могу. А если услышу, как на втором этаже она на клавикордах заиграет (к музыке способность у Эмми осталась), что-нибудь грустное такое, так просто места себе не нахожу. Выбегу из дому подальше, лицом в траву упаду, а мелодия все равно где-то там в голове звучит – и не понимаю я: не то мне петь под нее хочется, не то к реке пойти и утопиться. Дела...

Не поверишь, Сэмми, даже стихи писать пробовал – хотя только-только карандаш в руке держать выучился. Ничего не получилось, понятно.

Полковник Монтгомери, как я думаю, все заметил и все понял. Он, по-моему, вообще все замечал. И понимал... Потому что в тот же день, как мы с ним в кабинете побеседовали и я остаться согласился, ко мне в комнату, уже затемно, пришла...

Хотя нет, сначала про другое рассказать надо.

Полковник, со мной поговорив, плантации объезжать отправился. С сыновьями, как обычно. А ко мне в комнату «братец» Джоб заходит – ну тот, что и грамоте меня учил, и другому...

Тоже разговор душевный начинает – такое уж утро богатое разговорами получилось. Вам, спрашивает, мистер Джексон, наверное, полковник предложил здесь насовсем поселиться? Не иначе как у дверей подслушивал, морда квартеронская. Я молчу, даже головой не киваю. Он тогда мне так тихонько, чуть не шепотом: прежде чем вы решение примете, хочу вам кое-что поведать о жизни здешней. Если, конечно, весь разговор наш в тайне останется.

А я всегда страсть какой любопытный был. Помереть мне, говорю, на месте, если проболтаюсь кому.

Ну и начал он рассказывать.

Раз уж, говорит, вас полковник усыновить решил, не мешает вам узнать об одной семейной традиции.

Я перебиваю: как усыновить? С какой такой радости? У него и своих сыновей-наследников хватает.

И тут выясняется, что родной сын у Монтгомери один – Роджер-младший. А Питер и Бакстон – приемные. Хотя родила в свое время покойная миссис Монтгомери ни много ни мало – девятерых сыновей, а десятую дочку, Эммелину. И шесть мальчиков от детских болезней не умерли, выросли, возмужали...

– Где ж они все? – спрашиваю. – Оспа, что ли, случилась?

Да нет, говорит, поубивали всех...

Оказалось, что Монтгомери и еще несколько семейств, с ними в родстве состоящих, издавна враждуют с Шеппервудами – тоже кланом богатым и немаленьким. Кровная месть. Вендетта. Лет уж сорок тянется, а то и больше. Из-за чего началось, разве что старики пом-

нят, – но стреляют друг в друга Монтгомери и Шеппервуды регулярно. Каждый год кого-нибудь и у тех, и у других хоронят. В смысле убитых, не своей смертью померших...

Вот оно что, думаю... Я краем уха слышал что-то про вражду с Шеппервудами, но и знать не знал, что тут война натуральная. То-то я удивлялся: чего это полковник и сыновья поля свои осматривать ездят, по ружью да по паре пистолетов на каждого прихватив, – словно там за каждым кустом команчи засели...

Как же, спрашиваю, эти господа еще не закончились все? За сорок лет-то?

Объясняет братец Джоб: палят они друг в друга не абы как, а только по правилам. Нельзя, например, застрелить противника в его доме, или в церкви, или на кладбище, или когда он с женой своей или ребенком. А если праздники какие, или война с индейцами, или наводнение, то перемирие наступает. И, опять же, стараются Монтгомери с Шеппервудами делать так, чтобы случайно – в лесу или на реке – пореже сталкиваться. Потому как тогда – хочешь не хочешь – стрелять надо. Родовая честь обязывает.

Ну и, само собой, вендетта – занятие для джентльменов. Неграм и «братцам» вмешиваться не положено.

Рассказал мне все это братец Джоб – и ушел.

А я сижу, думаю: ну спасибо, господин полковник, за честь великую. Это что же, и мне в Шеппервудов стрелять придется? Дудки, нечего мне делить с ними. Понимаю: надо брать Джима да бумаги, полковником написанные, – и дай бог ноги. Ну вас к черту с вендеттами вашими и с дверьми секретными запертыми... Уж как-нибудь сам по себе проживу. И, знаешь, Сэмми, даже собираться начал. Пожитки, что у Монтгомери нажил, в тючок стал укладывать.

Но тут наверху Эммелина на клавикордах заиграла.

И я остался.

* * *

Я уже говорил: полковник, старая лиса, наверняка понял, что я на Эммелину неровно задышал. И – принял меры. Хотя, может, все случайно совпало...

А произошло вот что.

Тем вечером гроза случилась, в июле не редкость. Я спать лег – а за окном грохочет, сверкает... Вдруг – между ударами грома – «тук-тук-тук» в дверь тихонько. «Сестричка» Молли на пороге – со свечой, в одной ночной рубашке. Было ей лет двадцать семь или двадцать восемь – полногрудая такая смугляночка, кровь с молоком. Я удивиться еще не успел, как она мне говорит: страшно, мол, грозы боюсь до смерти... Задула свечку – и юрк под мое одеяло.

Ну и...

В общем, стал я мужчиной – под гром и молнию. Молли в этом деле большой искусницей оказалась – когда ушла и уснуть мне наконец довелось, спал крепко, без всяких тебе до утра ворочаний... На другую ночь грозы не было – но «сестричка» снова ко мне... Не скажу, что мне все это не понравилось, наоборот... Но мысль об Эммелине все равно в голове гвоздем сидела – даже когда Молли самые свои заветные умения показывала.

И началась у меня жизнь странная. Раздвоенная.

Ночью с «сестричкой» кувыркаюсь, а днем по Эммелине все так же сохну – но, правда, чуть уже поспокойнее. Аппетит вернулся, и стихов писать больше не пробую.

Порой мысль в голову приходит: нельзя так, надо что-то решить, определиться как-то... Но ничего не делаю, живу, как живется.

А потом все рухнуло.

В одночасье.

* * *

В августе все случилось, в конце месяца где-то – как сейчас помню, жара не кончилась, но клены у дома полковничьего уже желтеть начали. Хотя тополя еще зеленые стояли...

...В воскресенье мы все в церковь отправились – и семья полковника, и другие его родственники. И Эммелина. Ну и я с ними. Шеппервуды тоже были – сидят на левых скамьях, Монтгомери на правых. Посматривают друг на друга недружелюбно – но все тихо, пристойно. Там, слева, и Ларри Шеппервуд сидел, красивый такой молодой человек лет двадцати пяти. Но я его и не заметил, во все глаза на Эммелину глядел. И думал... В общем, не очень подходящие для церкви мысли думал. После близкого знакомства с Молли у меня вообще мысли не особо возвышенные часто в голове бродили. У нас, кстати, с «сестричкой» отношения странные были – за все время и полусотней слов не обменялись; днем она со мной держалась так, словно и незнакома вовсе, ну а ночью я старался языку воли не давать – чтобы не назвать ее «Эмми» случайно. Потому как – что уж скрывать – всегда Эммелину представлял на ее месте.

Служба закончилась, все по домам разъехались, и мы тоже. Отобедали – и старик с домохозяевами вздремнуть прилегли, был у них такой обычай. Я в своей комнате сажу, чем заняться, не знаю.

Вдруг – в дверь кто-то тихонечко поскребся. Словно ногтем царапнул.

Открываю, и – гроб моей мамочки! – Эммелина. Первый раз ко мне заглянула. До того все мои вздохи-страдания она и не замечала вроде бы – и держалась со мной, прямо скажем, как с мальчишкой. Как с младшим братом примерно.

Я стою, язык проглотил, то в жар бросает, то в холод. Но – мыслишка где-то шевелится – а ну как она навряд ли Молли пришла... Ну как днем, в жару, одна спать боится?

Эммелина вошла и меня спрашивает: а как я, собственно, к ней отношусь? Вот так вопрос... Ну я что-то пробормотал-выдал: дескать, лучше всех к ней отношусь, ни к кому, мол, так не относился и относиться в жизни не буду... Глупо, наверное, все звучало.

Тогда она ко мне шагнула и говорит, что забыла в церкви свой молитвенник, на скамье оставила. И не мог бы я за ним сходить и принести, да не рассказывать никому про это...

А я, честно говоря, стою такой ошалевший, что ее слова до меня с трудом доходят. Молчу – ни да, ни нет. Хотя по ее просьбе не то что милю до церкви – во Флориду и обратно готов был сбегать.

Она еще ближе ко мне придвинулась. Руку на плечо положила. И говорит, спокойно так: хочешь, поцелую тебя за это?

Хочу ли, ха... Только вот сказала она это опять же как братишке младшему – словно в лобик на ночь его поцеловать собралась.

Но я, спасибо «сестричке» Молли, уже не мальчик был. Притянул Эмми к себе, да и поцеловал в губы – по-настоящему, долго, пока дыхания хватило, да со всеми сестричкиными поцелуйными штучками...

И, странное дело, Сэмми, она вроде как мне и отвечает, но...

Показалось мне отчего-то, что губы у нее холодные, неживые какие-то – словно я сдуру статую в полковничьей гостиной поцеловать решил. Причем именно *показалось* – так-то чувствую, что нормальные губы, теплые...

Все это я потом понял – когда вспоминал тот момент раз этак, наверное, с тысячу. А тогда все внутри играло и пело – ну как же, сбылись мечты! И – снова Молли спасибо – вся робость делась куда-то, и я в ход уже не только губы, но и руки пустил...

Однако – сломалось между нами что-то. Она мне и не мешает вроде, но опять же – кажется, что взялся за мраморные сиськи у статуи. Хотя вроде грудь нормальная, упругая...

Я попробовал еще немного ее хоть как-то расшевелить – ни в какую. Руки у меня и опустились... Стою дурак дураком.

А она говорит тихонько: не надо. Сейчас – не надо. Выполни просьбу мою – и, если захочешь, приду к тебе завтра, отец на два дня по делам уезжает...

Ух, я обрадовался. Значит, безразличен ей все-таки. Значит, лишь отца опасается – и за меня, небось, опасается; прихватит полковник за таким делом с дочкой – мало не покажется...

В церковь пулей домчался. Гляжу – есть молитвенник, лежит на скамейке. Подхватил, обратно тороплюсь – и тут какой-то листок из книги выпадает, к полу кружится. И что-то на нем написано. Поднял, а прочесть не могу: только печатным буквам научился...

Вернулся, и к ней в комнату сразу – впервые за все время, кстати. Она у дверей встречает, сразу молитвенник берет и на листок тот смотрит. Я возьми да спроси: что за бумажка, мол, а то чуть не выпала, не затерялась... Просто закладка, отвечает Эмми, да псалмы на ней кое-какие отмечены, чтобы не искать долго.

Отложила и книгу, и листок, снова меня поцеловала – и к двери легонько толкает, шепчет: завтра.

Я по лестнице спускаюсь, сам от счастья не свой. А навстречу – Мамочка. Вперила буркалы свои в меня, говорит: пойдём, молодой масса, погадаю тебе.

С чего бы? Никогда ни с чем ко мне не обращалась. Может, засекала нас с Эммелиной сегодня? Ну пошел с ней.

Завела в каморку свою – жила Мамочка тоже в доме. На стенах какие-то растения сухие развешаны, на полках бутылки с чем-то мутным. На столике штучки разные – деревяшки странного вида, два барабанчика маленьких, погремушки из тыкв высушенных... А еще – череп. Не человеческий, здоровенный такой, вытянутый – вроде как конский, а пригляделся – и не конский вовсе.

Стала гадать мне Мамочка. Странно гадать – без карт, без бобов, без шара волосяного. Подошла от свечи две палочки – не горят, но дымят, тлеют. На меня уставилась – глаза в глаза. И молчит. Я тоже молчу, только слышно, как палочки дымящие потрескивают.

А потом что-то непонятное получилось. Что-то со стенами ее каморки твориться начало – то надвинутся они на меня, то обратно разъедутся. Я это только краем глаза видел – от Мамочки взгляд не оторвать было. Глазищи у нее огромные стали – словно плоски с дегтем.

Потом заговорила – странным голосом, чуть не басом. Суждено тебе, говорит, быть богатым и счастливым, ни в чем себе не отказывать, прожить до глубокой старости, детей иметь и внуков и умереть в почете и уважении. Но для этого придется тебе любимую убить и друга предать, иначе не сбудется ничего. А теперь, говорит, уходи.

И – отпустило меня. Стены нормальные стоят, глаза у Мамочки тоже обычные стали. Хотел что-то я спросить у нее, да она как рявкнет: УХОДИ!!! Аж пучки травяные со стен посыпались.

Меня из каморки будто ветром выдуло, чуть в штаны не напустил.

Пошел к себе, стал думать: что же мне старая ведьма напорочила? Гадания-то разные бывают. Одни тютелька в тютельку сбудутся, а другие цента ломаного не стоят – плюнуть да растереть.

Понял: все наврала Мамочка. Потому как я уже богатый – вексель полковника никуда не делся, в комнате у меня припрятан, и – «братец» Джоб мне объяснил – бессрочная бумажка эта: хоть сейчас пользуйся, хоть через пять лет. И счастлив я уже – а завтра еще счастливее стану. Если, конечно, полковник поездку не отменит. Так что все сбылось – и не надо мне Монтгомери (а какие у меня еще друзья тут?) предавать, и Эмми убивать не надо. Даже Молли – незачем.

Светло на душе стало, радостно. До завтрашнего дня часы считаю – и кажется мне, что ждать целую вечность. Подумал – может, «сестричке» сказать, чтоб не приходила? Усну – глядишь, и ночь пролетит незаметно. Но не сказал, запомнил.

А тем вечером и тайна запертой комнаты раскрылась. Я тогда подумал – раскрылась. Только совершенно тому не обрадовался – голова другим занята была.

Дело в том, что к полковнику опять работорговец приехал, уже затемно. Негров пригнал, десятка полтора – за его фургоном топали, цепями звенели. Ну их принимают, расковыряют, суета на заднем дворе, факелы горят... Я как раз по улице бродил после ужина – совсем не сиделось на месте что-то, сам не свой стал. Вижу: от фургона торговца, на отшибе стоящего, две фигуры в темноте к дому идут. И – с черного хода внутрь. Скрытно прошли, незаметно. Мамочку я сразу узнал – эту глыбу ни с кем не спутаешь. А рядом вроде как другая женщина, в покрывало закутана... Не Эмми, и не из «сестричек» – те вальяжно выступают, по-хозяйски, а эта робко семенит, неуверенно... Любопытно мне стало. Вошел тихонько следом – дверью не хлопнул, ступенькой не скрипнул. В доме темно, но я слышу – ключи в замках громяхают. Как раз там, у потайной комнаты.

Э-э-э, смеаю, вот в чем дело... Все понятно. Ларчик-то просто открывался, стоило ли голову ломать...

Бак и Пит, думаю, мужчины в самом соку – но пока неженатые. И пошли по стопам папашиним – по мулаточкам-квартирочкам. А Мамочка при них сводней. То-то работорговцы сюда зачастили. Надоест ребятам очередная красotka – продают, а в клетку без окон новую пташку сажают. И не мне их судить, в своем праве люди.

Скучно как-то загадка решилась...

И пошел я спать. Сначала, понятно, с Молли поигравшись.

* * *

А утром *грянуло*.

Проснулся – за окнами едва брезжит. Слышу – шум, на улице голоса громкие, ржание конское... Что такое? Потом как стукнуло: не иначе вендетта проклятушая. Ох, не вовремя. Одедся быстренько, и – на всякий случай – бумаги полковничьи в кожаный мешочек и на грудь. Вдруг Шеппервуды нагрянут, смываться быстро придется... Мало что у них врагов в их домах убивать не положено. Любое правило и нарушить можно. Я бы лично так и сделал. Перестрелял бы всех ночью, в постелях, да и покончил бы навсегда с этой кровной глупостью.

Выхожу из комнаты тихонько. Навстречу – Молли, одетая уже. Хотела шмыгнуть мимо – я ее за ворот. Что, мол, за переполох? А она мне: мисс Эммелина сбежала! С молодым Ларри Шеппервудом! Любовь у них, не иначе. Сейчас все Монтгомери в погоню поскачут.

Ну, дела... Но я-то вроде как не Монтгомери? Мне-то скакать вроде как не обязательно?

И тут – сам полковник. К комнате моей шагает размашисто. Молли тут же испарилась, была – и нету. А полковник мне говорит: ну что, мистер Джексон, пора решать. Вы под моим кровом спали, хлеб мой ели, а теперь вот беда пришла, надо за ружья браться. С нами вы или нет? Неволить не буду, откажетесь – негры вас отвезут на пристань, парохода дождетесь – и будьте счастливы.

Ну что тут ответить? По уму надо бы распрощаться – да и к пристани. Только чувствую – если так сделаю, всю жизнь буду ходить, как дерьмом облитый. Сам к себе принохиваясь. Сам от себя нос морща. И не потому, что полковник меня последней дрянью считать будет, нет. А потому что вовек себе не прощу, как эта вертихвостка меня обманула. Как своими руками я ее побегу помог – дураку ведь ясно, что за псалмы на том листке были...

Да и еще одна мыслишка копошится. Если не врал «братец» Джоб и действительно меня Монтгомери в семью свою принять хочет, так можно же и не сыном. Можно и зятем. Если именно мне посчастливится первым их догнать да Ларри-подлеца подстрелить, то...

В общем, размечтался я сдуру. Даже за эти секунды подумать успел, что супружницу в большой строгости держать буду – примерно как папашка мой мамашу-покойницу. Он, бывало, сантиментов не разводил – лупцевал до потери сознания тем, что под руку подвернется. Старой закалки был человек.

Всего этого, понятно, не сказал я полковнику. Я с вами, говорю. И ничего больше.

Отправились в погоню ввосьмером – полковник, сыновей трое да еще трое родственников. Ну и я с ними. Как и все, с ружьем.

* * *

А как из ворот выезжали – только тут я понял, что шутки кончились. Потому что висел на воротах «братец» Джоб собственной персоной – голова набок, язык наружу, сам страшный, аж кони шарахаются.

– За что его? – у Рода спрашиваю.

А он зубы скалит: за шею, парень, за шею! Не узнать старину Рода – нормальный был мальчишка, а тут стал весь дерганный, лицо кривит, в глазах черти пляшут. Но объяснил: через Джоба, мол, любовь вся у них и закрутилась. Зол был тот, дескать, на полковника – и нагадил, как сумел.

Думаю: и чего же человеку не хватало? Ну пусть не человеку, пусть четвертону, но все равно? Даже часы имел на цепочке... Но разговор тот замаял я – у самого рыльце в пушку. Не хотел на ворота, к «братцу» в компанию. Да и поскакали тут мы так, что не до разговоров стало.

До пристани, где пароходы причаливали и куда парочка могла направиться, – миль восемь примерно. Можно успеть перехватить было. Да и дождись еще парохода, расписание лишь на бумаге исполнялось – пять-шесть часов никто и за опоздание не считал.

Ладно, скачем мы по дороге, потом скачем по лесной просеке – изгиб реки срезаем. А из меня наездник-то аховый, таким галопом в жизни мчаться не приходилось – задницу отбил быстро и капитально. Но креплюсь – спасибо папаше-покойнику, эта часть тела у меня закаленная...

К берегу вылетаем – видим: негры, штук тридцать, лес корчуют. Шалаши стоят – ночевали здесь же. Мы к ним: проезжал, мол, кто?

Надсмотрщик-мулат объясняет: было дело, проскакали трое в сторону пристани – двое мужчин и женщина. Быстро скакали, словно черти за ними гнались. Еще кто был? Ну и еще одна парочка, на двуколке катила в другую сторону, к Зеленой косе вроде, – но те медленно, спокойно, не торопясь. Когда те трое проезжали? А откуда он знает, часов не имеет, недавно вроде...

Понеслись мы к пристани. Мили две еще проскакали – глядь, лошадь дохлая валяется. Нога сломана, голова прострелена... Ага, вторым на двух лошадях быстро не поедешь... Мы еще наддали.

Тут я вижу – лошади у других от этой скачки сдавать начали. А моя кобыла этак бодро топает, вперед вырвалась. И – Роджер-младший рядом. Монтгомери мужчины все как на подбор крупные, мы их раза в полтора меньше весили...

Никак, думаю, и вправду суждено отличиться. Про опасность позабыл: азартное дело – погоня.

И тут – показались конные впереди! Мужчина и женщина на одной лошади – и еще один всадник. Платье Эммелины узнал я сразу, сто раз его видел. Оглянулись они, нас увидели, поняли – не уйти. Конь двоих еле тащит.

Так они что придумали: женщину на круп второго коня пересадили, тот посвежее был. Видать, на нем сам Ларри Шеппервуд ехал – потому что с Эмми дальше поскакал. А второй мужчина развернулся – и нам навстречу. Скачет, в руке ружье – и в нас с Родом целит. Прижался я к гриве конской, только подумать успел: эх, зря мне такая резвая лошадка досталась...

– Бах! – что-то над нами свистнуло. А всадник тут же свернул – и в лес, между деревьев запетлял. Думал, видно, за ним кинутся. Да просчитался – Род лишь пальнул на ходу в его сторону, вроде коня зацепил, не разглядел я толком...

Догоняем мы парочку, догоняем! Сердце о ребра бьется, ору что-то громкое и самому непонятное. И – обхожу Рода! На полкорпуса, на корпус, на два...

На берегу, среди деревьев, хибарка какая-то, хижина бревенчатая. Те двое с коня соскочили – и за нее. Тут я подскакал, сзади Род нагоняет, еще дальше – остальные наши растянулись. Я с коня прыгнул, на ружье курок взвел, за угол хижины заворачиваю... И едва не обделался.

Потому что вижу – прямо в лицо мне ружейное дуло смотрит. Широленным со страху показалось, как пушка. А держит ружье моя Эмми.

Только через секунду понял – не она вовсе, парень какой-то в ее платье шагах в десяти стоит. Молодой, едва усики пробиваются. Не знаю, отчего он с выстрелом промедлил. Может, удивился, что совсем пацан против него оказался. А я про свое ружье вообще не вспомнил, будто и нет его.

Парень первым опомнился – и в голову мне выстрелил. Осечка! Ах, раз так, ну погоди... Пальнул я тоже. Стрелок из меня примерно как наездник. И ружье мне картечью зарядили – убить труднее, но попасть легче.

Грохнуло ружье, по плечу врезало. Дымом вонючим все затянуло, но ненадолго. Вижу – попал. Зацепила картечь парня, правда, самым краем. К стволу древесному откинула, а на платье белом, справа, пятнышки красные набухают – два пятна на груди и на рукаве тоже... Я стою – и что делать, не знаю.

Но это я рассказываю долго. А на самом деле все быстро вышло. Еще дым не рассеялся – из-за угла Род. Ружье вскинул – а оно не стреляет. Забыл перезарядить впопыхах. Так он к парню подскочил – и прикладом. По голове. Раскололась, как спелый арбуз. Звук, по-моему, за милю был слышен...

Тогда и остальные подскакали, спешились. Я полковнику на парня в женском платье показываю. Хотел спросить: где же Эмми-то настоящая? Да не успел.

Нас тут как раз убивать начали.

* * *

Обманули нас Шеппервуды. Провели.

Пустили погоню по ложному следу и засаду устроили. А как наши в кучу собрались – со всех сторон стрелять по ним стали.

Но не такие люди были Монтгомери, чтоб дать перебить себя, как кроликов. У полковника ружье двуствольное: бах! – в одну сторону, бах! – в другую. Попал – застонал в кустах кто-то. Ну и остальные наши пальбу открыли – кто от первого залпа уцелел.

А я так даже и не понял, зацепили меня или нет. В ушах грохот стоит, ноги подкашиваются. Рухнул на землю на всякий случай, прижался. Кто-то на меня сверху навалился, лежит, не шевелится. Надо мной – выстрелы, выстрелы, выстрелы. Ружейные, пистолетные... Потом стихли вроде. Слышу: хрип, ругань, дерется кто-то с кем-то. Потом и это стихло. Полежал еще –

и встаю осторожненько. На мне, оказывается, Роджер-младший лежал. Мертвый. Костюм весь мне кровью залил, новый, полковником подаренный...

Гляжу – вокруг одни трупы, никого живых. Да неужто, думаю, они все тут друг друга до единого истребили? Но нет, слышу: топот конский, удирает кто-то. Потом полковника увидел. Весь в крови, лицо от пороха черное. Хрипит мне: одни, мол, мы уцелели... Ты ранен, сынок? А я ему так небрежно: пустяк, дескать, царапина. Но сам чувствую – ничего мне не сделалось, цел, слава богу.

Он говорит: тогда поспешим. И в кусты меня ведет – там кони Шеппервудов привязаны, свежие, наши-то уже никуда не годились.

Полковник в седло, и я в седло. Хотя сам думаю – ему сейчас разве что к врачу поспешать: едва на коне держится.

Однако держится. И поскакали мы обратно – по берегу, мимо негров-корчевщиков – к Зеленой косе. Моя задница уж и болеть перестала – будто нет ее, будто конец хребта о седло бьется – и боль от него по всему телу разбегается.

Примчались мы на косу. И опоздали. Видим – двуколка пустая. Да лодка на реке – двое негров-гребцов и мужчина с женщиной. Далеко, лиц не разобрать, но знаем – она, Эммелина. Больше некому. Тут и пароход из-за косы – чух-чух-чух. Мужчина ему тряпкой какой-то машет – знать, заранее уговор с капитаном был.

Полковник сгоряча двустволку свою вскинул, да опустил без выстрела – не достать уже.

Застыл на берегу, как памятник, смотрит, как трап опускают и парочка на борт поднимается. И я смотрю – а что еще тут сделаешь? Даже название парохода запомнил: «Анриетта». Не иначе как с низовьев был, там любят имена такие корытам своим давать...

Ну и поплыл себе пароход дальше. Думаю: все, конец истории. Но, как оказалось, ошибся. Я тебе больше, Сэмми, скажу: самое странное и страшное после случилось. Такое, чему и поверить трудно. Я порой сам сомневаюсь: может, и не было ничего? Может, меня пуля у той хижинки по черепушке чиркнула – и привиделось в бреду все?

Сам себя уговариваю – а память, проклятая, мне твердит: было, было, было...

Жила бы, Сэмми, у меня собака, назойливая, как память, – я бы ее отравил.

* * *

Честно сказать, я не понимал, зачем полковник к усадьбе своей торопится. Дочь сбегала – ничего теперь не поделаешь. Но сыновья-то на берегу валяются, убитые, прибрать надо бы. Негоже парням из рода Монтгомери ворон кормить. Я, Сэмми, к тому моменту себя уже вполне членом семьи считал. И на усыновление был согласный. Другие-то наследнички – тью-тью...

Ладно, полковник скачет, я рядом. «Железный он, что ли?» – думаю. Кровь из ран сочит и сочит, другой бы свалился давно, а этот лишь побледнел как смерть – и все.

Проскакали мы в ворота – «братец» Джоб там так и болтается. Только кто-то штаны с покойника стащил, хорошие штаны были, выходные, почти новые. Вороватые тут негры, думаю. Ну да ничего, наведу еще порядок. А вендетту замну как-нибудь – дурное это занятие, если честно.

Полковник с седла прыгнул – и в дом. Я, чуть поотстав, за ним. И слышу: впереди перебранка. Орет на полковника кто-то – голос неприятный, словно ворона каркает. Подхожу поближе: Мапочка! Дорогу хозяину загородила, не пускает. А полковник, между прочим, прямо в тот коридорчик рвется, где дверь секретная. Интересные дела, думаю...

Ну, он старуху отталкивает. А такую тушу сдвинь, попробуй. Но полковник попробовал – и отлетела она, как кегля сбитая. Вскочила кошкой – не ждал я такой прыти от старой рухляди. Из одежек своих разноцветных нож выдернула. Во-о-о-т такенный – туши свиные

хорошо разделявать. Но и человека порубить можно так, что любо-дорого. И – с тесачищем этим – на полковника.

У него двустволка за спиной висела. Я и не думал, что так быстро с ней управиться можно – одним и тем же движением полковник ружье вперед перебросил, курки взвел, приложился – бах! бах!

Стрелок он был – не мне чета. Оба выстрела – ровнехонько в голову. Только пули, похоже, у полковника еще на берегу закончились. Картечью зарядил или дробью крупной. А она, если почти в упор стрелять, – плотной кучей летит, страшное дело. Короче, была у Мамочки голова – и не стало. Разлетелась мелкими ошметками.

А туша – стоит и тесак сжимает! Ну, дела...

Полковник мимо нее – и уже ключами в замках гремит. Я чуть задержался – на Мамочку смотрю – и жутко мне, и любопытно. Она все стоит. Головы нет, вместо шеи лохмотья красные – но стоит! И, странное дело, вроде бы кровь должна хлестать из жил разорванных – а не хлещет!

Не по себе мне стало. Толкнул Мамочку в брюхо толстое стволом ружейным. Осела она назад – словно человек живой, смертельно уставший. А я – за полковником, он уже в комнату секретную входит.

А там...

А того, что там, лучше бы, Сэмми, никому и никогда не видеть. Идолы какие-то стоят кружком, из дерева черного. Человеку по пояс будут. Скалятся мерзко. Губы чем-то измазаны, на черном не понять чем – но подумалось мне, что совсем не кленовой патокой... А на стенах... На стенах головы! Настоящие самые головы!!! Женские – негритянок, мулаток, квартеронков! Пара сотен их, не меньше. Одни свежие, другие ссохлись, сморщились, кожа черепа обтянула, глаза высохли, внутрь запали – как гнилые изюмины там виднеются. Но трупным запахом не тянет – лишь дымком пованивает, тем самым, под который гадала мне Мамочка.

Я так и сел. Натурально задницей на пол шлепнулся. Думал – стошнит сейчас, но удержался как-то.

С большим трудом от голов этих взгляд оторвал. Но там и остальное не лучше было. Всего я разглядеть не успел, да и темновато – весь свет от свечей шел – они в виде звезды шестиугольной на полу стояли. Идолы как раз звезду ту и окружали – охраняли словно бы.

В центре звезды что-то небольшое лежало. Ну... примерно с руку мою до локтя. А что – не рассмотрел я сразу. Свечей вроде и много, но все из черного воска и горят как-то не людски – темным пламенем, не дают почти света.

Кресло я чуть позже увидел. Потому как высоко стояло, чуть не под потолком, на глыбе квадратной каменной. Нормальные люди так мебель не ставят.

А в кресле – девушка! Пригляделся – нет, квартеронка. Чуть шевельнулась – никак живая? Оторвал я от пола задницу и к глыбе и к креслу тому поближе направился.

Полковник тем временем – к идолам и к звезде из свечей идет. Только странно идет как-то, Сэмми... Всего шагов пять-шесть надо сделать – а он согнулся весь и по дюйму едва вперед продвигается. Словно ураган ему встречь дует. Но в комнате – ни сквозняка, ни ветерочка.

Я к креслу подковылял – тоже медленно, ноги что-то ослабли. И разглядел: точно, на нем квартеронка молоденькая. Сидит, ремнями притянута. На левом запястье ранка небольшая кровит. От подлокотника желобок – поверху тянется, на цепочках к потолку подвешен. Через всю комнату – и ровнехонько над центром звезды обрывается.

И с него – кап, кап, кап! – кровь вниз капает, почти черной от свечей этих дурных кажется...

И тогда наконец я увидел, что там, между свечей, лежит...

Эммелина там лежала!

Крохотная, с фут длиной, – но как живая. Из воска, наверное, была вылеплена и раскрашена – но будь размером больше, точно подумал бы, что никуда Эмми не сбегала. Лицо – ее, фигура – ее, волосы – ее, одежда – тоже ее. Даже ожерелье на шейке такое же, но уменьшенное. Серезжки в ушах знакомые, синими камушками поблескивают – но крохотные-крохотные, скорее догадался про них, чем разглядел.

А кровь сверху – прямо на нее капает. Но что удивительно – должна бы маленькая Эмми при таких делах вся липкая и заляпанная быть – ан нет! Лежит чистенькая, нарядненькая, на платьице – ни пятнышка. Вижу ведь, как капли на нее попадают – но исчезают тут же, словно испаряются. Чудеса...

А полковник тем временем почти уже до идолов добрался – рукой дотянуться можно. Но не успел он ни дотянуться, ни чего-то иного сделать... Шаги сзади затопали. Тяжелые, грузные.

Обернулся я – и натурально обделался! Полные штаны наложил. И ничуть не стыжусь. Другой на моем месте вообще бы от ужаса помер.

Мамочка к нам шагает!

Как была – без головы! И тесак в руке занесен!

Тут все, что я до того момента повидал, показалось мне пикником младшего класса воскресной школы. А уж денек выдался на зрелища богатый. Но до того все пусть и страшно было, и мерзко, но... как-то жизненно, что ли... А тут...

Окаменел я. К месту прирос. В голове пусто. Мыслей нет. Совершенно. Исчезли куда-то мысли. Потому что человек в присутствии ТАКОГО мыслить не может. Может лишь с ума сходить – причем очень быстро. Чем я и занялся. Мыслей-то нет, но чувства остались. Хорошо мне так стало, тепло и расслабленно – словно я в бадье с горячей водой нежусь, а Молли мне спинку трет, и не только спинку – бывали и такие у нас развлекашки. И совсем мне все равно, что дальше со мной будет.

Не знаю, как уж там полковник – думал что-нибудь в тот момент или нет. Скорее, он на направленное оружие без всяких мыслей реагировал. Тело само по привычке что надо делало.

В общем, когда Mamochka попыталась его тесаком рубануть, полковник ствол ружья поставил.

– Дзинк! – только искры полетели.

Она снова, да быстро так. И еще. И еще.

– Дзинк! Дзинк! Дзинк! – не поддается полковник. И орет что-то.

Что именно – я не понимаю. И вовсе мне безразлично, чем эта кошмарная дуэль закончится.

А они по комнате кружат, места хватает там. Дзинк! Дзинк! Дзинк! Дзинк! Полковник едва прикрываться успевает, самому и не ударить никак. Да и что толку бить труп безголовый? Мертвее все равно не станет. И кричит, кричит все время что-то... Да нет, не труп кричит – Монтгомери.

И докричался-таки. До меня докричался. Услышал я. Пробудился от безмыслия своего. «Разбей ее!» – вот что полковник кричал. И я как-то сразу понял, кого разбить надо. Эммелину восковую. В ней вся пружина этой свистопляски. Ладно, разобью...

Но это легче оказалось подумать, чем сделать. Шагаю я к идолам – точь-в-точь как полковник давеча. Чувствую как бы, что бреду я в реке из липкой патоки – причем против течения. Давит, отталкивает что-то. А сзади все: «Дзинк! Дзинк! Дзинк!»

Через плечо глянул – гроб моей мамочки! Трупешник-то старухин до меня теперь добирается! Полковник из последних сил спину мне прикрывает. Стиснул я зубы, шагаю, по ногам дерьмо теплое стекает – потом думал не раз, что про героев все в газетах пишут, лишь про подтанники их после подвига – ни словечка.

Оскалы идольские все ближе, но чувствую – не дойти. Кончаются силушки. И тут как надоумил кто. Ружье-то у меня в руке оставалось, протянул я его – тык идола ближайшего прямо в рожу.

Помнишь, Сэмми, на ярмарке в Сан-Питере один чужак фокусы показывал с банками лейденскими? Так здесь то же самое вышло. Словно голой рукой за ту банку схватился. Тряхнуло аж до печенок, и онемела рука. И потом три года еще немела время от времени...

Но идол упал с грохотом. И – все. Нет патоки, нет течения встречного. Слышу сзади не то вой, не то рев какой. Оглянулся скорей – неохота тесаком получить по затылку.

А это Мамочка трубит гудком пароходным. Стоит, замерла, тесаком не машет больше – а из шеи разлохмаченной вой несется и струи кровавые фонтанами – чуть не до потолка достают.

Ага, не нравится! Свалил я еще двух идолов – и ничего, никаких тебе лейденских банок. Сквозь строй их протиснулся, свечи перешагнул. Над Эммелиной помедлил немного – красивая все же была и как живая. Затем – сапогом сверху – хрясь!!! Разлетелась на куски. Я и куски топтать давай... Но не успел в мелкую крошку растоптать. Пол чуть не дыбом встал, я на ногах не удержался. И обратно провалился. И снова – дыбом. Словно не дом тут, а пароход. И угодил тот пароход в самую страшную бурю. Лишь много спустя я узнал, что и с домами такое бывает, – узнал, когда в Калифорнии в землетрясение попал.

Ну головы со стен попадали, как тыквы, по полу покатались. Идолы, что стояли еще, свалились. Кресло с квартеронкой рухнуло – я это не видел уже, лишь услышал – свечи упали и погасли почти все. Что с полковником и с Мамочкой происходит – не видать. Да и некогда всматриваться – выбираться скорее надо, похоже, дом развалиться собирается. Я на карачках к двери – как пьяный матрос в шторм по палубе. Пол все в свои игры играет, сверху дрянь какая-то сыплется – штукатурка, еще что-то. Вижу – светлее стало, по наружной стене трещины сквозные поползли. Все, думаю, конец – сложится сейчас особняк полковника, как домик карточный. Но кое-как в коридорчик вытряхнулся, к черному ходу ползу...

И все кончилось.

Для меня кончилось – доской тюк по темечку, только через два дня я оклемался. Открыл глаза – темно, лежу я вроде как на полу, на груди тряпок всяких. А пол не угомонился, все качается, правда, едва-едва уже. Но тут плеск волн услышал – понял, что опять на плоту мы плывем.

Джим, оказывается, не только пузо у Монтгомери отъедал – он и плот новый потихоньку сколотил, как чуял, что добром житье тамошнее не кончится.

Как спасся я из дома рухнувшего? Джим же и вытащил. Услыхал он выстрелы полковника – и в дом вошел. Не сразу, но вошел. Один он только на это и отважился, все «братцы» и «сестрички» разбежались-попрятались. В комнату потайную лезть побоялся, но из-под перекрытий падающих меня выдернул.

А дом не просто на куски рассыпался – даже руины дотла сгорели. Джим говорил: необычным пламенем горело, никогда он такого не видел. Не горит так дерево, хоть бы и нефтью политое.

Тем и закончилась история. Вот только не спрашивай, Сэмми, как вся эта чертовщина происходила. Как Мамочка Эмми спасла и жизнь в ней поддерживала, медленно две сотни чернокожих девчонок загубив. Не знаю и знать не хочу. Я и то, что своими глазами видел, позабыть бы хотел. Да не получается никак... До сих пор глаза ее голубые помню. И ложь ее проклятую...

Нет, нет, Сэмми, насчет судьбы Эммелины Монтгомери ты ошибаешься – кое-что я о ней узнал. Очень не скоро, через десять с лишним лет, но узнал.

Я пароход тот, «Анриетту», купил. Не особо в нем нуждался – но название вспомнил и купил. Крепкое оказалось корыто, потом машину заменили – до сих пор плавает.

Кое-кто там из экипажа десятилетней давности оставался. И странную историю они любили после стаканчика рассказывать. О том, как забронировала каюту первого класса – третью по левому борту – молодая парочка супружеская. С тем чтобы подсесть по дороге. Ну подсели – на лодке подгрести. И сразу в каюту – нырк. И ни слуху ни духу. Прислуга все понимает – то да сё, медовый месяц. Но одной любовью сыт не будешь. А эти два дня взаперти сидят – ни глотка воды, ни корочки хлеба не заказывают. Постучались к ним – звуки из каюты какие-то странные.

И что ты, Сэмми, думаешь? Когда дверь в конце концов сломали – не было там молодой парочки. Мужчина был – седой, голый, ничего не говорит, мычит, слюни пускает. С ума сдвинулся. По слухам, через год в богадельне умер.

А еще в каюте труп нашли – совершенно сгнивший. На вид – тринадцатилетней девочки. Вот как оно бывает...

Конечно, парочка записалась как мистер и миссис Джон Смит – но если это были не подлец Ларри Шеппервуд и не проклятая потаскушка Эммелина Монтгомери, – то тогда нет, Сэмми, справедливости. Ни на земле нет, ни на небе...

* * *

Сквозь задраенный иллюминатор – который Писатель, как человек сухопутный, продолжал считать закрытым окном – пробивались первые лучи рассветного солнца. В каюте стояло сизое марево. Пепельницу переполняли сигарные окурки. Роскошный ковер был завален бутылками с отбитыми горлышками. Писатель отстал на середине дистанции – окончательная победа над содержимым погребца была достигнута трудами одного лишь Хозяина.

Но, странное дело, пьяным он не казался. Говорил тихо и мечтательно:

– Знаешь, Сэмми, я человек по большому счету незлопамятный. Иногда я думаю, что раздавил восковую Эмми как раз в тот момент, когда настоящая впервые улеглась в койку с подонком Шеппервудом, – и мысленно прощаю им все их подлости. Пусть покоятся в мире.

...После долгой паузы Писатель сказал:

– Берри, я, пожалуй, выйду на палубу. Душно тут, глотну свежего воздуха. А потом попробую поспать... Когда мы прибудем в Санкт-Петербург?

– Часа через четыре, не раньше. Но ты спи спокойно, без нас все равно не начнут. Подождут, никуда не денутся. Когда проспишься – загляни сюда, в мою каюту. Тогда и сойдем на берег. А я лягу здесь, проветрю – и лягу. Привык я к этим стенам...

– Загляну, – усталым голосом пообещал Писатель. Шагнул к двери, что-то вспомнил, обернулся: – Послушай, Берри... Если ты не против, то я, может быть, когда-нибудь использую твою историю...

– Используй, – сказал Хозяин равнодушно. – Только измени фамилии. И, пожалуйста, припиши другой финал. Чтобы все были счастливы...

– Постараюсь. Но тогда еще один вопрос: а что стало в конце концов с Джимом? Тоже ведь немаловажный персонаж. Он добрался до свободных штатов?

– Нет, Сэмми. Устье Огайо, Каир и участок кентуккийского берега он и не заметил – плот проскочил мимо, когда старина Джим ухаживал за мной, лежавшим без сознания. Вместо этого мы попали в Новый Орлеан – благо с бумагой полковника бояться охотников за беглыми рабами не стоило. А там... О, там Джим оказал мне бесценную помощь в первых шагах моей карьеры. Без него я просто никем бы не стал, Сэмми...

– Ты взял в компаньоны *черного*? – приятно удивился Писатель. – Тогда? В Луизиане?

– Ну что ты, Сэмми... Дело в том, что вексель полковника после его смерти ничего не стоил, в отличие от рекомендательного письма. Мне позарез нужен был стартовый капитал. Я продал Джима на хлопковую плантацию – за такого здоровяка мне отвалили девятьсот

долларов. Года через три попытался выкупить, денег уже хватало. Не сложилось. Сам знаешь, какой недолгий был век у негров «на хлопке»... Но ты иди, Сэмми, поспи. Что-то вид у тебя совсем тусклый.

Писатель понял, что ему стоит поспешить на палубу. И глотнуть свежего воздуха. Немедленно. Пошатываясь, вышел из каюты. Потом вдруг вспомнил, что не помнит ее номера. Как, впрочем, и названия парохода – на борт они с Хозяином взошли два дня назад, уже изрядно навеселе.

Обернулся, посмотрел на роскошную дверь красного дерева. Цифр там не было. Тогда Писатель стал отсчитывать двери от начала коридора.

Каюта оказалась третьей. По левому борту.

«Совпадение, конечно, совпадение, не мог же Берри и в самом деле...» – твердил себе Писатель, шагая к свежему воздуху.

На палубе он вцепился в фальшборт, перегнулся вниз и долго разбирал перевернутые – для его взгляда – буквы на борту, не замечая висевших неподалеку спасательных кругов, тоже украшенных названием парохода.

На середине процесса чтения Писателя стошнило. Он смахнул с губ вязкую горькую жидкость, подышал широко распахнутым ртом. Перегнулся снова – и узнал-таки, на каком судне плывет.

Пароход назывался «ЭММЕЛИНА». Но Писателю показалось, что сквозь слои белой краски легчайшим намеком проступает другое название.

Тоже женское имя...

22 июня

*Дорогие хомяки, нам надо подумать о достойной смерти,
а не о шутовском карнавале.*

В. И. Новодворская.

1

Не каждая лошадь кобыла, но каждая кобыла лошадь (аудиозапись)

Передо мной на столе лежит пистолет – не копия-пневмашка и не газовик – боевой, хотя закон о короткостволе так и не приняли, а теперь принимать уже поздно, да и некому... Но мой ИЖ вполне легальный, получен в ОВД при убытии в командировку и номер на вороненом металле вполне соответствует цифрам, записанным в моих удостоверении и лицензии.

Рядом с пистолетом лежит диктофон «Олимпус». Тоже вполне законный. Не замаскированный под авторучку, пуговицу или под визитную карточку (последний писк моды и хит сезона), хотя у нас в агентстве с избытком хватает таких игрушек, запретных для простых граждан.

Но диктофон выглядит именно как диктофон. Он мой личный, приобретенный за кровные денежки. Хотя и служебный у меня сохранился, выглядит он как банковская кредитка. Но запись, сделанная на кредитку, наверняка пропадет. Кого теперь заинтересует кредитная карта, лежащая на видном месте? От бумажных денег и то больше проку. Их можно использовать для растопки, например. Или для подтирки.

Смешно, но совсем недавно я надеялся, что именно этот «Олимпус» поможет мне обеспечить безбедную жизнь по окончании нынешней службы. Вернее, многочисленные записи, сделанные «Олимпусом» и не сданные вместе со служебными отчетами...

И вот как все обернулось. В последнее время жизнь мне обеспечивал исключительно ИЖ. Не то чтобы совсем безбедную жизнь, но все же...

Теперь не будет обеспечивать. И даже если бы сегодняшняя вылазка завершилась иначе – не обеспечил бы.

Потому что в ИЖ остался один патрон, последний. Очень жаль. Собирался еще за неделю до отъезда зайти в салон, прикупить пару коробочек «маслят» и в тир заглянуть, давненько не бывал, да так и прособирился... А если бы и собрался, из Москвы лишние патроны сюда бы не повез... Не ожидалось здесь перестрелок, да и закон неодобрительно относится к людям, таскающим с собой более двадцати положенных патронов на ствол, второй раз прищучат – прощай, лицензия.

В памяти «Олимпуса», наоборот, свободного места до хрена. Больше, чем требуется, тридцать два часа с минутами. Тридцать из них я бы с легкой душой обменял на пару патронов. Ау, нет желающих совершить change? Желających нет, в квартире я один. Это была шутка. Несмешная. Что-то не то с моим чувством юмора... И не только с ним.

Ладно, проехали. Расскажу по порядку, с чего для меня лично все началось. А чем все закончится, вы услышите в конце записи.

А если... В общем, если вы меня сейчас слушаете, быстренько загляните в конец этого аудиофайла. И если не услышите звук выстрела, хватайте диктофон и уносите ноги. Потому что я могу быть где-то рядом... И могу быть опасен. Вернее, не совсем я. Но все равно опасен...

Итак, будем считать, что все в порядке, выстрел вы услышали. Продолжим.

...«Сапсан» прибыл в Питер утром двадцать второго июня, в половине одиннадцатого, но мы всей компанией сидели в своем втором вагоне еще сорок минут: режим усиленной безопасности – не шутка. Чужих в вагоне не было, все билеты выкупили, и с десятков мест пустовало, но нашим принципалам десять пропавших билетов – пустяк, семечки. В общем, все свои. Вся головка и верхушка – Мясистый, Чемпион, Рукоблуд, Тортилла, Матрасник, Распутин... Из московских авторитетов только Сумчатый с нами не ехал. Он, по слухам, напрямую из Америки прилетел, его в Пулково встречали. Остальные все тут. Кроме Кобылы, разумеется. Ее, как виновницу торжества, сюда первой доставили. В цинковом ящике.

Они, принципалы, и не знали, что такими оперативными псевдонимами – вроде Кобылы и Рукоблуда – их называют не только в разговорах чоповцев, но и в наших внутренних документах. А знали бы – не расстроились: брань на ворота не виснет.

Доехали весело. Мы-то не пили: на службе нельзя, а наниматели наши не то чтобы в лежку, но маленько расслабились... И в памяти «Олимпуса» новая интересная запись появилась. Я тогда считал, что интересная... А теперь... Все дохлой Кобыле под хвост.

Наконец выпустили и нас на перрон. Все встречающие-провожающие уже рассосались, полицейское оцепление осталось да люди с телекамерами. Оцепление, кстати, не только ради нас выставили: все прибывшие через кордон узкой струйкой просачивались; чуть кто на вид подозрительный – тут же на медобследование. Режим усиленной безопасности, РУБ в сокращении.

Вытряхнулись на перрон, и мы по инструкции тут же образовали внутреннее кольцо, журналюги объективами целятся, принципалы морды лица от них отворачивают, потому как помяты слегка и некиногеничны. Но мой-то, Распутин, мимо камер пройти не мог. У него рефлекс условный, как у собак Павлова. Толкнул речугу небольшую, я особо не вслушивался, все тот же малый джентльменский набор, что и на московском перроне, перед отъездом: не забудем, не простим (Кобылу и ее погубителей соответственно), РУБ – предпоследний шаг к фашизму и генеральная репетиция тридцать седьмого года, ну и прочая лабуда... Все как всегда. Разошелся, в глазках черных и блестящих бесенята прыгают, совсем как у Ефимыча первого и настоящего, – насколько я того по фильмам представляю, разумеется. В вагоне куда как интереснее про смерть Кобылы говорил, про «Олимпус» не зная. А на меня и внимания не обращал, что для них охрана? Так, предметы мебелировки.

Вокзал обошли через какой-то боковой проход, тоже оцепленный, ладно хоть через санкордон просачиваться не заставили. Расселись по машинам, поехали. Прощание в Манеже уже шло, но наши для начала в гостиницу – надо же над помятыми физиями визажистам дать поработать, прежде чем под камеры выставляться. И тут все как всегда.

А вот город, пока ехали, непривычно выглядел. Пустынно. Москва, наоборот, в те дни на муравейник походила, куда кто-то ацетона плеснул и вот-вот спичку поднесет. А здесь улицы-проспекты пустые, если не считать патрулей и постов. Машин мало, прохожих почти нет... Но это в центре, а что в спальных районах творилось, я тогда не знал.

Еще дней десять назад совсем по-другому Питер выглядел. Распутин последний год повадился сюда постоянно мотаться, каждые две недели, а то и чаще. А мне на руку: жена в Москве, а в Питере – Люська, как с дежурства сменяюсь, не в гостинице ночую, у нее... Обжился там немножко, вещички кое-какие завел, ключи себе от ее квартирки сделал. Но без обязательств. Поутру все четко: служба, дорогая, труба зовет. Она, наверное, планы какие-то в отношении меня строила – развести, околыцевать... Но кого теперь волнует, какие у нее были планы. Лучше б у нее была пара банок тушенки в холодильнике. Потому что последние часы я провел именно в Люськиной квартире, и жрать поначалу хотелось не по-детски. Теперь уже не хочется...

Но что-то я не о том... Вернемся к теме.

...Хоронили на Никольском, у лавры. Я кладбища не люблю. Бываю при необходимости, но не люблю. Однако это понравилось – старое, хоронят редко, в исключительных случаях, и уже не как погост смотрится, а как парк вроде бы с архитектурными прибабасами... Зелень, деревья старые, прудик неподалеку от кладбищенской церкви, живописный такой, вытянутый, утки плавают, рыбешка даже какая-то всплескивает...

Я еще подумал (вот дурак-то!), что хорошо бы здесь лечь, когда срок придет. Уютное место, тихое, спокойное... Ага. Знал бы, что там через час начнется, рванул бы из уютного местечка без оглядки, плюнув и на Распутина, и на свое начальство... Но я не знал.

А началось все с того...

Секундочку... Кажется, пришла пора сделать инъекцию...

2

Не все, пойманное в реке, годится в пищу

Мотня невода подошла к берегу тяжело и перекосячившись, потеряв правильную конусовидную форму. Что-то там, внутри, лежало большое, зацепленное со дна Луги. Не здоровенная рыбина, понятно, уж на рыбу-то у Свиридыча глаз был наметан. Топляк, наверное. Сорок лет, как прекратили по реке молевой сплав, а топляков меньше не становится, расчищай тони, не расчищай – все равно новых по весне нанесет. Что ж не нанести, если на иных плесах на дне слой в два-три метра из утонувших бревен вперемешку с илом и песком. Лет на сто еще хватит...

Свиридыч не ошибся. Он в рыболовных делах ошибался крайне редко. Внутри сетного мешка и впрямь не затаилась громадная рыбина, отчего-то не пожелавшая бороться за жизнь и свободу. Хотя рыбы хватало: тяжело ворочались золотистые лещи, извивались сомята – откуда-то, то ли с низовьев, то ли с верховьев, заплыло в тот год множество сомят, мелких, килограмма по полтора-два – ни дать ни взять головастики: усатая башка да хвост. Лещей собирали в мешки, сомят бросали обратно в воду, пусть подрастают. Еще кое-какой прилов случился: пяток щук, пара голавлей приличных, жерех один сдуру влетел. Нормально притонились. Не то чтобы очень удачно: на этом месте и лососек цеплять случалось, – но нормально. В пропорцию. На троих поделить – вполне прилично получится. А если учесть, что одному из их тройцы пока лишь полдоли причитается, так и вовсе хорошо. Не зря бензин жгли и невод мочили.

Этот выезд с неводом был первым в сезоне, пробным, по весне больше ставные сети да мережи в ходу. Потому и отправились втроем – чтобы семидесятиметровый невод вытянуть, троих хватает. Ну а позже и снасть будет солиднее, и бригада многочисленнее.

Постепенно выворачивая мотню, выбирая рыбу и вычищая мелкий донный мусор, они помаленьку добрались и до удлиненного предмета, облепленного водорослями и принятого Свиридычем за топляк.

Но это был не топляк.

И не иной рукотворный или природный предмет, угодивший в Лугу.

Мертвец.

Утопленник.

Причем оказался он на дне или своей, или чужой злой волей, но в любом разе не вследствие несчастного случая: от шеи мертвеца тянулся не то провод, не то веревка, толком не разглядеть под слоем зеленовато-серой слизи.

– Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца... – дурашливо продекламировал Николка, шестнадцатилетний сын Парамоши, уже пару лет помаленьку привлекаемый отцом к семейному промыслу. Вроде и балагурить пытался, но голос подрагивал... Непривычный.

Свиридыч глянул на оболтуса неодобрительно, но ничего не сказал. Вновь перевел взгляд на мертвяка.

Обосновался тот на дне реки давненько... Кожа серая, с густым синеватым отливом и натянута туго, не сморщена, как у свежих утопленников. Счет на недели идет, а точнее сказать трудно: вода в Луге холодная, на дворе июнь, но купаться пока народ отваживается, лишь парясь в бане и хорошенько кирнув... Или просто хорошенько кирнув. Вот еще недельки три тепло продержится, так и купальщиков на берегах полно будет, и мертвяки куда быстрее разлагаться начнут...

Но когда именно этот бедолага нырнул и не вынырнул, дело десятое. Гораздо важнее решить, что с негладным презентом Нептуна делать.

Пока Свиридыч решал (его право единолично принимать решения никем в небольшом коллективе не оспаривалось), Николка помаленьку оправился и занялся самодеятельностью. Отнюдь не художественной, хотя сам, возможно, считал иначе. Вытащил мобилу и стал прилаживаться сфотографировать мертвеца, а то и вообще заснять на видео.

– Парамоша... – укоризненно протянул Свиридыч.

Парамоша все понял без долгих объяснений: протопал к отпрыску, забрал мобилу. И тут же – хрясь! – заехал по уху. Не так, чтоб с ног долой, хотя руку имел тяжелую. Но вполне чувствительно. Спросил спокойным и ровным тоном:

– Я зачем, Колюсь, тебе эту хреновину покупал?

Николка молчал, обиженно сопел и хлопал ресницами.

Хрясь! – воспитательный процесс продолжился. На сей раз прилетело другому уху, для симметрии.

– Так зачем? – спросил Парамоша так же спокойно и ровно.

– Чтоб звонить... – ответило чадо, хлюпнув носом.

– Верно, чтоб звонить. А не для того, чтоб ты ролики по тырнетам раскладывал.

Парамоша отвернулся, сочтя инцидент исчерпанным. Но мобилу не вернул, убрал в свой карман, от греха. Уточнил деловито:

– Обратно притопим? Или по-людски схороним, могилку выроем?

С властями Парамоша, отмотавший три года в колонии-поселении за злостное браконьерство, никаких дел иметь не желал категорически. Ни по какому поводу.

Но Свиридыч пока не принял решение.

– А не «электрик» ли это часом? – спросил он негромко, словно сам у себя. Затем командовал: – Гляньте-ка, может, аккумулятор тут вместо груза?

Парамоша посмотрел на сына – тот стоял надувшийся и обиженный, – не стал ни о чем просить, сам нагнулся к другой зеленой груди, размером поменьше, именно к ней тянулся от шеи трупа не то провод, не то веревка. Может, и в самом деле там аккумулятор...

Дело в том, что «электрик» на реке или озере – это не тот мирный дядька с жёковскими корочками, что по квартирам ходит и проводку починяет. На водоемах «электриками» зовут хапуг с электроудочками. Снасть весьма уловистая и беспощадная: мальков и мелочь рыбную убивает подчистую, а крупняк, если на периферии электроудара окажется, – уйдет, уцелеет, но навсегда способность размножиться потеряет. В местах, где «электрики» хорошенько пошуровали и укатили, несколько лет рыбалка никакая. А им что? Свое взяли – и на другое место, потом на третье...

Шишничают в самых глухих углах, либо ночами, поскольку рыбнадзор с «электриками» не церемонится. Не административное дело на них заводят, а сразу уголовное – и в лучшем случае штраф громадный, на пару нулей побольше, чем за сетки или невод. При отягчающих – за решетку.

Но куда хуже для «электрика» встретиться на реке с браконьерами традиционными и притом местными. С теми, кто из поколения в поколение сетями тут промышляет. Если

разжалобить их сумеет – все отберут, догола разденут и за борт – плыви, мол. А затем электро-удочку врубают, чтобы на себе почувствовал, каково рыбе приходится... Приходится несладко: если сердцем слабый, так и утонуть может, а как там у выплывших с размножением – вопрос открытый. Ну а борзых и наглых – тоже за борт, но аккумулятор к шее привязав. И все, пропал без вести человек. Не вернулся с рыбалки, случается.

Насчет «электрика» Свиридыч ломать голову не стал бы. Пускай тот и дальше рыбу кормит.

Но Парамоша, покопавшись в зеленой груди, доложил:

– Не аккумулятор... Канистра... похоже, песком набитая...

Версия не подтвердилась, а проблема осталась. И Свиридыч решил так: нормальных людей, не «электриков», негоже в воду бросать, что живых, что мертвых... И неплохо, чтобы авторов этого непотребства словили те, кому положено, кому за это деньги платят. Помогать им, теряя время на показания и прочие формальности, резона нет. Но и мешать, вновь прятать концы в воду, незачем. Так что они уедут, а мертвец пусть остается на берегу. Сейчас, по раню, место пустынное, а днем кто-нибудь на труп наткнется. Не сегодня, так завтра – учитывая, сколько утопленник пролежал на дне, особой разницы нет.

Озвучить свое решение Свиридыч не успел. Николка заорал, и каким-то не своим, тонким детским голосом, словно помолодел мгновенно лет на пяток:

– Папка-а-а! Он шевельнулся!!!

3

Не всякий, кто пришел на похороны в черном, носит траур (продолжение аудиозаписи)

Питер вымершим и безлюдным выглядел, но все же на похороны Кобылы сотни три народу собралось, и затем помаленьку подтягивались. Всех мастей: и феминистки, и «радужные», и активисты от партий каких-то никому не известных, и прочая публика, которую хлебом не корми, лишь дай на митинг или шествие сходить, себя показать, на людей поглазеть. Родственники покойной на фоне всей тусовки как белые вороны смотрелись: ни флагов у них, ни баннеров, ни футболок с надписями...

Хоть и похороны, а поработать пришлось. На кладбище заявили «цитрусовые». При чем прошли не через главный вход, там и ОМОН был, и пара автозакон. С другой стороны притопали, через боковой какой-то вход или служебный. Сплошь парни, все в черном, все, как в ориентировках пишут, «спортивного телосложения»... А вместо цветов-венков с собой дреколь притащили. Натуральные жердинки – метра по полтора длиной, и толщины приличной, и с одного конца заостренные. Причем осиновые колья, не какие-нибудь еще.

А чтобы никто с ольховыми или другими не спутал, с боков затесаны и надписаны маркером, крупными буквами: «ОСИНОВЫЙ КОЛ». Может, только Кобыле в свежую могилку вколотить собирались, а может, заодно и папашке ее, Мерину Лошаковичу, давно уже здесь, на Никольском, обосновавшемся. Чтобы дважды не ездить.

Но что бы они ни затевали – не выгорело. Мы ж не зря зарплату получаем, и нельзя сказать, что маленькую. Сработали жестко, но аккуратно, причем вдвали от камер. И поехали дурачки со своими колышками в райотдел, на оформление. А мы остались...

И я остался, хотя как раз срок моей пересменки подошел, и я мог спокойно хоть в гостиницу, хоть к Люське. Но я договорился с Майком о подмене: мол, я сейчас драгоценное тельце постерегу, а он – после полуночи. Ему хорошо: и днем свободен, и часть ночной смены подрыхнуть можно, и мне: ну что мне сейчас делать у Люськи без Люськи?

Это стало моей ошибкой... Очередной, но не последней.

А траурный митинг тем временем своим чередом шел – рядом с церквушкой, на свежем воздухе. Правда, о том, что он траурный, можно было только по черным лентам на венках догадаться. И с формальной точки зрения митингом он не был – похороны, дело частное и семейное, на митинги и шествия чоповцам со служебными стволами являться закон не велит. А так митинг как митинг, все те же песни о главном. Главный хит сезона: эпидемия как результат секретных экспериментов «кровоавой гэбни». Но аранжировки актуальные: совсем недавно власть ругали за то, что ничего не делает; теперь, после объявления РУБ, – за все, что делает...

Рядом со мной Лариосик оказался. Коллега, но из местных, питерских. Мы с ним шапочно знакомы были, наши шефы вечно на одних и тех же мероприятиях отирались, а у него шеф – депутат питерского ЗакСа, из оппозиционных. И даже не просто депутат, а замглавы не то комитета, не то комиссии по какой-то хрени.

Обычно Лариосик поохмить любил, всегда пара свежих анекдотов наготове. Причем юмор у него чернушный, как раз для кладбища. А тогда стоял с таким видом мрачным, словно Кобыла ему пяток миллионов задолжала без расписки, под честное слово, да так и не отдала, копыта откинула.

Но, похоже, и Кобыла, и ее похороны Лариосику абсолютно до лампочки были. Он все больше на тот мостик поглядывал через речку Монастырку, где вход на Никольское.

Спросил я у него: еще, дескать, гости незваные ожидаются, кроме «цитрусовых»? А он как-то невпопад отвечает: лучше бы, мол, Кобылу где-нибудь подальше отсюда зарыли. На Южном, например. Место не из престижных, но лучше бы там.

Я не понял. Он растолковал: мы сейчас на острове, на небольшом – с одной стороны Нева, с другой – Обводный, еще с двух – Монастырка. И островок этот самая настоящая ловушка. Мостики узкие, и мало их, и далеко друг от друга находятся. А там, где два больших моста – Обуховский и Монастырский, там как раз два выхода из метро совсем рядом, для полного счастья. Я снова не понял: при чем тут метро-то? Объявили ведь вчера по ящику, что эвакуация проведена успешно, что разблокируют через три дня самое позднее.

Он странно на меня посмотрел и говорит: ну да, ну да, разблокируют. Может, и сегодня. Да только не те, кто обещал... И начал объяснять, что они с шефом вчера в метро побывали, вместе с прочей городской верхушкой – аккуратненько под землю сунулись, с самого краю, в Купчино, где ветка заканчивается, на поверхность выходит...

Тут Лариосик, который и до того не кричал, совсем голос понизил и в сторону меня потянул. Но не сложилось самое интересное услышать... Как раз мой Распутин на трибуну взгромоздился, речь держать. А это момент ответственный. Если найдется в толпе придурок с банкой краски или с чем-то похожим – самое время той банкой в оратора запузырить. Под камерами и при полном пиаре. В общем, я поближе притерся, бдю, подозрительные движения в своем секторе отслеживаю... Все спокойно, не видать провокаторов.

Но беда пришла, откуда не ждали. Приплелась. Пришаркала в самом прямом смысле, под ручки поддерживаемая. Проще говоря, наша морщинистая Тортилла приползла. Выглядела она, как мумия черепахи, скончавшейся от голода в конце юрского периода. То есть как всегда. Но мумии уже ничем не болеют, а над Тортиллою всю дорогу два медика хлопотали, врач и медсестра. И на кладбище она только сейчас очутилась – может, ее с вокзала в клинику возили, может, в гостинице отлеживалась, не знаю...

В общем, пришаркала. И прямиком к трибуне. Народ перед ней расступается – в лицо знают, прабабушка российской оппозиции. Или прапрабабушка.

А трибуна-то одно название, возвышение по колено высотой. И к ней целенаправленно так Тортилла толпу рассекает. Вот тогда я нехорошее заподозрил... Мы же, как псы сторожевые, на все неправильное натасканы. Потому что если человек пушку вытащил и на спуск давить начал – это наш прокол и недоработка. Мы клиента должны в идеале винтить, едва лишь он к карману или подплечной кобуре потянулся. Или к банке с краской. И зачастую получа-

ется на упреждение сыграть, потому что у людей в последние перед акцией секунды поведение сильно меняется. Пластика другая, моторика, а еще...

Ладно, не буду грузить, а то на эту тему долго распинаться можно. Короче, шаркает Тортилла так, словно на ней пояс шахида и видит она перед собой не трибуну с Борюсиком Распутиным, а рай с гуриями. Совсем другая походка, и взгляд другой.

Разумеется, не один я такой проницательный там был. Но никто ничего не предпринял... Ситуация непонятная. И мне, и другим ребятам неясно, что тут можно сделать. С любым другим все понятно – плечи сомкнуть, от трибуны оттеснить, а чуть рыпнется – упаковать.

Но тут не хухры-мухры – прабабушка всей оппозиции... Дошаркала до трибуны беспрепятственно. Борюсик паузу сделал, к ней наклонился – может, думал, она сказать что-то ему хочет или слова попросить вне очереди, видно же, что совсем плоха старушенция.

Он наклонился, но Тортилла ничего не сказала. Она без слов в лицо его укусила. В подбородок.

Как он заорал! А микрофон под носом, и динамики нехилые, – вопль наверняка на другом берегу Невы услышали.

Борюсик орет, а Тортилла зубы не разжимает. Он отдернулся, разогнулся, но она висит на нем, как бультерьер, ножки в воздухе болтаются... Ну раз такие дела, тут уж нечего глядеть, бабушка или прабабушка. И приложил ей Борюсик от души, со всей молодецкой мочи.

Тортилла метра на три отлетела, веса-то в ней, как в сухой вобле. Отлетела, но зубы не разжала. Торчат из распутинского подбородка, модной недельной щетиной заросшего, две вставные челюсти. И кровь хлещет. Сюрреализм.

А там духовой оркестр в сторонке выстроился – и не то капельмейстер самодеятельность проявил, не то им распорядитель церемонии отмашку дал, чтобы как-то конфуз замаять... И урезали музыканты от души Шопена в качестве саунд-трека. Вообще полный сюр.

Распутин кое-как челюсти с окровавленной рожи смахнул. И, надо ему отдать должное, обстановку прокачал мгновенно. Гаркнул в микрофон:

– Камеры!!! Записи изымайте!

Для операторов, понятное дело, сплошные именины сердца выдались. Редкий эксклюзивчик. Можно даже на свой канал не отдавать, в Сеть выложить, неплохую денежку на просмотрах срубить...

А ведь там не только тэвэшники были, нынче каждый сам себе оператор. Многие из толпы похоронные речи на бытовые камеры снимали, ну а когда окровавленная физия Борюсика на трибуне нарисовалась, тогда народ и за мобильники схватился, запечатлеть. Все записи изъять – задача практически нереальная: операторов – штатных и самодеятельных – куда больше, чем охранников с полицейскими.

Но команду выполнить попытались. Щелк! Щелк! Щелк! Черные здоровенные зонты уже и Распутина прикрыли, и старушенцию нокаутированную. Одновременно камерами занялись... Так ведь телевизионщики народ ушлый и наглый, они не просто в таких случаях в голос орут, на свободу прессы напирая, но и лягаться норовят, и даже кусаться...

Вопли, сутолока, полный дурдом.

В свалку я не полез. Заприметил одного паренька, он не с ТВ, среди публики стоял, но рядом с трибуной. На неплохую камеру снимал, «соньку» полупрофессиональную. И весь конфуз у него буквально перед объективом случился.

А теперь, гляжу, этот папарацци бочком, бочком из толпы – и наутек. Вместе с камерой. Я за ним. Шустрый оказался, несется, как молодой олень, между оградками петляет, которые пониже – перепрыгивает, натуральный бег с барьерами.

Пришлось хорошенько выложиться, и все равно этот олимпиец изрядно от церквушки отмахал, пока я его достал. Завалил, по почкам выдал для острастки – аккуратно, чтобы следов

не осталось. Он лежит, не трепыхается, я камерой занимаюсь. Гляжу, а карты памяти нет... Карманы у гаденьша проверил – нет! Только сменные фильтры в футляре.

Едва ли он ее на бегу вытащил и выбросил, скорее не один в толпе был, напарнику своему и отдал, а сам внимание отвлек... И пробежался я, получается, исключительно для моциона.

От такого расстройстве пальцы у меня разжались, камера выскользнула... И шмякнулась натурально о камень надгробный, метрах в трех от нас стоявший. Вдребезги – прощайте, четыре штуки зелени, или сколько она там стоила... Экий я неловкий.

Крысеныш мой к тому времени на ноги поднялся и даже права качать начал. Как увидел, что с «сонькой» его стряслось, – заверещал, словно поросенок при кастрации.

Я на тот камень смотрю, глазам не верю. Потому что надпись на нем сообщает, что лежит тут аж с 1904 года надворный советник Франкенштейн... Франкенштейн, прикиньте? Дурдом...

А в дурдоме и у нормальных крыша съезжает. У меня по крайней мере съехала... Потому что в какой-то момент я сообразил, что слышу выстрелы, и уже довольно давно. Слышал и раньше, но как-то мимо сознания шли. Ну выстрелы, ну и что, вполне нормальное звуковое сопровождение для того, что вокруг творится.

Но теперь как торкнуло: бой ведь идет самый натуральный, неподалеку, где-то в районе Староневского... И очередями лупят, и одиночными, и взорвалось что-то пару раз.

Только задумался: да кто ж там и с кем воюет? Новые выстрелы, совсем рядом, у лавры. Повернулся туда и увидел их. Много, сотни полторы или две. Мне тогда показалось, что много, кто ж знал, что это всего лишь передовые самой первой волны... Что на подходе многие тысячи, десятки тысяч.

Примерно на полпути между Лаврой и тем местом, где с парнишкой возился, – группа экскурсантов. На склепы и некрополи любуются, снимают, экскурсовода слушают... Не знаю уж, каким извращенцем, в смерть влюбленным, надо быть, чтобы вместо Эрмитажа и прочих музеев по погостам шляться... Но за что эти некрофилы боролись, на то и напоролись. Первыми оказались на пути у толпы зомби.

Вернее, термин «зомби» тогда под негласным запретом был... Политкорректно их называли инфицированными.

Однако, как их ни называй, экскурсанты при виде оравы мокрых тварей с окровавленными мордами тут же врассыпную дернули. Да только почти никто не ушел... Мне вот кажется, что Голливуд дурную шутку со всеми нами сыграл – своими стереотипами о зомби: медлительные, дескать, тормознутые и вообще тупее дерева... Но они не медлительнее живых оказались. А интеллект мертвым без надобности, они философские диспуты с нами затевать не собирались. Комар тоже тварь небольшого ума, но пищу свою – человека и его кровушку – за несколько километров почует и с прямого пути не собьется.

Стоял я, смотрел, как мертвые за живыми между могил гоняются, – а сам словно оцепенел, к месту прирос... Про службу позабыл, про Распутина, про все...

Но тут зомбьяк девку-экскурсантку ухватил, она заорала, и меня отпустило. Понесся обратным маршрутом, к церкви. Не то чтобы так уж рвался служебный долг в отношении Борюсика исполнить, но ситуация именно туда гнала – к своим поближе, от мертвяков подальше.

Куда делся парнишка, камеры лишившийся, не знаю. Со мной не побежал. Зря мы с ним, получается, в догонялки сыграли: никого бы его ролик не шокировал и миллионы просмотров не собрал бы. Я думаю, в тот день похожие ролики в Интернет десятками сыпались, пока Сеть не накрылась и свет во всем городе не обрубился... Но не буду забегать вперед.

К церкви вернулся и вижу: все не так плохо. Все значительно хуже. Потому что с другой стороны, от автомобильных мостов, через Монастырку перекинутых, тоже толпа мертвяков катит, и счет уже на тысячи идет. О том, чтобы их всех из нашего служебного оружия уложить, не задумался бы даже самый отъявленный оптимист.

Вот тогда-то я понял до конца слова Лариосика насчет острова-западни...

Удивила реакция на мертвяков наших работодателей, поильцев и кормильцев. Проще всего, конечно, сказать, что оказались они, кормильцы, все поголовно тупыми идиотами. Однако не стану клеветать на погибших: встречались среди них очень даже умные люди. Но они сами себя... как бы поточнее... в общем, загипнотизировали сами себя.

Столько твердили про мерзкую авторитарную власть, злостно нарушающую права ни в чем не повинных инфицированных граждан, – что сами в свои мантры поверили. Так уж у них мозги были устроены: если власть кого-то щемит, то власть неправа всегда, по определению, потому только, что она власть. А ущемляемые все белые и пушистые... И, получается, потенциальные союзники в деле свержения фашиствующей камарильи.

Толпа к тому времени, когда я вернулся, поредела. Одни вместе с мобильниками и камерами смылись, эксклюзив свой поскорее выкладывая. Кое-кто, услышав близкую стрельбу, поспешил ноги унести. Недалеко унесли, я думаю... Но многие остались.

И вот ситуация: на трибуне Сумчатый, речь держит, хорошо поставленным голосом из динамиков громыхает. Борюсика уже не видно, и Тортиллы тоже, да и тэвэшников вдвое меньше стало. А за спиной у слушателей – толпа зомбяков приближающихся.

Но Сумчатый не крикнул людям, чтобы бежали, спасались... Руку вперед выбросил, точь-в-точь как Ленин с броневишка, и вещает что-то о том, что свершилось, дескать, что лопнуло терпение у оскорбленных и униженных инфицированных граждан, что восстали они против режима и его свинцовых мерзостей, что начался обратный отсчет последних часов диктатуры...

Наверное, сам себе верил. Наверное, думал, зомби его сейчас вождем выдвинут, и с Сумчатым во главе – на Смольный. А потом, колоннами со всех концов России, – на Кремль. В чем-то прав был: чтобы Сумчатого в вожди, надо или обкуриться-обколоться, или умереть, или еще как-нибудь мозгов лишиться...

Люди стоят и слушают. Не оборачиваются. Что у них за спинами, не видят. Люди думают, что про восстание инфицированных – фигура речи...

А вот Матрасник все сообразил. Он рядом стоял, в очереди к микрофону. Как увидел, что за подмога к гражданским активистам подходит, тут же юркнул куда-то в сторону, как крыса напуганная.

Следом за ним и Сумчатый с трибуны слетел. Кубарем – кто-то ему пинка отвесил, я не разглядел толком кто.

Микрофоном Лариосик завладел, личность до той поры абсолютно не публичная. И гаркнул в него по-простому, без словесных красотей. Нецензурно, но доходчиво: «У... бывайте, козлы, бегите!»

Команду к исполнению мало кто принял, но хотя бы обернулись... Да только было уже поздно. Одни заорали, другие побежали, третьи то и другое разом... Некоторые на месте застыли, как кролики перед удавом.

Я свой ИЖ выдернул, с предохранителя снял и решил, насколько сумею, поближе к Лариосику держаться... Он местный, лучше меня тут все щелки-лазейки знает и свистопляску нашу загодя предвидел, мог какой-то план спасения обмозговать...

Про все это я вспоминаю и рассказываю долго. А на самом деле события очень быстро мелькали, как слайды во взбесившемся диапроекторе... Когда я за ствол схватился, мертвяки уже до дальнего края скорбящей толпы добрались.

И сразу начали убивать.

4

Не всякий мертвец теряет аппетит

– Молодой ты еще... – сказал Свиридыч без осуждения. – Непривыкший... С наше на реке поночуешь, среди бела дня не будут всякие страхи мерещиться.

Николка попытался что-то возразить, но отец показал кулак, и парень осекся, успев издать лишь невнятный звук.

– Рыбешка какая-то, – пояснил Парамоша. – Или рак... Любят раки утопленников... А уж корюха... Помнишь корюху, Свиридыч?

– Где ж такое позабыть... Как-то по весне, Николаша, во время хода корюшки, тоже течением в «парашют» мертвяка занесло... Нынешний-то в сравнении с тем – свежачок, а тот уже протух порядком. Так корюшки на нем настоящий пир устроили. Прямо в брюхе копошились, среди кишок гнилых, кусочки отрывая-откусывая. У них пасти с зубами мелкими, но остренькими, мясо грызут не хуже пираний... Я с того дня по сию пору корюшку в рот не беру. Не лезет и все тут.

Он говорил, с интересом поглядывая на Николку: сблюет или нет? Но не врал и не преувеличивал: история такая и вправду случилась.

Тот не сблевал. Вообще не проявил интереса к давней страшилке. Стоял молча, опустив взгляд на утопленника, затем произнес без всякого выражения, без малейшей интонации:

– Снова шевельнулся...

– Тьфу, дурной... – огорчился Парамоша. – На вот, глянь, кто тут шевелится...

Он носком сапога разгреб водоросли на груди трупа, до того от подводной растительности освободили лишь лицо. Вернее, начал разгребать... Николка смотрел выпученными глазами, уши парня краснели, как два стоп-сигнала. Свиридыч, всякого на рыбалке насмотревшийся, отвернулся и стал завязывать мешок с рыбой, ничуть не любопытствуя, какой именно из мелких подводных обитателей напугал Николку.

Утопленник резким движением повернулся на бок. И вонзил зубы в голенище резинового сапога Парамоши.

Николка вскрикнул. Парамоша не издал ни звука. Он даже не был напуган – зубы не прокусили резину и стиснули ее чуть в стороне от лодыжки. Парамоша был безмерно удивлен. Происходившее никак не укладывалось, не втискивалось в сложившуюся у него к сорока трем годам картину мира.

Парамоша считал, что хорошо знает жизнь, причем познал ее на практике, не из печатных строчек и не с экрана... Новости по ящику он не смотрел (лишь слушал по радио местные, районные), Интернет считал дьявольским заморским изобретением, придуманным исключительно для того, чтобы сбивать с пути истинного подрастающее поколение. Слухи о странной эпидемии, разумеется, до Парамоши доходили.

Но мало ли о чем болтают... Про человечков из тарелок, про экстрасенсов, про крокодилов в канализации – всему верить прикажете? В канализации дерьмо плавает, и ничего более. Точка, вопрос закрыт.

Сейчас, за доли секунды, в личной Парамошиной вселенной образовалась черная дыра, со свистом затягивавшая в себя реальность... Если многодневные утопленники начинают кусаться, то произойти может решительно все. Камни будут парить в небесах, вода течь в гору, а водку начнут раздавать бесплатно на детских утренниках.

Сознание не желало примириться с новой картиной мира. Парамоша, даже не пытаясь освободить сапог, лихорадочно вспоминал, что он пил сегодня (ничего, сто грамм на опохмел не в счет), что он пил вчера (пол-литра на двоих плюс по три банки пивасика – тоже семечки).

«Белочка» – штука вполне реальная, пусть и неприятная. Но хотя бы под основы мироздания не подкапывается.

Николка был более информирован о происходящих в мире событиях. И, по молодости лет, более склонен верить необычному и небывалому. Он сообразил, что за гость с привязанной к шее канистрой оказался в их краях; дернулся было помочь отцу, но не успел.

Утопленник резко мотнул головой, в голенище образовалась рваная дыра. Цап! – тут же последовал новый укус.

На этот раз Парамоша зубы почувствовал, пока что через сапог. Дернул ногой, пытаясь освободиться – не сумел, потерял равновесие, растянулся на мокром песке.

Мертвец сам разжал челюсти, но теперь ухватился за сапог руками, подтягивая себя к Парамоше и целясь запустить зубы в плоть, не защищенную резиной. Из широко распахнутого рта утопленника хлынула струя мерзкой жижи – грязная вода в смеси с илом, песком и гниющими остатками прошлогодних водорослей... Отчасти Парамоша со Свиридычем были правы – в извергнутой жиже трепыхалось-извивалось что-то мелкое, не то пиявки, не то выюнчики-пескоройки.

Николка не присматривался к подводной фауне, нашедшей приют в мертвой утробе. Он ударил мертвеца ногой, однако не со всей силы, с осторожностью.

Врезал свободной ногой и лежащий Парамоша; бред это или явь, но запускать в себя зубы он никому не позволит, даже собственной алкогольной галлюцинации. Врезал, как бьют при дилемме: убей или умри.

Каблук вмялся мертвецу в лицо, голова мотнулась назад, что-то хрустнуло – может, скуловая кость, может, позвонки...

Изо рта утопленника вырвался непонятный звук – не крик, не стон, не рычание... нечто чмокающее, сосущее, напоминающее звуки, издаваемые стоком ванны в тот момент, когда почти вся вода ушла и в канализацию стекают последние капли. Только гораздо громче.

Но скрюченные пальцы, вцепившиеся в ногу Парамоши, не разжались. Голова скособочилась, свесилась набок – похоже, шейные позвонки действительно были сломаны – но распахнутая пасть упорно стремилась откусить-таки кусок живого мяса...

Что-то стремительно мелькнуло над Парамошей – он не успел разглядеть, что именно – и все закончилось. Хватка разжалась, мертвец, отброшенный страшным ударом, еще шевелился, ноги скребли по песку, но то была уже агония... Если, конечно, такой термин применим к трупу не первой свежести.

Свиридыч зашел с другой стороны, примерился – уже не спеша, тщательно – и вновь обрушил кувалду на голову утопленника. Голову, впрочем, она теперь напоминала мало.

Еще два удара – и мертвячья башка окончательно превратилась в бесформенное месиво. Свиридыч взглянул на дело своих рук, сорвал пучок прибрежной осоки и стал обтирать кувалду. Очень тщательно и молча.

Им повезло, что кувалдометр оказался под рукой в нужный момент. Поехали бы впятером, как первоначально планировали, – обошлись бы без кола, глубоко вколоченного в берег (к нему привязали короткое крыло невода, а длинное тянули втроем). И, соответственно, без инструмента для вколачивания. Сколько пришлось бы утихомиривать бойкий труп руками, ногами и складными ножами, неизвестно. И что он мог успеть натворить за это время, неизвестно тоже.

Поднявшийся на ноги Парамоша, напротив, молчать не желал. Но его попытки прокомментировать ситуацию состояли в основном из междометий и местоимений, кое-как соединенных матерными идиомами. Николка ничего не говорил. Его тошнило. Утопленник затих, даже конвульсивные подергивания прекратились.

– Валим отсюда по-быстрому, – на удивление спокойным голосом скомандовал Свиридыч.

Он закончил приводить инструмент в порядок, отбросил пучок травы, измазанный чем-то липким и темным. Та же субстанция обильно пятнала берег вокруг размозженной головы трупа, лежала на песке, как мазут, не впитываясь. Вонь от этой пакости шла сильная, мерзкая, вызывающая позывы присоединиться к Николке и продемонстрировать миру сегодняшней завтрак вкупе со вчерашним ужином.

Невод сушить не стали, вопреки обыкновению. Немного обтек, обветрился, да и ладно. В машине натечет, разумеется, но Свиридычу это сейчас казалось бедой пустяковой. Разобрали снасть на две части, выдернув временную шворку, крепившую бежное крыло (то, что длиннее). Свернули, упаковали в два больших мешка. Свиридыч командовал коротко, без эмоций. Все попытки Парамоши обсудить небывалое происшествие игнорировал. Николка в разговор вступить не пытался – подавил кое-как бунт желудка и молча помогал старшим.

Мертвеца оставили, где лежал. Но все следы от подошв их троицы тщательно замели большими ветвями, срезанными с прибрежной ольхи.

Наверху, возле «узика», Свиридыч скомандовал Парамоше:

– Портки скинь.

– За хрен?

Немедленно выяснилось, что спокойствие чугунной статуи, демонстрируемое Свиридычем, – напускное.

– Порнуху снимать буду! «Камасутру» экранизирую!! – рявкнул он так, что над головой, в кронах сосен, заорали встревоженные сойки. Немного помолчал и добавил прежним ровным тоном: – Снимай. Сиденье изгваздаешь.

Недолгое время спустя успокоившиеся были сойки вновь разорались, на сей раз после громкой матерной тирады Парамоши. На его икре обнаружились следы укуса – два полукружья из маленьких кровивших ранок. Кожа вокруг припухла и покраснела, но даже малейшей боли Парамоша не ощущал.

Автоаптечку Свиридыч возил весьма спартанскую: бинты, пластырь, жгут и две упаковки алкозельцера. Даже йода не нашлось. Но лежала в бардачке заначка, НЗ, – литровая армейская фляга неразведенного. Лекарство универсальное – и наружное, и внутреннее.

Спирт лился на укус тоненькой струйкой, Парамоша морщился – ранки пощипывало ощутимо – и настойчиво требовал внутренней дезинфекции. Бог ведает, чем он от мертвеца надышался, под ним лежавши, рисковать здоровьем не намерен, – так что наливай стопарь, не жмотись.

– Сейчас стакашок найду, – сказал Свиридыч. – А то знаю я твой стопарь, пьянь гидролизная... Присосеешься и враз ополовинишь. Держи пока бинт, перевяжись.

Скупое налитое лекарство Парамоша махнул без закуски-запивки, не малолетка, чай. И бодро заявил, что чувствует, как пошел на поправку. Еще столько же – и будет как огурчик, полностью готов к труду и обороне.

– Перетопчешься, – отрезал Свиридыч. – Залезайте, поехали.

Полчаса катили по лесной грунтовке, тряслись на рытвинах и на сосновых корнях, выпирающих из дороги. Едва вырулили на Гдовское, Парамоша начал ныть: пострадавшая конечность, дескать, болит и немеет, без второй дозы лекарства выжить никак не возможно...

Свиридыч не налил.

Ни он, ни Парамоша с сыном понятия не имели о том, что годы спустя в России назовут «эффектом Колокольцева», а во всем остальном мире – «русской лавиной», или «русским взрывом». Суть эффекта проста: если инфицированный начинает употреблять этиловый спирт в больших количествах и в сильной концентрации, скорость процесса в его организме увеличивается на порядки – и в самом деле происходит «взрыв» вместо неторопливого горения. Но на первом этапе субъективное самочувствие гораздо лучше, чем у зараженных трезвенников.

Всего этого Свиридыч, разумеется, не знал. Просто строил большие планы на наступивший день, и пьяный в дугу напарник в те планы никаким боком не вписывался.

Но через несколько километров стало ясно: Парамоша не симулирует ради порции живой влаги. Побледнел, лоб покрылся испариной, постанывал негромко, как от зубной боли.

Свиридыч сжалился, налил еще, на сей раз щедрее – похоже, на Парамошу сегодня рассчитывать в любом разе нельзя. И планы придется менять...

– Николай, на тебя вся надежда, – обратился он к парню, как к равному, как к взрослому. – Сам видишь, в больничку ему надо. Но если рыба протухнет – считай, зазря пострадал. Поэтому так сделаем...

Он объяснил свою задумку: крюк в Заречье, как планировалось, они делать не будут. Сразу поедут на тот берег, в город, а там Николка высадится у пешеходного моста и на себе дотащит один мешок в Заречье, посреднику-перекупщику. А он, Свиридыч, тем временем доставит больного к врачам, и уж потом свезет остатки улова в две городские точки.

– Сладишь с мешком-то в одиночку?

– Дотащу... – Николка впервые после происшествия на берегу разлепил губы.

– Уж постарайся, полегоньку, с перекурами... Трубу свою у отца заberi, я звякну позже, расскажу, что да как с ним.

Но мобильник, лежавший в кармане у Парамоши, оказался подмоченным. Не повезло... Положил бы в правый карман, обошлось бы, та пола куртки осталась сухой. Но он положил в левый...

– Ладно, сам тогда позвони... Найдется, у кого в Заречье мобилу одолжить?

– Одолжу...

Парамошу вторая порция несколько взбодрила, стонать он перестал, но в разговоре не участвовал. Сидел, бездумно смотрел на серую ленту шоссе, на мелькающий пунктир разметки. Затем попросил слабым голосом:

– Налей еще... Что-то мне все хреновей...

5

Не в каждом склепе живут мертвецы (продолжение аудиозаписи)

Все было неправильно. Все наоборот... По кладбищу – да и по всему городу, наверное, – рассекали трупы. А мы, шестеро живых, забились в склеп и не высовывали носа.

Я не понимал, откуда их сразу набежало такое количество. Не понимал, пока Лариосик не пояснил – коротко, без подробностей.

Метро... В полночь в метро пустили воду. После того как комиссия, из больших шишек составленная, сунулась сдуру под землю, – и напоролась. Несмотря на всю охрану – напоролась. Как все там, в Купчино, произошло, я не спрашивал. Примерно представлял... Только что посмотрелся. Ведь достаточно на кладбище людей при стволах оказалось, и пользоваться умели... И что? Оружие наше предназначено живых делать мертвыми. И пугать – одного застрелишь, другие на рожон не полезут. А если противник изначально мертв и пугаться не способен? Да еще размножается в геометрической прогрессии – быстро, без беременности и родов? Тогда дело труба.

И в чью-то сильно мудрую голову пришла идея мертвяков утопить. Наверное, этот умник никогда не видел, что случается, если вода заливают кишасший крысами подвал... Теперь увидел. Все мы увидели. Одно отличие все же есть – крысы, если почему-то не могут выбраться наверх, все же тонут. А тому, кто не дышит, опасность захлебнуться не грозит.

И все же я надеялся на лучшее. Тогда надеялся. Есть ведь у армии штучки куда серьезнее, чем легкое стрелковое полиции и ЧОПов. Против танка или «Буратино» когти и зубы как-то

не канают... Рано или поздно проблему решат. Через задницу и с огромными жертвами, так уж у нас заведено, – но решат. Главное – уцелеть здесь и сейчас.

Что довольно проблематично... Приютивший нас склеп на роль неприступной для зомбяков крепости не годился. Хотя склепом он был лишь по названию, а на деле его кладбищенские работники давно приспособили под каптерку для своих надобностей: метлы держали, лопаты, прочий инвентарь... Двери, правда, надежные оказались: железные, толстые, изнутри запереть можно. Но с окнами беда. Здоровенные проемы, в них витражи из кусочков стекла, мутного, непрозрачного, – свет пропускают, но что снаружи происходит, не разглядеть. Навалятся мертвяки и вдавят внутрь, без вариантов. А они, говорил Лариосик, навалятся, как только покончат с теми, кто от них еще по острову-ловушке бегаёт... Сейчас у тех, бегающих, запах сильнее, и нас какое-то время не тронут. Потом и наш черед придет.

Возможностей для обороны никаких нет. Строевых двое – мы с Лариосиком, а в нагрузку три девки да очкарик-ботаник... И патронов мало. Очень мало...

Лариосик как раз патроны считал. Достал из кобуры, с мертвого мента снятой, «макаров», там же и запасной магазин оказался, в боковом отделении, все по уставу. Разрядил, из магазинов патроны выщелкал, пересчитал.

Парнишка-полицейский совсем молодой был, наверняка только-только после действительной... За пистолет-то он схватился, но его из штатной полицейской кобуры достать – целая история, а если еще на тебя зомбяки прут и руки дрожат-трясутся... В общем, все патроны на месте оказались: девять в ПМ, восемь в запасном магазине. Итого семнадцать штук.

Беда в том, что к нашим ИЖ-71 эти патроны не подходили. На вид служебный ИЖ точная копия ПМ, и калибр тот же, но патрон чуть короче и не такой мощный...

Разумеется, не повод, чтобы от лишнего оружия отказываться... Лариосик «макарку» снова зарядил, в карман сунул. Оно и правильно, с ментовской кобурой лучше в нынешней обстановке не связываться.

Я говорю, негромко, чтобы нестроевые не услышали: делись, дескать. И пистолет вроде как невзначай в руке держу.

Он волком на меня смотрит, как будто не я четыре кровных патрона сжег, его прикрывая, пока он кобурой разживался. Но и Лариосика понять можно, так уж сложилось, что патроны сейчас – это жизнь. В самом прямом смысле, без преувеличений. У кого больше патронов, тот дольше проживет. А жить всем хочется.

Как ни зыркал, а поделился своими «ижевскими» патронами... И стало боеприпасов у нас почти поровну.

Тем временем девицы наши чуть-чуть охолонули от потрясения. И тут же закатили истерику. Не все, две из трех. Третья у стеночки сидела тише мыши, с глазами выпученными. Очкарик ее за руку держал, говорил что-то тихонько, но она, похоже, не слышала. Не знаю уж, вместе эта парочка на похороны заявилась или только сейчас познакомились... Да и без разницы.

А две других девицы феминистками оказались. Футболки на них одинаковые, но сами вполне могли бы комический дуэт составить – на контрасте играя, на противоположности. Одна жирнющая, втроем не обхватишь, вторая как спичка, за шваброй спрятаться может...

В общем, феминистки на нас с Лариосиком наезжать начали, громко и визгливо: да как же так, отчего мы, два здоровых мужика при оружии, их драгоценные жизни не спасаем? Отчего в нору забились, с зомбями не воюем?

Вот стервы...

Сами ведь только что с плакатиками стояли, за толерантное отношение к инфицированным ратовали. Ну и вышли бы наружу, и проявили бы толерантность...

Но они на нас отчего-то ополчились, вопят в два голоса. Лариосик миндальничать не стал. Подошел к жирной, говорит: заткнись. Куда там... Он ей в рожу заехал на полуслове.

От души, не символически, а так, как мужиков бьют, – эмансипация так уж эмансипация. Морду лица неплохо раскроил, пару зубов вынес.

Отлетела к стене, как кегля. Лежит, кровью хлюпает, но молчит. И подтощала мигом смолкла, прониклась. Лариосик ей спокойно говорит: раздевайся, мол, снимай футболку.

Она еще вякать пыталась, но уже на полтона ниже. Зачем, мол, да что за произвол... Он ПМ достал, чуть не к переносице ей приставил. И, я думаю, выстрелить был готов, лицо характерное стало... Затем, говорит, что ты сейчас на коленки встанешь и отсосешь у меня со всем прилежанием. Считаю до одного.

И ведь сняла футболку! И на коленки бухнулась! И к ширинке его потянулась!

Но Лариосик всего лишь пошутил. Я уже говорил, что юмор у него слегка чернушный... Он ее осмотреть хотел, футболка вся окровавленная, надо было глянуть, нет ли укусов...

Бюстгальтер тощая не носила. Ввиду полного отсутствия того, что бюстгальтеру прикрывать и поддерживать полагается. Повертели ее так и сяк, осмотрели – нет ни укусов, ни других ран. Чужой кровь оказалась... Короче, одевайся, не свети тут мощами.

Она свою футболку, липкую и окровавленную, не надела, побрезговала. Но ее ботаник выручил, ветровкой поделился. Честно говоря, я не очень понимал тогда, зачем Лариосик эту четверку из недавней мясорубки вытащил... Никакой от них помощи, одна обуза. Потом-то понял, конечно...

А Лариосик стал план прорыва излагать, громко, всем пятерым. Очкарик спрашивает очень вежливо: зачем и куда прорываться? Тут хоть какое-то, но все же убежище.

Лариосик так же вежливо ему про окна и про запах растолковал. И дальше продолжает: на открытом месте нас точно схарчат, и быстро. Но видел он невдалеке, метрах в ста от склепа, люк ливневой канализации... По ней, по трубе, и уйдем. Там, если зомбяки внутрь сунутся, по крайней мере со всех сторон не набросятся, можно по одному расстреливать. Но они не сунутся, если мы люк быстренько обратно поставим и вот этим ломом его заклиним.

Так себе план... И насчет лома я очень сомневался. Но сам ничего лучшего предложить не мог.

А Лариосик бетонный пол кончиком ножа царапает, диспозицию изображает и план действий. Ну прямо Бонапарт под Ватерлоо...

Рисует, где тот люк находится, и предлагает дожидаться, когда зомбяков между склепом и люком не будет. В общем, реально: они по кладбищу бессистемно шатались, к тому же какая-то часть схлынула уже. Да только ведь как вылезем наружу, со всех сторон набегут, за нами кинутся... Высказал я свои сомнения, а он говорит: не дрейфь, пробьемся. Женщины и дети, дескать, вперед быстрым аллюром, а мы вдвоем в арьергарде, погоню расстреливая. Секунд на двадцать-тридцать беглого огня патронов хватит, а дольше и не надо.

Приготовились к старту, ждем... Лариосик в каждом витраже по одной стекляшке выдавил, расхаживает между ними, поглядывает, момент выбирает... Потом говорит: пора, мертвяки большей частью к лавре потянулись, видать, кого-то живого и затаившегося учуяли.

Выскочили... Путь и в самом деле свободен, но относительно – то там, то тут одиночные мертвецы виднеются и небольшие группы, голов по пять-шесть. Есть все шансы прорваться.

Наши подопечные рванули с высокого старта, я за ними намылился, но Лариосик цап меня за рукав. Шипит: куда?! Нам в другую сторону, но не сразу, чуть погодя.

Я не понял, он рукой показал... С другой стороны, тоже метрах примерно в ста, грузовик стоял, песком груженный. Рабочие кладбищенские что-то там подсыпали и разравнивали... Как заваруха началась, уехать не успели. Может, водитель ушел куда-то с ключами, или по другой причине, не знаю. Но не уехали...

А люк как же, спрашиваю. Лариосик усмешку скривил: какой, на хрен, люк, нет там никакого люка...

Понимаете, да? Он эту четверку специально туда заслал, чтобы зомбяков на себя оттянули... А они, дурачки, галопом несутся, думают, мы им спину прикрываем.

Лариосик подождал, пока они полпути одолеют, – и к машине. Я за ним.

Пару раз выстрелить пришлось, но те бедолаги свою работу на пять с плюсом выполнили, без них так лихо мы бы не проскочили.

Не знаю уж, добрались они до места, где якобы люк был, или раньше наше отсутствие обнаружили... Я не оглядывался. Вопль с той стороны слышал – женский, истощный. Кажется, тощая феминистка орала. А может быть, молчаливая девушка... Симпатичная, кстати, была. Но тут уж дело такое, каждый за себя.

Добежали. Дверца распахнута, из кабины труп в спецовке свисает, половины лица нет, выгрызена, лохмотьями болтается. Но нормальный труп, лежит и лежит, встать не пробует. Лариосик его одним рывком из кабины спровадил, залезли, двери заблокировали. Но толкуто... Этим тварям стекла выдавить, как мне стакан воды выпить. Только скорость, только движение помочь могли... Не заведемся – и капут.

Думал, Лариосик провода закорачивать начнет. Но у него какая-то хитрая отмычка случилась, не иначе как из арсенала автоворов позаимствованная... Запасливый, гад.

Даже в самый черный день может в чем-то повезти. Повезло и нам: бензина в ЗИЛе оказалось три четверти бака.

Поехали... и очень вовремя, зомбяки уже совсем близко подобрались. Трех или четырех сбили, один на подножку запрыгнул, пришлось мне стрелять, прямо через стекло ему башку разнес.

Скорость набрали, по дорожке к служебным воротом подкатали, к запертым, – и на таран их. В общем, с Никольского выбрались...

Куда теперь, спрашиваю. Лариосик отвечает в том смысле, что в городе ловить нечего, сейчас весь город как это кладбище. Так что выбираться надо к окраинам, чем дальше от метро, тем меньше зомби должно быть. Ну а там посмотрим по обстановке. Будет возможность, в паре магазинов отоваримся. По кредитным карточкам калибра 9 миллиметров. Не удастся – налегке из города рванем. В общем, он сейчас попытается через мост просочиться, а затем по набережным правого берега Невы...

Ладно, пусть рулит, думаю, он город лучше меня знает... Но потом надо при первой okazji Лариосика застрелить. Он людьми, как пешками, жертвует, и все бы ничего, но пешка у него одна-единственная осталась... Проще говоря, я.

Ничего личного, всего лишь забота о собственной безопасности.

6

Не всякий человек с бензопилой – лесоруб

Заречье казалось вымершим. Вернее, звали это место Заречьем по привычке.

Заречная улица Кингисеппа когда-то именовалась деревней Заречье – и по виду осталась деревней до сих пор, несмотря на смену статуса. Деревянные дома, вытянувшиеся в одну линию вдоль берега Луги, сады-огороды, срубы колодцев, поленницы, железные ящики с газовыми баллонами... От городской окраины улица-деревня отделялась Лугой, и шагать туда приходилось через пешеходный мост, вернее, через два моста: река здесь разделялась на два рукава. С другой стороны к Заречью вплотную примыкал лес.

Николка кое-как дотащил мешок с рыбой через первый мост, длинный, передохнул на острове, затем прошел по второму мосту, небольшому, перекинутому через протоку.

Думал, встретит кого из знакомых, пособят. Не встретил никого, вообще ни одного человека не было видно на длинной улице. Ладно хоть старик Рукавишин жил недалеко от моста.

Жить-то жил, но и его дом казался вымершим. Хотя старый из дома отлучался редко, сидел, как паук в паутине, поджидая клиентов. За оградой надрывался Бес, нечистокровный эрдельтерьер (редкая порода для дворовой собаки). Николка терпеливо ждал у калитки – разглядел движение за занавеской, есть живые в доме.

Наконец показался Рукавишин, унял собаку, похромал к калитке. На Николку и его мешок дед смотрел как-то странно, словно не понимал: что за рыба? зачем? для чего?

Николка попытался было рассказать об утреннем происшествии, но старик не слушал, перебил на полуслове:

– У вас в Лесобирже ящик-то сегодня кажет?

Николка не знал. Вчера все было в порядке, а сегодня выехали затемно, какой уж тут телевизор... Так и объяснил.

– Хреноту какую-то про Питер показывали... – задумчиво сказал Рукавишин. – И не первое апреля вроде... А теперь вообще только шум по всем каналам.

Он затащил внутрь мешок, захлопнул дверь, не попрощавшись.

Николке все меньше нравилось происходившее... Что-то назревало, что-то невидимое, но тяжелое висело в воздухе. Николка гнал от себя мысли, что у них случится нечто вроде диких событий в индийском городе... Название города он запомнил, но без разницы – где мы и где Индия?

Нехорошие мысли, как он их ни гнал, все равно лезли в голову. Больно уж страшные кадры передавали из того городка в послеполуночных новостях, предупредив, чтобы непременно убрали припозднившихся детей от экранов.

Николка решил сходить в Дворянское Гнездо. Благо недалеко, пара километров по берегу... Сам перед собой оправдываясь тем, что надо позвонить, узнать, что с отцом. Но здесь все как вымерли, а у Ларисы мобильник по-любому есть. На самом деле Николке было очень тревожно. И он хотел увидеть Лариску, убедиться, что с той все в порядке.

Решено – сделано. Пошагал, сначала по длинной улице-деревне, затем дорога несколько сотен метров тянулась лесом, отделявшим Заречье от садоводства. Николка понятия не имел, зачем и отчего прозвали Дворянским Гнездом садоводство, основанное за пятнадцать лет до появления Парамонова-младшего на свет. В бумагах и на карте, разумеется, стояло иное название, но в жизни все говорили только так, Николка слышал народный топоним сызмальства, и необычным он не казался. Да и какая разница? Главное, что там жила Лариса.

Лариса была его единственной и большой любовью. Причем пока платонической... Николка надеялся, что лишь пока. Целовались, потискались как-то разок под хорошее ее настроение, не более того.

Он рассчитывал, что все у них впереди... Думал, что скопил достаточно денег на проклятой отцовской рыбе, чтобы заплатить репетиторам, – из их-то школы только в какое-нибудь заборостроительное училище прямой и светлый путь открывается. Но он скопил, и поступать в институт они с Ларисой будут вместе. И он поступит, хоть треснет, хоть сдохнет ночами над учебниками, но поступит на бюджетное отделение.

Как отнесется отец к намерениям отпрыска, Николка не задумывался, все равно ничего хорошего тут не надумать. Утрясется все как-нибудь...

С такими мыслями он дошагал до Дворянского. От родной Лесобиржи каких-то две сотни метров – по воде, через Лугу. Чуть подальше садоводством пройти – можно крышу собственного дома разглядеть сквозь зелень деревьев. Отец и не догадывался, отчего сын зачастил на рыбалку и часами на реке пропадает, но лодку давал без разговоров – дело доброе, смена достойная подрастает. Николка рыбную ловлю тихо ненавидел. Но толк в ней понимал...

В Дворянском Гнезде та же пустота – давящая, тревожная. В июне тут самое оживление по выходным, а в рабочие дни сидят на дачах старые да малые. Иное дело в июле, в августе,

когда многие здешние садоводы стараются в отпуска уходить. Но все равно – ни на одном участке ни одного человека не видать, небывалое дело...

Планировка здесь была иная, чем в вытянувшемся в линию Заречье. Две главных, но нешироких улицы – одна вдоль реки, другая параллельно лесной опушке, и множество улочек-проулочков между ними, совсем уж узких, двум машинам не разъехаться. Лариса жила на дальнем конце садоводства, там, где две главные магистрали сходились вместе.

Николка на развилке свернул направо, пошел вдоль леса – хоть чуть-чуть, но ближе шагать. Шел, поглядывал по сторонам. Никого... И звуков привычных нет: не слышно, чтобы где-нибудь фырчал мотоблок или натужно визжала электропила, вгрызаясь в дерево... Николка уж и удивляться перестал.

Потом все-таки удивился – отмахав почти половину улицы и увидев кота. Или кошку, он не сильно их различал.

Кошак стоял на пути, подковой изогнув спину. Шипел громко-громко, пожалуй, Николка никогда не слышал таких звуков от домашних кошек...

Пялилась животина в густые и высоченные заросли бурьяна. Забора вокруг ближайшего участка не было – стояли они тут не у всех, некоторые обходились низенькими живыми изгородями, а некоторые и их не имели. По слухам, в советские годы в таких вот шестисоточных садоводствах заборы возводить запрещалось.

Бурьян, куда пялился кот, рос прямо на участке – на полузаброшенном, из тех, куда хозяйева вырываются раз в год и пытаются за три-четыре недели лихорадочно наверстать упущенное...

Николка подозрительно присмотрелся к разрывам в стене зеленых стеблей. Зверек какой-то? Или змея?

Металлический блеск, и что-то краснеет... Николка пригляделся и понял, что видит. Легонько шуганул кота, развел тут панику, понимаешь. Кот умчался стрелой, словно только и ждал, когда можно будет переложить ответственность за находку на другого.

А Николка вытащил из бурьяна бензопилу. Новенькую, в работе не бывавшую. Неужели из тех самых? Похоже на то... Размер, цвет, надпись «Hitachi» – все совпадает.

Три дня назад Николка видел, как здесь, в поселке, продавали такие пилы таджики или не таджики, просто восточные люди, поди их различи... Торговлю вели три или четыре молодых парня – невысокие, чем-то схожие, каждый с бензопилой в руках. Заходили на участки, останавливали прохожих, предлагали свой товар, причем задешево, за полцены. Всем желающим рассказывали, что они работали на стройке в Кингисеппе, ее заморозили непонятно почему, а последнюю зарплату выдали инструментом... И очень нужны деньги, чтобы добраться до дома. Хватали за рукав, предлагали завести и опробовать, сулили совсем уж баснословные скидки – Николка с трудом отделался от назойливого продавца. Прочие тоже в очередь не выстраивались, хотя бензопила – вещь в дачном хозяйстве нужная. Наверное, отпугивала удивительная дешевизна – купишь, а следом придут: верни-ка краденое...

И вот теперь бесхозная пила обнаружилась в бурьяне. Словно таджик, отчаявшись продать, зашвырнул ее туда и пешедралом, налегке, двинул на родину.

Николка стоял с пилой в руках посреди дороги и чувствовал себя глуповато. Взять себе? Как-то оно... все же не рубль, найденный на улице... Сунуть обратно в бурьян? Ну и подберет кто-то другой, без комплексов, и будет он с пилой, а Николка в дураках... Дилемма.

Решил ее Николка так: пилу забрать, а на здешний щит с объявлениями повесить бумажку: кто потерял пилу, звоните. А какая именно пила, не писать. И пила в хозяйстве, и совесть чиста, и владелец едва ли отыщется.

За его плечом, в глубине бурьяновых джунглей, послышался шорох, тотчас же сменившийся треском ломавшихся стеблей. Николка обернулся и понял, что владельца пилы искать не придется. Владелец нашелся сам.

Тот самый таджик или другой из их компании... Тот, да не тот. Одежда та же, и щуплая фигура, и волосы – только теперь спутанные, очень грязные, с приставшим сором.

А вот глаза – не прежние щелочки, но здоровенные круглые блямбы, издалека заметные на лице. Казалось, глазные яблоки увеличились раза в полтора и норовили выпасть из глазниц. Мутные, затянутые какой-то пленкой, зрачки сквозь эту муть почти не видны. Цвет кожи гастарбайтера изменился со смуглого на серо-коричневатый.

Николка понял все. И сам удивился своему спокойствию.

Все-таки утреннее происшествие даром не прошло, неплохо подготовило к новой встрече.

Надо действовать, как Свиридыч, – спокойно, уверенно, без нервов. Бить первому и напо-вал. Это не человек. Это куча агрессивного дохлого мяса.

Мертвый таджик ломился сквозь бурьян. Прямо к Николке.

Николка был хоть и младше, но выше и шире в плечах – и в обычной драке мог бы рассчитывать на победу. Но теперь вся надежда на пилу... До чего же удачно сложилось, самый подходящий инструмент для дохлой публики оказался под рукой.

Он дернул шнур стартера – точно так, как отец учил заводить лодочный мотор: потянул сильно, но равномерно, без резкого рывка. Пила пофыркала, но не завелась. Даже, как это называют, «не схватилась».

Ничего... Все в порядке... Бывает... В ней есть бензин, обязательно есть бензин, они ведь предлагали завести и опробовать...

Вторая попытка. Пила не завелась. Таджик выдрался из бурьяна. И попер на Николку.

Вот тогда он запаниковал... Третий рывок – уже неправильный, слишком резкий. Результат тот же.

В четвертый раз он попытался, уже не веря, что случится чудо, что пила заработает.

Чудо не случилось. Пила не завелась.

Он отмахнулся от напирającego зомбяка неработающим инструментом, как мечом. Как неудобным, тяжеленным и громоздким мечом. Зубья зацепили грудь гастарбайтера, разодрали одежду. Может, задели и тело, но кровь не текла, или что там у них вместо крови...

Отмахнулся еще раз, на этот раз не попав толком, отскочил, увеличив дистанцию. Долго так продолжаться не могло, слишком тяжелая дурында, руки быстро уставали... На всякий случай он дернул шнур еще разок, использовав крохотную паузу. Глухо... Остается одно: швырнуть агрегат в голову твари и рвать когти. Героический борец с живыми трупами из него не получился. Надо постараться не стать мертвым борцом.

Выстрел грянул, когда он все взвесил, решил и изготавился к броску и бегству. Грохнуло совсем рядом, и Николка подумал – в него, и удивился, что совсем не больно...

Заблуждение долго не продлилось. Зомби стоял на ногах, но головы у него практически не осталось – из лохмотьев шеи торчал позвонок, словно кочерыжка, только и уцелевшая от кочна капусты...

Не жакан, подумал Николка. В охоте он тоже неплохо разбирался... Картечь или крупная дробь.

Он не оборачивался, хотя очень хотел узнать, кто же произвел спасительный выстрел. Глупо подставляться именно сейчас. Кусаться зомбяку, допустим, уже нечем, но вдруг напоследок оцарапает...

Но нет, все закончилось. Ноги трупа – теперь уже окончательно мертвого – подогнулись, он медленно, словно неохотно, оплыл на выщербленный асфальт.

Николка обернулся и наконец увидел стрелявшего.

Лицо знакомое, встречались, но имя не вспомнить, а может, и не знал никогда. Никогда и ни о чем они не разговаривали с этим высоким костистым мужиком, на вид ровесником отца.

А вот лицо не позабудешь: пятно ожога сползает с виска к подбородку, шрам стянул кожу, и кажется, что человек постоянно ухмыляется – едва заметно и ехидно, одним углом рта.

В руке знакомый незнакомец держал охотничье ружье. Так себе ружьишко, по мнению Николки, – старая, выдавшая виды тулка-одностволка. Но навороченные помповушки, разумеется, для отстрела оживших трупов удобнее, однако жизнь спас именно этот раритет...

– Вот он куда забился, – сказал человек со шрамом. – Я ищу по всем окрестностям, а он круг сделал и у самого дома залег.

Николка не очень понимал, что ему сейчас говорят... Он, честно говоря, был рад, что с плеч свалился груз ответственности. Что рядом появился взрослый, к тому же с оружием. Что кто-то занимается проблемой – пусть самыми простейшими способами, но решает ее.

Человек пригляделся к его лицу, спросил:

– Погоди-ка... Ты не Кеши Парамонова сын?

– Ну... да...

– Как зовут?

– Коля...

– Забудь, – сказал человек неожиданно резким, приказным тоном.

– Что забыть? – не понял Николка.

– Про Колю забудь... Кончилось детство, теперь все по-взрослому. Так что ты Николай, и только так.

– Николай Иннокентьевич, может? – спросил новоявленный Николай со слабой-слабой ноткой подколки в голосе.

– Рано, отчество заслужить надо... – Человек сделал короткую паузу и добавил явно с намеком: – А меня зовут Георгий Алексеевич.

И протянул широкую ладонь.

– Ты мне вот что скажи, Николай: что же тебе дома не сидится? Приключений ищешь? В Ван Хельсинга поиграться решил? Или телевизор не смотришь из принципа и радио не слушаешь?

И этот про телевизор... Николка ничего не понимал и честно в том сознался.

– Вот оно что... – протянул Георгий Алексеевич, выслушав короткий рассказ. – Порыбачили, значит... У нас, видишь ли, чрезвычайное положение объявили в городе и в семи районах области. Всем приказ: сидеть по домам, укрепить окна и двери, запастись еды-воды... И нос наружу не высовывать, дожидаться спасателей... Да, еще предписали заранее собрать до пяти кэгэ личных вещей первой необходимости, чтобы эвакуацию не задерживать.

Вот оно как... Он-то голову ломал, где весь народ...

– А вы что бродите, приказ не выполняете? – спросил Николка, окончательно осмелев.

– Приказы надо выполнять, – сказал Георгий Алексеевич серьезно и строго. – Да только, сдается мне, приказавшие уже того... Не будет никаких спасателей. – Он махнул рукой, закинул ружье за плечо. И сменил тему: – Дай-ка агрегат посмотреть... Похоже, для ближнего боя и в самом деле неплохо сгодится. Что любопытно – этот парень (кивок на безголовый труп под ногами) со вчерашнего дня с ней бегал, уже мертвый. Завести не пытался, но из рук не выпускал. Заряд дроби в спину схлопотал, и все равно не бросил. Так продать хотел, что сильнее смерти желание оказалось...

Он взял пилу из рук Николки, повозился с ней немного, дернул шнур раз, другой... И пила завелась! Чудеса...

– Там краник есть на бачке, повернуть надо было, – объяснил Георгий Алексеевич.

Николка почувствовал, что краснеет... Вот идиот-то! Ведь знал, знал про краник прекрасно, и все из головы вылетело... Мог сейчас быть мертвым идиотом. Или не совсем мертвым, что еще хуже.

– Ничего, – утешил Георгий Алексеевич, – в первом бою часто случается: давит боец на спуск, давит, а с предохранителя так и снял... Ладно, держи свой агрегат. Мне с ружьем сподручнее. Ты зачем притопал-то?

Николка не стал скрытничать – объяснил, к кому и зачем.

– А-а-а... Сотовая не работает, ни один оператор. А так сходи на тот конец, глянь, что и как. Вчера поселок обходил, все в порядке у них было, бабулю видел... Но времена такие, что... В общем, сходи. Потом возвращайся, расскажешь. Дом мой знаешь?

– Вон тот, с зеленой крышей?

– Нет, соседний, с пластмассовой совой на столбе... Приходи, я сейчас путь к реке разведу, потом тебя на своей лодке в Лесобиржу перевезу. И сам с мужиками вашими потолкую... Надо отряд собирать, оборону налаживать, в одиночку по домам сидеть – все сдохнем. Возвращайся, жду.

Николка пошагал дальше. Как-то уверенно он себя почувствовал после разговора... Мысль, что отца у него, скорее всего, больше нет, Николку не печалила. Отца он не любил. Даже не уважал, Свиридыч и тот заслуживал большего уважения. А этот... Пьяный ублюдок, вечно распускающий руки. И Николке доставалось, и матери, и двум сестрам – тем не только оплеухи прилетали, но и кое-что похуже...

Сдох так сдох. Никто плакать не будет.

Он шагал легко и быстро. Безлюдье, получившее свое объяснение, больше не пугало. Пила казалась в два раза легче. Николка, отойдя подальше, не удержался, дернул шнур – завелась с пол-оборота. Теперь уж он не оплошает, если встретит другого зомбяка, коллегу того гастарбайтера, к примеру... А потом они организуют отряд. И будут зачищать свою землю от мрази, которой нет места под одним солнцем с живыми.

Ларискин дом был тих, участок пуст. Все правильно... А вот дверь... Николка замер на низеньком крыльце, не решаясь сделать последний шаг. Дверь была не просто не заперта – приоткрыта, виднелась щель в пару сантиметров шириной. Как же так...

Он потянул дверную ручку на себя, прислушался. Ни звука. Николка чувствовал, как по лицу катится пот, ладони тоже вспотели, пила стала тяжелой и неудобной...

Позвал тихонько Ларису, потом погромче. Потом почти крикнул. Тишина... Спят?

Надо было входить. И лучше всего – с заведенной пилой. Лучше показаться дураком, чем...

Он все понимал. Но не смог дернуть за шнур. Уговаривал себя, убеждал: какая-то случайность, выскочили к соседям на минутку, сразу обе, и Лариса, и бабушка, или одна Лариса, бабка глуховата и могла не услышать его оклики.

Минута сменяла минуту, и обманывать себя становилось все трудней. Никто отсюда ненадолго не выскакивал. А вот заскочить кое-кто мог...

Все-таки он шагнул за порог с незаведенной пилой. Выбрал промежуточный вариант – держался за шнур стартера, готовый дернуть его в любое мгновение.

За дверью находилось небольшое помещение, некий гибрид сеней и кухоньки – готовили здесь в дождливую погоду, в хорошую – на улице.

На полу, возле тумбочки с электроплиткой, лежало тело. Кто?! В следующий миг узнал безрукавку Марии Федоровны, разглядел седые волосы... Долго приглядывался – тело не шевелилось.

Если сюда заскочил зомбяк, тот самый или другой, и у входа занялся старушкой, Лариса ведь могла выскочить, убежать, спастись, и сейчас...

В глубине дома послышался слабый звук. Или почудилось? Пот катился уже не просто каплями, Николка чувствовал, как по спине, под рубашкой, сбегали натуральные струйки. И в глаза пот тоже попал, сразу защипало, навернулись слезы.

Он постоял, проморгался. Затем набрался решимости и резко пнул вторую дверь, ведущую в жилую часть дома.

Тут же шагнул назад, всмотрелся в дверной проем. Никого... Но значительная часть комнаты оказалась вне поля зрения.

Он просунулся в дверь медленно-медленно, осторожно. Словно хитрая мышь, пытающаяся своровать сыр из мышеловки, не захлопнув при этом ловушку.

Занавески были задернуты, но летние, легкие, пропускавшие достаточно света. Знакомый силуэт на фоне окна он разглядел.

«Лара!» – хотел позвать Николка, с пересохших губ сорвалось что-то невнятное и еле слышное.

Лариса обернулась к нему.

Огромные, выпученные глаза он увидел сразу. Но мозг категорически не желал признавать увиденное: при таком освещении может примерещиться что угодно...

Он еще уговаривал сам себя, а пальцы уже нащупали шнур стартера. Лариса быстро приближалась. То, что недавно было Ларисой.

Ему хотелось закричать, дико заорать от несправедливости происходящего: так не бывает, так не должно и не может быть, зомби может стать кто угодно, но не она, ведь они... ведь у них...

Он дернул шнур стартера, но...

...ведь у них вся жизнь впереди...

...но пластиковый оголовок шнура выскользнул из потных горячих пальцев. А в следующий момент Николка почувствовал на лице и на шее пальцы, другие – ледяные, невероятно сильные, хотя прежняя Лариса была девушкой хрупкой.

Пила грохнулась на пол. Он пытался оттолкнуть, отодрать от себя это. Ничего не получилось, из разодранной щеки лилась кровь, из шеи тоже, Лариска всегда гордилась своими ухоженными ногтями, длинными, острыми – кошачьими, как она говорила...

Он наконец заорал во весь голос. И одновременно закрыл глаза, чтобы не видеть мерзкую окровавленную пасть и бельмастые выпученные глаза. Он не хотел умирать, глядя на такую Ларису.

Позже, когда он почти потерял сознание от кровопотери и не имел уже сил сопротивляться, в голову пришла бредовая и неуместная мысль: прошлым летом, только-только познакомившись, они вместе читали вслух Грина, страницу он, страницу она, им было хорошо, и он предложил, прочтя концовку очередного рассказа: а давай как они, чтобы вместе и умереть в один день; не всерьез предложил, разумеется, – дурачились, болтали, что в голову придет, но она засмеялась и согласилась: давай, конечно же, это здорово – смерть им казалась чем-то бесконечно далеким... И вон что вышло. Они умерли в один день, вернее одна умерла, а второй вот-вот... И вполне возможно, будут теперь вместе. Пока кто-нибудь не поставит точку кувалдой или зарядом картечи.

Он хотел рассмеяться – безрадостно, горько. Сил не хватило даже на это, красная бездонная тьма подступала, засасывала, и очень скоро все для Николки закончилось...

7

Не всякий благородный порыв остается безнаказанным (окончание аудиозаписи)

Два часа назад я сделал инъекцию, пустив в ход третий шприц-тюбик промедола. Третий и последний. Промедол – из моего носимого запаса, Люськина аптечка набита всякой ерундой, свидетельствующей, что ничем серьезнее «синдрома первого дня» она не страдала... Надеюсь, что и умерла без лишних страданий.

Финиш близок... Поэтому я сокращу описание событий того дня. Хотя о нашей с Лариосиком поездке по обезумевшему Питеру можно повествовать часами. Но скажу коротко: это была дорога через ад. Через все его круги и прочие геометрические фигуры...

Я понятия не имел, что творится на городских окраинах, в спальных районах.

И Лариосик не имел, сутки после злополучной инспекции метро он провел в центре... А теперь выяснилось, что голову на плечах в этом городе имел не только он. Многие почувствовали запах жареного заранее – и рванули из Питера. Сажали в машины семьи, кидали в багажник самое ценное, выезжали – и упирались в блокпосты, наглухо перекрывшие все выезды-выезды.

Когда из вестибюлей станций метро хлынули толпы мертвецов, магистрали, уводящие из города, были покрыты многокилометровыми пробками... Несколько часов спустя живых на блокпостах не осталось. И многих из тех, кто пытался уехать, не осталось. Но машины, плотно забившие дороги, никуда не делись. Мы с Лариосиком попали в ловушку...

Он не сдавался. Просачивался мимо пробок по тротуарам и газонам, протискивался через дворы, через проезды и переулочки, ни на каких планах и схемах не обозначенные. Медленно, по сложной траектории, но к границе города мы приближались...

Насмотреться пришлось всякого. Был такой художник, Иеронимус Босх, автор картин-ужастиков. Парочку я видел в репродукциях – да, пробирают. Но двадцать второго июня Босх мог отдохнуть... Перекурить в сторонке. Все порождения его бредовой фантазии в сравнении с реальностью оказались детским комиксом категории «12+».

Самое мерзкое и страшное творили не мертвецы... Мертвецы просты в своих устремлениях – убить и сожрать, большего им не надо... Живые оказались изобретательнее. За разгромленные продуктовые магазины, аптеки и оружейные салоны грех осуждать, мы с Лариосиком и сами собирались заняться чем-то подобным... Но грабили все – от ювелирок до секс-шопов... Грабили и поджигали, я насчитал с десятков больших пожаров, потом сбился со счета. Громили дома премиум-класса в элитных кварталах... В паре мест мы напоролась на перестрелки – живые стреляли в живых, а кто, в кого и за что, мы выяснять не стали.

Пришлось и мне пострелять, и в зомбяков, и живых...

И трупы, трупы, трупы повсюду... Больше всего запомнилась женщина – не зомбячка, на вид даже не инфицированная – распятая на здоровенном самсунговском рекламном щите: молодая, голая, живот вспорот, кишки до земли свисают... Над головой у нее кто-то надпись начал малевать большими буквами и не закончил – написал «И» ее же кровью, затем не то «К», не то «Х» недописанное, и больше ничего...

А потом получилось так, что в своих блужданиях и петляниях по правобережью Невы мы очутились неподалеку от Люськиного дома. Совершенно случайно, я Лариосика о том не просил. Я и адрес-то ее толком не помнил... К чему запоминать, если из метро вышел, полквартала прошел – и вот он, ее дом... А таксистам всегда говорил: метро Дыбенко, дескать, а на месте пальцем показывал, куда ехать.

А тут гляжу – места знакомые. Причем достаточно мирные места – зомбяков не видно, мародеров тоже, десяток трупов на тротуарах и на проезжей части не в счет. Мирных трупов, спокойно лежащих.

И стукнула меня дурная идея Люську забрать с собой. Не то чтобы так уж нуждался в женщине, но... Она была частью прежней жизни, пусть и малой частью. Прежней нормальной жизни, понимаете?

В общем, решил забрать. Люська утром по телефону мне говорила, что с обеда отпросится на работе, все-таки не каждый день я приезжаю... Могла успеть дома оказаться, а если догадалась дверь железную запереть и не высовываться... Достал мобильник – нет, не берет, от сотовой сети к тому времени ошметки и обрывки остались.

Объяснил задумку Лариосику. Ему такая идея не понравилась, но я на своем стоял. Пришлось ему согласиться – без напарника, в одиночку, трудно и рулить, и стрелять, мы убедились...

Люськин подъезд на улицу выходил, Лариосик против него остановился, ровно посередине проезжей части, для лучшего обзора. И говорит, что будет ждать пятнадцать минут, ни секундой дольше. Это в лучшем случае, если незваные гости не заявятся.

Заскочил я в подъезд, пистолет в руке, наготове. Свет не горит, лифты не работают. Ожидаемо, но на четвертый и обратно без лифта сгонять можно, и даже Люське пять минут на сборы выделить...

На лестнице тишина, однако на площадке у лифтов, в дальнем углу, не то стон, не плач тихий... Пригляделся в полумраке: девчонка, совсем маленькая, лет пять-шесть. Коротенькое платьице, бант на голове... И нога вывернута так, как у здоровых не бывает.

Я к ней шагнул... Понимал ведь: не надо, ни к чему, сегодня столько народа погибло и еще погибнет, что одним ребенком больше, одним меньше – разницы никакой. Если занимаешься своим спасением, на других отвлекаться чревато.

Но это я умом понимал... А когда ребенок плачет, тут не ум, тут инстинкты включаются...

В общем, я к ней: из какой, мол, квартиры? Думал, едва ли издалека сюда прибрела, снесу наверх, не родным, так соседям сдам на руки, Люська не барыня, и за две минуты соберется...

Эта сучка меня укусила. За руку. Как крыса из своего угла метнулась – и тяп зубами. И воет уже во весь голос, не плач там был и не стон.

Патроны тратить не стал. Армейских ботинок хватило – раздавил мелкую гадину, размазал по стене и полу.

Я тогда не испугался... У меня полный курс вакцинации пройден, как у всех в нашей конторе, – три прививки с интервалами в месяц. Кто ж знал, что та вакцина – туфта полная... На вид все всерьез, по три дня после укола на задницу сесть не мог.

Понесся по лестнице наверх, два этажа отмахал – на улице двигатель взревел. Я к окну лестничной клетки, вижу: ЗИЛок наш ускоряется, ход набирает.

Подумал, что Лариосик обманул меня все-таки, бросил здесь, гад этакий... Но все не так просто оказалось... Впереди, на перекрестке, автобус стоял – пустой, брошенный. Грузовик не свернул, на полном ходу в бок автобуса врезался... Затем выстрелы оттуда донеслись – один, второй, третий... И я понял, что Лариосик не один в машине был. Подцепил все-таки пассажиров безбилетных.

Бежать ему на помощь или нет, раздумывать не пришлось. Бензин полыхнул, сначала автобус занялся, потом и на ЗИЛок пламя перекинулось... Чуть позже бензобак рванул, и никто не выскочил, в сторону не отбежал... Отъездились.

Похоже, действие последней инъекции заканчивается... Надо поторопиться. Расскажу в двух словах о завершающих своих приключениях...

Итак, я оказался в квартире у Люськи. Ее там не было – дверь своими ключами открыл, квартира пустая. Наверное, сразу домой не пошла, по продуктовым решила прошвырнуться, всегда так делает, когда я приезжаю... Она-то вечно на диете, фигуру берегла... И еды нормальной в доме не нашлось. Хлопья какие-то в пачках да шпинат в холодильнике.

Хуже того, питья почти никакого... На дне чайника немного воды плескалось, на стакан, не больше – и все. Никакого лимонада или сока... Из крана не течет ни холодная, ни горячая... унитазный бачок как-то не вдохновил.

А меня с самого кладбища жажда мучила... Сходил на вылазку, магазинчик рядом, в цокольном этаже. Почистили его еще до меня, но шестилитровая бутылка с водой нашлась. С продуктами хуже, продукты как метлой вымели... Отыскал кое-как банку паштета и пачку

спагетти, решил, что ночь перебудую, а утром все равно транспорт раздобывать придется и валить отсюда.

Но не сложилось... Ни с транспортом, ни с чем... Едва вышел из магазинчика – напорлся. Зомби, шесть голов, причем не из метро, от воды не распухшие. Перестрелял всех, но патрон остался один, последний.

Тут уже не до поисков тачки и не до прорывов из города... Осталось одно: сидеть и ждать, когда придет помощь. Когда по улицам пойдут танки, и спецназ начнет зачищать от мертвяков квартал за кварталом...

Помощь не пришла. Мне кажется, я ее не дождался бы, даже если бы не получил тот укус. И если бы у Люськи холодильник ломился от жратвы. Армия ведь больше всех контактировала с зараженными – санкордоны, блокпосты, оцепления... А защита у них точно та же: курс инъекций, весь эффект от которых, как я убедился, – болезненный желвак на заднице.

Думаю, многие из вояк угодили в мою ситуацию... И задались теми же вопросами, что и я.

А меня в последние часы занимает мысль: что там, за гранью, отделяющей живых от не совсем мертвых? Остаются ли у зомби хоть какие-то крохи сознания, воспоминания о прежней жизни? Или, может, быть, прорезаются позже? Вполне возможно... Конечно, по их виду и поведению такое заподозрить трудно. Но ведь все зомбяки, с которыми пришлось иметь дело, по возрасту не превышают несмышленных младенцев. И, как младенцы, способны лишь на одно – тянуться к источнику пищи, неважно, к материнской сиське или к горлу живого человека.

А вот что дальше, появляется или нет у зомби сознание, – загадка. И ее не разгадать без эксперимента, без шага из одного состояния в другое...

Я уже говорил, что в конце записи вы должны услышать выстрел?

Так вот, он не прозвучит...

И если вы включили «Олимпус» там, где нашли, и дослушали до этого места – я с вами не прощаюсь.

Скоро увидимся.

Эпилог

– Вот так и прошел у меня тот день... Пожалуй, действительно двадцать второго июня все и началось по-серьезному. Ну а потом много чего было. И отряд наш, всего двенадцать стволов поначалу, и форт в Лесобирже, и первые зачистки... Вернее, первые попытки зачисток... И Вторая Волна... Но вас, как я понял, интересует только один день?

– Именно так... Сейчас на эту тему пишут многие, и я намеренно сузил описываемый промежуток времени до самого минимума, до одного дня. Но стараюсь дать как можно более широкую и полную картину.

– Понятно. Из-за даты... Из-за той, давней войны.

– Ну-у... Не стал бы так категорично утверждать... В общем-то, на Северном Кавказе масштабные события начались еще в конце мая, а в Оренбуржье... Да. Из-за даты. Из-за совпадения.

– Понятно, – еще раз повторил Комендант.

Его щеку пересекал застарелый шрам от ожога, стягивал кожу, и писателю казалось, что его собеседник ухмыляется едва заметно, одним углом рта.

Ну и пусть. Кто-то совершает подвиги, кто-то их описывает, дело не менее важное и нужное...

Форт был поднят высоко над землей на бетонных сваях. Они спустились по приставной лестнице, тут же втянутой наверх, – неважно, что зима и атаки зомби ждать не приходится, некоторые привычки здесь укоренились на уровне рефлексов.

– Куда теперь? – спросил Комендант.

– В Цитадель, в Копорье...

Писатель распахнул дверцу, устроился на водительском сиденье.

– Сколько сил? – поинтересовался Комендант, кивнув на обширный ходовой отсек.

– Шестнадцать.

– Мощный агрегат...

– Порой чересчур мощный... Зимой отсек слишком долго прогревается, и на хорошей дороге тормозить тяжело, тормоза так и горят.

– Понятно... Ну, счастливого пути.

Писатель попрощался, приподнял щиток, закрывавший отдушину, ведущую в ходовой отсек. Зомби почувствовали запах живого, рванулись к его источнику, налегли на постромки...

Комендант посмотрел вслед медленно разгонявшемуся зомбиходу, отвернулся и пошагал по своим делам, не дожидаясь, когда машина исчезнет за поворотом. Дел у него было запланировано много – и на этот короткий зимний день, и вообще.

Очень много дел.

Остров стрежневой

– Маша, отдай ружье, – сказал он, постаравшись, чтобы прозвучало как надо: твердо, уверенно, но не нагло.

– Ты сошел с ума, Бессонов? – поинтересовалась Манька. Она всегда называла мужа по фамилии. – Зачем тебе, интересно, ружье?

Он не сходил с ума – сейчас, по крайней мере. С ума он сошел два месяца назад, когда собрал вертикалку, вложил в оба ствола патроны с картечью и уверенной походкой вышел из дома. Ладно хоть далеко не ушел, у подъезда встретил приятелей: Толика Збруева, Карбофосыча, еще кого-то – всего человек шесть-семь. На их недоуменные вопросы ответил прямо и честно: сейчас, мол, пойдет в седьмой дом, в квартиру двадцать девять, и застрелит Маньку, а потом капитана Тарасевича. Или сначала Тарасевича, а потом Маньку, что, если верить науке арифметике, общей суммы никак не изменит. Сказал на удивление трезвым голосом, хотя выпил перед этим все, что нашлось в доме, а Бессонов был мужиком запасливым. Толик попытался было перевести в шутку и предложил тяпнуть перед таким событием еще по стаканчику, а сам потянулся к ружью – цепко, не шутливо. Бессонов молча шагнул вперед – и, наверное, дружок разглядел что-то нехорошее на его лице или в глазах, потому что отшатнулся испуганно. А может, просто увидел, что указательный палец Бессонова просунут в скобу, а стволы вроде и случайно, вроде и неприцельно, но смотрят прямо в живот Толику...

Потом не было ничего.

Утром Бессонов не то проснулся, не то очнулся у себя в квартире. Маньки дома не оказалось, зато обнаружилась здоровущая шишка на раскальвающейся с похмелья голове. Дружки утверждали: стоял вроде твердо, говорил уверенно – и вдруг рухнул как подкошенный, угодив затылком по обледеневшей ступеньке подъезда. Сам, мол, знаешь, как резко порой хорошая доза «шила» догоняет – если выпить разом и без закуси. Он делал вид, что верит. Хотя подозревал: шарахнули от души сзади чем-то тяжелым. Но разборок не чинил – оно и к лучшему, если вдуматься...

Ружье после того случая из квартиры исчезло – Манька прятала у какой-то из подружек. Бессонов пытался вернуть собственность, проведя разведку через их мужей, но и мужики, похоже, состояли в заговоре.

Сегодня оружие необходимо было вернуть – и желательно путем переговоров. И Бессонов сказал, опять-таки твердо, но не нагло:

– Да не сходил я с ума, Маша... На охоту поеду.

Манька презрительно скривила губы. В охоте она кое-что понимала, да и в рыбалке тоже. Как, впрочем, и остальные офицерские жены. Из прочих развлечений в Ямбурге-29 имелись лишь блядоход да пьянка – зато дичь и рыба шли в сезон в количествах баснословных. Охотниками и рыбаками здесь становились даже не питавшие ранее к сим занятиям склонности... Да и приварок к пайку нехилый.

– Завтра охота открывается, – добавил Бессонов.

– За дуру держишь? Кого стрелять-то? На куропаток ружья не надо, а бедных олешек вы и из табельного лупите...

Дура вроде душой, а на мякине не проведешь. Субъект федерации один, и правила охоты в нем единые, и в один срок открывается весенняя охота – только вот вытянулся тот субъект с севера на юг на тысячи километров. Может, в среднем Приобье действительно сейчас палят вовсю по пролетным гусям да уткам – но здесь, на берегах студеной Обской губы, к началу мая весна только-только начиналась. Дичь прилетит через месяц, не раньше.

А на зимующих куропаток – опять права была Манька – ружье не нужно. Куропаток тут весной, по насту, ловят способом весьма оригинальным, но добычливым. Берут бутыль –

пластиковую, лимонадную, полутора – или двухлитровую, заполняют горячей водой, по мере остывания подливая из термоса. И продавливают-проплавливают той горячей бутылку в насте отверстия. Лунки, повторяющие форму бутылки. Подтаявший снег тут же – весна-то холодная! – схватывается ледком – ловушка готова. На края и на дно лунки насыпается приманка, чаще всего списанная в военторге, траченная мышами крупа. Глупая куропатка идет по тундре, обнаруживает халявное угощение, склевывает сверху, с наста, потом суется внутрь... И готово дело. В ледяной тюрьме не развернуться, крылья не расправить – обходи раз в сутки, собирай добычу. Разве что изредка случится весенний буран, занесет ловушки... ну да новых наделать недолго. Бессонов такую охоту не любил. Скучно.

Он сказал по-прежнему уверенно:

– На Стрежневой мы поедим, Маша. Ребята с Тамбея были давеча там, у деда Магадана, так специально по рации сообщили – дичи невпроворот. Хрен знает откуда, но прилетела.

Манька глянула на него все так же подозрительно, но уже с некоторым интересом.

– Мы – это кто?

– Ну... я и Толик... Карбофосыч, понятно, тоже... Да и Юрка Стасов просился.

Он внимательно наблюдал за реакцией Маньки. Карбофосыч – предпенсионных лет прапорщик, причем совершенно (уникальное дело!) непьющий – был упомянут не зря. Сейчас в ее взгляде должны, просто обязаны появиться сомнения... И они появились.

– Карбофосыч... Я ведь у Петровны спрошу, дело недолгое...

Манька и жена Карбофосыча, Петровна, работали в одном продмаге.

– Спроси, – пожал плечами Бессонов. Похоже, дело пошло на лад. Теперь можно – аккуратно, осторожно – напомнить о кое-каких Маниных ошибках. – Сама знаешь, куда рыба-то ушла пайковая, – прибавил он без особого нажима. – Морозилка пустая. Сколько можно тушенкой питаться...

Зимой Манька, редкий случай, серьезно обмишулилась. Получила (пока Бессонов был на точке, в сотне километров, в трехдневной командировке) пайковую рыбу. Карпов. Замороженных. Двадцать килограммов. Недельку призма из льда и смерзшихся рыбин простояла на балконе. Потом одного карпа откололи в видах воскресного обеда – до сезона рыбной ловли оставалось месяца три-четыре...

Откололи, разморозили – тухлый. Остальные – тоже. Бессонов сложил рыбу на санки и вывез за тридцать первый дом, на помойку. И обнаружил там несколько таких же кучек пайковых карпов.

Подозрительность в Манькином взгляде поуменилась, но совсем не исчезла.

Теперь, по правилам дипломатии, надо показать ей пряник. Издалека, понятно, в руки не давая.

Бессонов сказал, словно вспомнив о другом, словно проблема с ружьем уже разрешилась окончательно и бесповоротно в его пользу:

– Кстати, Маша... По спутнику Кравцов звонил, из Москвы. Говорил, вопрос о рапорте в Академию решен на девяносто процентов.

Манька мгновенно позабыла о ружье, охоте и острове Стрежневом.

– И что? Когда?

Выбраться в Москву было ее заветной мечтой. Она давно бы развелась и рванула на материк – но куда? В родную деревню Красная Горбатка Владимирской области? Или вернуться в точку старта, откуда начала свою пятилетнюю эпопею с Бессоновым, – снова жить общажной лимитой в Питере? А тут – Москва, Академия, квартира... Перспектива. С достигшим чего-то в жизни человеком не только жить хорошо. Разводиться тоже выгодно.

– Бумаги в штабах медленно движутся, – сказал он веско. – Месяца два-три до сбора чемоданов есть. И питаться эти месяцы я хочу нормально. Верни ружье, Маша.

А сам подумал злорадно: вот про Москву-то ты у Петровны хрен проверишь...

Потому что вопрос был действительно решен. Но совсем иначе, чем надеялась Манька. Она глянула все еще подозрительно, но отнюдь не так, как вначале. Взор Маньке явно туманили золотые купола кремлевских соборов и рубиновая звезда над Спасской башней.

Бессонов постарался изобразить трезвый, рассудительный и даже спокойно-равнодушный вид.

Но Манька, понятно, не была бы Манькой, если бы так вот сразу согласилась.

– Ладно, посмотрим, – сказала она. – По поведению...

Он старательно подавил улыбку. Это была победа. Точный расчет, ловкий маневр – и победа!

Бессонов торопливо закончил завтрак (готовили они отдельно) и поспешил на службу. «Пазик» – развозка отходил от «пяточка» через пять минут. Манькин продамаг открывался через полчаса.

* * *

Двенадцатичасовая смена пролетела до странного незаметно. Словно Бессонов крепко зажмурился, когда автобус подъезжал к КПП «пятерки», – а потом открыл глаза и обнаружил, что едет уже в обратном направлении. Чем занимался в эти двенадцать часов – не вспомнить. И ладно. Все равно ничего нового на службе нет и быть не может. Вот уже много лет громадная фазомодулированная антенна «пятерки» смотрит на север, ждет ракеты, которые полетят через полюс из Америки – а те все не летят и не летят. И часовые забытого форпоста все меньше и меньше понимают, зачем вглядываются в далекий горизонт...

Идти домой и наблюдать, как накрашивается-прихорашивается Манька, не хотелось.

На «пяточке» Толик поглядел, как нерешительно мнетса вылезший из «пазика» капитан Бессонов, и пригласил в гости, посидеть по-простому; пошли, поужинали, посидели – Наташка поворчала, но выкатила поллитровку «шила», сама пригубила рюмочку; потом Бессонов пошел домой, а Толик увязался провожать, незаметно умыкнув еще поллитровку; потом встретившийся по пути Карбофосыч предупредил, чтобы не напиться и не проспали на охоту, сам-то не употреблял ни грамма – после того как вернулся из больницы (он чудом выжил: решив как-то заполировать изрядную дозу спирта пивком, прапорщик заявил, что это не пиво, а смесь воды и мочи, и приготовил «ямбургское крепленое», пшикнув несколько раз в кружку аэрозолем для потравы насекомых); потом вместо бессоновской квартиры они с Толиком как-то очутились в другой, огромной, где жил Юра Стасов и еще двое молодых лейтенантов, хотя рассчитана она была на десяток холостых офицеров; там пили, они присоединились, подходили еще какие-то люди, приносили с собой, все шло в общий котел, и голоса и раздолбанный магнитофон сливались в неразборчивый гул, а может, это кровь гудела в ушах успевшего напиться Бессонова, тоска не исчезла, но куда-то спряталась, забила в темный угол, готовая выползти при первой возможности. Потом он сидел на кухоньке той же квартиры и втолковывал Ленке Алексеевой (относительно молодой прикомандированной специалистке) про то, какая сука Манька и как ему гнусно живется на свете, Ленка слышала все не впервые, но слушала как бы внимательно и кивала сочувственно, они пили на брудершафт – не первый раз – и взасос целовались; мордашка у нее была страшноватая, но грудь вполне даже ничего, и потом они очутились в дальней, нежилой комнатенке, чем-то приперев дверь, кровати не было, Ленка стояла, согнувшись, опершись ладонями о подоконник, и постанывала в такт его толчкам, а Бессонову было стыдно, он выбивался из сил, но никак не мог кончить, и пришлось что-то такое симулировать с дерганьем и блаженно-расслабленным стоном, и Ленка в качестве ответной любезности тоже изобразила оргазм, Бессонов хотел ее спросить: зачем все это? – но не стал, поцеловал благодарно, девка она хорошая, просто жизнь не сложилась; потом было что-то еще, а что – не вспомнить, да и не стоило, наверное, оно воспоминаний; потом Бессонов подумал, что ему

очень холодно, и отодвинул лицо от собственной рвоты, и поднялся с жесткого и грязного весеннего сугроба – поднялся не сразу, постояв на четвереньках, – но поднялся и пошел домой, удивляясь, что все куда-то делось, и он остался один, и даже опьянение – так ему казалось – улетучилось, и вновь стало тоскливо и мерзко...

* * *

Ружье – разобранное и уложенное в чехол – лежало на столе.

Маньки в квартире не оказалось. Бессонов знал, где она и с кем, но ему было все равно. Теперь – все равно.

Чехол, не открывая, убрал в шкаф, хотя очень хотелось проверить, все ли в порядке – Манькины подружки-дуры могли держать и в сырости, с них станется. Но Бессонов дал сам себе слово – напившись, к оружию не притрагиваться...

Вместо этого включил допотопный гибридный компьютер – плата, дисковод и винчестер от 286-го были вмонтированы в еще более древний раритет, ЕС-1840, якобы болгарский продукт тех времен, когда против Союза действовали жесткие санкции в области компьютерных технологий...

Электронный реликт долго издавал всевозможные звуки – но загрузился.

Бессонов стал читать на черно-белом экране до боли знакомые строки:

«...Атлантида начала погружаться, но никто этого не заметил.

Единственным, кто смог бы забить тревогу, стал Га-Шиниаз, последний из последних пастух с пастбищ Тени-Ариаф, что на самой окраине северной тетрархии. Как всегда в начале лета, он погнал своих овец по обнажившемуся в отлив перешейку на зеленые луга маленького безмянного островка, последнего в Тени-Арифской гряде, – дальше в океан уходила только цепочка бесплодных рифов.

Вообще-то, овцы были не его, отара принадлежала Коминосу, беспутному сынку первого гиппарха. Этот завсегдатый трактиров и лупанариев Посейдонии и понятия не имел о существовании как Га-Шиниаза, так и овец, вверенных его попечению. Но и Гаи, низкорослый, туповатый и косноязычный пастух, тоже не подозревал, что в столице живет владелец окружающих стад и пастбищ.

Он твердо знал только то, что ближайшине семь лун ему предстоит проводить ночи в своей пещерке с закопченными сводами – сужающийся ее лаз уводил глубоко вниз, к самому сердцу островка или даже еще глубже, Га-Шиниаз совсем не любопытствовал, куда можно попасть по извилистому ходу. Еще Гаи знал, что в пору окота придут по перешейку ему в помощь трое рабов-нубийцев, принесут свежей маисовой муки и большой жбан с мерзким на вкус пальмовым вином – и уйдут обратно, когда овцы благополучно окотятся. И он опять останется один, чтобы увести обратно стадо перед самым началом поры зимних штормов, заливающих островок водой и илом, питающим тучные пастбища...»

Это было романом. Точнее, должно было стать романом – после того как Бессонов наконец его допишет. Судя по скорости роста файла, ожидать радостного события стоило к середине следующего десятилетия. Мысленные образы вставали перед внутренним взором Бессонова, живые и яркие, – но описать их словами было сущей пыткой. Он брал упорством – писал, стирал, писал заново, правил, читал вслух, с выражением, снова правил, опять переписывал – и достигал-таки желаемого. На одной странице. Страниц было много...

...Бессонов поправил два-три неудачных выражения, потом стал торопливо стучать по клавишам – приходящие в голову строки казались гениальными и в правке не нуждающимися (подсознательно знал – утром придется со стыдом стереть)... Потом забыл какую-то давно описанную деталь, заглянул в начало – и вчитался. Ушел в придуманный мир, жестокий, но яркий и красивый, где подлость и измену можно было покарать ударом меча, а побеждали

сильные и честные, но все победы оказались бесполезны, потому что Атлантида медленно шла на дно...

...Потом он вдруг обнаружил, что спит, уткнувшись лицом в клавиатуру – курсор бежал по экрану, заполняя пробелами неизвестно какую по счету страницу... Выключил компьютер и лег спать. Раздеться сил не было.

* * *

Отплыли они после полудня – с утра трое из четверых оказались малотранспортабельными.

...При одном взгляде на волны становилось холодно.

Мерзкие, серые, они с тупым упорством били в деревянный, черный от смолы борт *будары* – так здесь по-старинному именовались большие мореходные лодки, совсем не изменившиеся за последние три сотни лет, лишь оснащаемые ныне вместо классического паруса слабосильным стационарным движком. Быстротой будары не отличались, но в волну были куда надежнее, чем лихо гоняющие по спокойной воде дюральки.

Тумана над морем не было (редкость!) – и остров Стрежневой не вынырнул из него неожиданно, не навис над головой темными скалами – был виден издали, вырос над волнами медленно, неторопливо... Еще дальше, где-то у горизонта, что-то белело и поблескивало – не то паковый лед, не то сошедшие по Оби-матушке льдины и ледяные обломки, Бессонов разбирался в этом деле не сильно...

Принадлежавшая Карбофосычу будара расколотась за зиму, растрескалась от мороза, доски намокнуть, набухнуть не успели – и по днищу перекачивалась вода. Сочилось помаленьку, не опасно, все были в сапогах – но Карбофосыч все равно выдал черпак Юрке Стасову, самому молодому в их компании, – и тот, вручив Толику свою непритязательную тулку-одностволку, старательно вычерпывал воду.

Остров приближался.

На необъятных просторах России полным-полно островов с названием Стрежневой. Примерно как Черных и Белых речек, а также Долгих, Тихих и Щучьих озер – народная топонимика редко блещет изобретательностью. На каждой реке имеется стрежень, да и речных островов обычно в достатке...

Но этот остров Стрежневой, омываемый чуть солеными водами эстуария Оби, был особенным. Уникальным. Вроде даже объявили его в свое время не то заповедником, не то заказником, но объявили в столице, исключительно на бумаге, – никакой положенной заповедникам охраны на Стрежневом не было. Да и от кого тут охранять-то по большому счету? Впрочем, вполне может быть, что выделенные на охрану заповедника деньги кто-то где-то получал и на что-то тратил...

Бессонов подумал, что издали напоминает Стрежневой громадную кофейную чашку – у которой выпал кусок фарфора с одного края. Снаружи скалы, обращенные к воде бесплодными отвесными обрывами, – но к центру острова они понижались полого, и почва держалась на этих склонах, и росли деревья – не слишком высокие, но настоящие, а не стланник, как на прочих окрестных берегах. И трава здесь росла, и цветы, каких в тундре нет, – Бессонов попытался припомнить, как такие называются, слово никак не хотело всплыть из памяти... Потом вспомнил: эндемики. Как объясняли деятели наук, на острове имела место климатическая аномалия. Солнечные лучи падали под более крутым углом, чем на тундру, где мерзлота коротким летом никак не успевает растаять; да и холодным ветрам не было пути в почти замкнутую котловину...

В центре острова – озеро, круглое, как блюдо. Пресное, с Обской губой не сообщающееся. И – промерзшее до самого дна. Летом успевал растаять лишь верхний слой, а под ним лежал донный лед. Рыба, понятно, в таком водоеме водиться никак не могла.

Вот такой он и был – остров Стрежневой. Почти необитаемый.

Почти – потому что единственный обитатель тут имелся – дед Магадан.

* * *

От причала, построенного четыре года назад, после этой зимы ничего не осталось, даже торчащих из воды и прибрежной гальки столбиков. Но лебедка уцелела – стояла вдалеке от уреза воды, куда ни волны, ни льдины не доставали. На трос, рыжий от ржавчины, тоже никто: ни стихии, ни люди – не покусился.

Шестерни начали было вращаться с усилием и с диким скрежетом, Карбофосыч, хозяйственно прихвативший солидол, смазал – и дело пошло на лад. Трос натянулся, тяжеленная будара медленно выползла на берег. Для верности протащили еще, стали выгружать вещи.

Сверху уже торопливо спускался дед Магадан, привлеченный двумя выстрелами, которыми Толик Збруев возвестил о прибытии гостей.

– Пострелять приехали? – радостно заулыбался Магадан, обменявшись со всеми рукопожатиями. Гостей он любил – не совсем, впрочем, бескорыстно.

Улыбка у деда была специфичная. Два нижних клыка, поблескивающих золотом коронок, и черные обломки-корешки прочих зубов.

– Давай, веди в хату, – распорядился Карбофосыч. – У тебя тут, говорят, дичь уже некуда складывать?

– Некуда, некуда... – Магадан снова оскалился. – Уж я ее и коптил, и солил, проклятую... А она все летит и летит. Пальцы не гнутся, ошпыивамши. Ладно хоть холодильник у меня безразмерный...

И он кивнул вглубь острова, явно имея в виду озеро – лед на нем наверняка еще даже не начал таять.

– Откуда летят-то? – спросил Бессонов.

Он обрадовался подтверждению маловероятного известия – не зря, стало быть, приплыли. Но все равно недоумевал – почему так рано? Тем более что за четыре часа морского пути ни единой тянущейся с юга птичьей стаи они не видели.

– Да хер его знает, откуда они летят, – беззаботно ответил Магадан. И неопределенно махнул рукой в северном направлении. – Оттуда откуда-то. Я вам чё, ботаник?

Ботаником он не был. Магадан принадлежал к малопочтенному сословию бичей, а до этого отсидел пятнадцать лет за убийство собственной жены по пьянке и ревности – в чем до сих пор не раскаивался. При чем убил супругу двумя выстрелами в грудь из охотничьего ружья. Возможно, знакомство с этим индивидом (ну и плюс изрядная доза спирта, естественно) и толкнуло Бессонова на дурацкую авантюру двухмесячной давности.

Но кое-какое отношение к науке Магадан имел. Пристал четыре года назад к экспедиции, изучавшей остров Стрежневой, – ученые бичей любят, работники из тех неприхотливые, есть могут что угодно и жить где угодно. Экспедиция уехала – Магадан остался. Место понравилось. С тех пор каждый год проводил теплые месяцы здесь – заходил пешком по последнему льду, осенью уходил по первому. Охотился, ловил рыбу, отдыхал душой и телом вдали от милицейских патрулей, норовящих проверять документы и таскать не имеющих их в кутузку...

Но в сторонах света Магадан, что о нем ни думай, разбирался. Север с югом не спутает.

– Нет там ничего, – сказал Бессонов, кивнув в указанном Магаданом направлении. – До самого полюса нет. Неоткуда птицам лететь.

– Может, с Новой Земли? – предположил Толик неуверенно.

Обсуждать версию даже не стали. Новая Земля от них не на севере, скорее на северо-западе. И вся сейчас скована льдом, весна туда приходит еще позже. И вообще, дичь весной летит с юга на север, никак не наоборот.

– Может Киричев с компанией пошутить решили? – сказал угрюмо Карбофосыч. – Первое апреля по старому стилю отметить? А ты, раб божий, за поллитровку им помочь взялся?

Он вообще недолюбливал Магадана. Да и сожженного (если все-таки зря) бензина было жалко.

– Да говорю же – до е...ной матери дичи! – загорячился Магадан. – Вот щас сами уви... Тихо! Во! Слышите?!

Все замолчали, прислушиваясь (они уже почти поднялись до того места, где из стенки острова-чашки выпал кусок, но вид вниз, на озеро, еще не открылся).

Издали, слабо, но вполне различимо, раздавался звук, в происхождении которого ошибиться было невозможно. Гуси. Подлетающая гусиная стая.

Подлетающая с севера...

Загадка природы.

* * *

Это надо было видеть.

Просто видеть – никакие рассказы не могли создать и самого приблизительного впечатления. Даже подготовить к увиденному – не могли.

Бессонов остановился, изумленный. Остальные – тоже.

И берега, и лед озера, и внутренние склоны острова – были темны от самых разных птиц. Причем понятно это стало не сразу. Поначалу показалось – нет тут никакой дичи, просто котловина Стрежневого не пойми отчего изменила цвет...

Не было обычного в таких случаях разноголосого птичьего гомона и хлопанья крыльев, сливающихся в единый громкий звук. Птицы не взлетали, не кружили, не опускались обратно – как оно всенепременно бывает при подобных сборищах пернатых. Ну не совсем подобных – *такого* Бессонову видеть еще не приходилось... Живая пелена лишь слегка, еле заметно шевелилась – словно действительно была единым существом, большим или смертельно уставшим...

– Ну?! – сказал Магадан. – Красота?

Голос его звучал так гордо, как будто он сам долгие ночи не спал у инкубаторов и вольеров, выращивая эту ораву.

У остальных не нашлось слов...

А потом они забыли про все.

Про то, что собирались зайти сначала в резиденцию Магадана – довольно большую хибару, оставшуюся от экспедишников, – распаковаться, устроиться, оставить дежурного варить ужин (никто не сомневался, что дежурным окажется Юрка Стасов), хряпнуть по сто грамм с приезда, – а уж потом отправиться на разведку к завтрашней охоте...

Вместо этого они побросали вещи и стали торопливо, глядя не под ноги, а на птиц, – спускаться, на ходу переламывая ружья и запихивая в них патроны. Магадан, несмотря на все утверждения, что добычу ему девать некуда, – присоединился к ним со своей древней, помнящей совнархозы «ижевкой».

И началась охота.

После первых выстрелов дичь взлетела – медленно, неохотно. Казалось, промахнуться тут невозможно. Но промахи поначалу были – глаза попросту разбегались. В кого стрелять? В тяжело встающих на крыло гусей? В огромную стаю куликов (воздух просто кишел ими, как комарами на болоте)? В уток – напуганных стрельбой Толика и Карбофосыча с другого фланга и летящих прямо на Бессонова?

Расстояние оказалось слишком близким, дробь неслась плотной кучей – и либо проходила мимо, либо разбивала на куски птичьей тушки.

Впрочем, якобы промахи таковыми на деле не были – попадали в кружащих в отдалении птиц...

Постепенно Бессонов чуть успокоился, стал действовать осмысленно – соизмерял размер дробин с размером дичи и не стрелял в ближайших – как говорят охотники, *выпускал в меру*...

Выстрелы гремели. Раненые птицы бились на земле, никто их не подбирал и не добивал. Раскалившиеся стволы жгли руки – конструкторы охотничьего оружия никак не рассчитывают его на такую вот непрерывную стрельбу...

Потом пальба стихла. Бессонов водил пальцами по пустым гнездам патронташа – ни одного патрона. У остальных, похоже, то же самое...

Он осмотрел поле боя. Птицы никуда не улетели. Покружив, снова расселись – но теперь их диспозиция напоминала гигантскую подкову – внутри которой стояли стрелки, валялись птичьих трупы и трепыхались подранки... В воздухе кружился окровавленный пух.

Дикий азарт ушел. Стало противно. Гнусно. Охота была *неправильная*. Словно рыбалка в аквариуме. Добыча не радовала.

Бессонов подошел к убитому наповал гусю, упавшему почти под ноги. Взял за лапы, поднял. Крылья широко раскинулись, из приоткрытого клюва капала кровь... Вспомнил, как охотился на таких красавцев в прошлом году, на тундровом озере – стая попала осторожная, не подпускали ни на лодке, ни пешком по берегу, пришлось рыть-долбить в мерзлоте окопчик, тщательно маскировать, сидеть, согнувшись в три погибели, с замершим сердцем, тщательно целясь в подлетающую стаю, зная, что будет лишь один шанс на удачный выстрел...

К Бессонову, замершему с гусем в руках, подошел Юрик Стасов – с точно таким же. И сказал растерянно:

– Ничего не понимаю... Не бывает таких гусей...

– А это что? – Бессонов чуть встряхнул трофей.

– Гусь... Но – не бывает! Я все книжки прочитал, все картинки заучивал – не бывает! Смотри: здоровенный, по размерам как серый гусь – но нет полосы вокруг клюва, и на брюхе полос нет, весь однотонный, как гусь-гуменник. Но у того лапы совсем другие – оранжевые или желтоватые, а у этого почти черные, как у краснозобой казарки... Так казарка вдвое меньше размером...

– Может, домашние у кого улетели? – попытался пошутить Бессонов. Шутка прозвучала как-то тускло, пакостное настроение усиливалось.

Вообще-то, Юрику стоило верить. У него, молодого лейтенанта, первый год служащего в Ямбурге-29, это был дебютный выезд на охоту. Но всю зиму Стасов готовился теоретически – внимательнейшим образом проштудировал охотничью литературу. Сам Бессонов не считал нужным запоминать внешние признаки всех двенадцати (или даже больше) видов гусей и казарок, прилетавших весной... Съедобные – и ладно.

Юрик продолжал, пропустив мимо ушей слова о пустившихся в бега домашних гусях:

– А кулики?! Из куликов такие здоровые, чуть не с курицу, в России только кроншнепы встречаются! Но они, во-первых, в степях живут, в тундру не залетают... А во-вторых – клюв у них сильно вниз загнут! А у этих – прямой, как шило!

При слове «шило» Бессонов непроизвольно поморщился...

Карбофосыч, собиравший в отдалении тушки вместе Толиком и Магаданом, замахал рукой и что-то крикнул Бессонову с Юркой. Можно было даже догадаться что: кончайте, мол, филонить, собирайте добычу да таскайте к озеру, где у Магадана вырублены во льду холодильные камеры...

Бессонов призыв проигнорировал, заинтересовавшись словами Юрика.

– Так что ты хочешь сказать? Что мы тут открыли новые виды? Науке не известные? И можем назвать своими именами? Гусь Бессонова – звучит... Срочно нужна бадья с формалином.

Юрик, не обратив внимания на бессоновский сарказм, выдал совсем иную версию: новые виды, конечно, порой открывают, но тут не тот случай. Не крохотная же популяция, затерянная у черта на куличках. Здоровенные птицы, летающие с зимовки через полконтинента... Виды, надо понимать, вполне известные. Но – не наши. Не российские. Потому что прилетели из... Америки! Через полюс! Что вполне стыкуется со странным направлением полета стай... И у Юрика даже появилась идея, отчего в птичьих головах так вот перепутались все полетные карты. Во всем виновата новая американская система ПРО! Какие-то дает наводки на невеликие птичьи мозги...

Красивая версия, подумал Бессонов. Жаль, нереальная. Гусь – птица здоровая, тяжелая. Калорий в полете сжигает много. И без «дозаправки» весь путь сезонной миграции не выдерживает. Гусиные стаи вылетают с юга загодя, когда места гнездовий в тундре еще покрыты толстым слоем снега и льда, проделывают около половины пути – и останавливаются где-нибудь в средней полосе на месяц-полтора. Восстанавливают силы, отъедаются – потом летят дальше, на оттаявшие за это время тундровые болота и озера. Нет, гуси путь через тысячи километров ледяных полей никак не осият...

Объяснить все это Юрику он не успел. Подошел Карбофосыч. И ехидно так поинтересовался: какие еще будут у господ офицеров для них троих приказания, кроме сбора добычи?

Они со Стасовым пошли по земле, усыпанной окровавленными перьями.

Пошли собирать дичь.

* * *

Емкостей, выдолбленных во льду Магаданом, не хватало – пришлось торопливо готовить новые. Толик стучал пешней, в скорости мало уступая отбойному молотку, – рыхлый весенний лед колосился легко. Бессонов выгребал из растущей майны осколки и обломки. Потом они поменялись местами.

Остальные таскали дичь, бросали рядом – лишь крупную, мелочь типа чирков просто давили ногами. Причем Бессонову после слов Юрки показалось, что оперение у чирков тоже какое-то нетипичное...

Наконец они с Толиком закончили яму – навскидку должно все поместиться. Стали складывать. Торопливо, навалом. На товарный вид перед заморозкой – сложить аккуратно крылья, заправить голову под одно из них – не обращали внимания. Некогда. Птицы падали в ледяную могилу мерзкой неаппетитной грудой...

...Бессонов работал механически, а сам думал, что они с точностью до наоборот повторяют работу экспедиции четырехлетней давности. Возвращают долг озеру. Тогда ученые мужи – руками работяг вроде Магадана, разумеется, – выпиливали большие кубы льда, добываясь до глубоких, никогда не оттаивающих слоев. Искали вмерзших в лед древних обитателей водоема – сколько-то там тысяч лет назад, до очередного скачка климата, на острове было самое обычное озеро, а не громадная ледяная линза...

Офицеры из Ямбурга-29 порой навевались к экспедишникам, заинтригованные, – а ну как те действительно добудут какую допотопную зверюгу. Бывал тогда на Стрежневом и Бессонов. Лично его находки, приводившие в телячий восторг высоколобых, разочаровали. Какое-то едва видимые в микроскоп беспозвоночные...

Тьфу.

Впрочем, были и различные невооруженным глазом экземпляры. Но тоже мелочь...

Центральное телевидение умудрилось и из этого выжать сенсацию – когда один из найденных во льду тритонов зашевелился и ожил. Специально прилетевшая корреспондентка захлебывалась слюной и восторгом, вещала телезрителям, что перед ними самое старое из ныне обитающих на планете существ... Умыли, дескать, американцев с их секвойями, помнящими времена Пунических войн.

Существо, помнящее (если верить корреспондентке) времена Атлантиды, лениво шевелило конечностями в какой-то прозрачной бадейке, тупо пялилось в камеру и явно недоумевало: на хрена его разбудили? И ничем оно не отличалось от самого заурядного тритона, каких навалом в любом прудике средней полосы...

В общем, дешевая получилась сенсация. Скучная.

А корреспондентка, наоборот, дамочкой оказалась весьма веселой. Лихо пила спирт в мужской компании и за неделю своей командировки на Стрежневом и в Ямбурге-29 успела побывать под всеми пожелавшими того офицерами и мужами науки. Под несколькими непожелавшими – тоже. Обаятельно-напористая была мамзель, ничего не скажешь. Издержки профессии. Бессонов, кстати, тогда...

Он резко оборвал мысль.

Крикнул Толику:

– Стой!!!

Тот недоуменно замер над майной, держа в каждой руке по матерому селезню. Остальные прекратили подтаскивать добычу.

Бессонов нагнулся. Выругался, не дотянувшись. Лег на окровавленный лед. И выудил из ямы тушку только что упавшего в нее гуся.

Гусь был окольцован.

* * *

– ...ня, – авторитетно заявил Магадан. – Я штук двадцать таких отковырял. Думал, может, награда какая будет от науки-то? Тока хрен по ним поймешь, куда за бабками-то надо...

Бессонов почти не слушал его бормотание, пытаясь осторожно снять кольцо кончиком ножа. Хотя «кольцом» *это* назвать можно было с большой натяжкой. Пару раз Бессонову случалось подстрелить окольцованных птиц – кольца у них на лапах были согнуты из мягкого тонкого металла, легко разгибавшегося и выпрямлявшегося. Дабы сознательный и радующий за интересы науки охотник мог положить выпрямленную пластинку в конверт и послать в Москву, в НИИ орнитологии...

На лапе же гуся неизвестной породы наблюдалось нечто совсем иное.

Больше всего *это* было похоже на скрученную полоску бумаги или белой материи, плотно прижатую к лапе коконом из какой-то прозрачной пленки. Прямо как вакуумная упаковка – только едва ли гусь переживет, если его поместить в аппарат, соответствующую упаковку изготовляющий... Загнется ведь, бедолага, от переживаний...

Пленка, кстати, лезвию бритвенно-острого ножа не поддавалась.

– Дай-ка я! – Карбофосыч решительно потянулся к птице.

Этот миндальничать не стал. Махнул ножом, отсек гусиную лапу.

Оболочка «кольца» как-то словно сама расплзлась в его пальцах. Развернул бумажку.

И присвистнул удивленно:

– Шифровка...

Был он прапорщиком старой школы, с бдительностью, заложенной на генетическом уровне.

Бессонов взял у него бумажку – странную, гладкую, скользящую в пальцах.

М-да... Пляшущие человечки какие-то... Очень похоже на то, что Бессонов однажды увидел на экране своего древнего компьютера, попытавшись открыть текст, набранный на одном из последних детищ Ай-Би-Эм.

Иероглифы. Пиктограммы. Хрен читаешь.

Юрка заглянул через плечо – и обрадовался:

– Ну точно! Не наши кольцуют! Американцы!

Толик, осмотрев в свою очередь бумажку, усомнился:

– А зачем им так секретничать, америкашкам-то? Подумаешь, какая важность – куда гуси по весне летают?

– Эт дело стратегическое, – заявил Карбофосыч. – А если вместо такой фитюльки микрокамеру к лапе примастрячить? И – над секретными объектами? То-то... Ладно, что стоим, заканчивать давайте.

Он забрал бумажку, запихал в нагрудный карман комбеза.

С севера донеслось – пока слабое – гоготанье.

Подлетала новая стая.

* * *

Разговор с Юриком они закончили спустя два часа, стоя на скалах северной оконечности острова, на самой верхней точке. Котловина Стрежневого была отсюда видна как на ладони, и на море вид открывался отличный. С запада и востока темнели у горизонта тоненькие ниточки берегов Обской губы. На севере, за несколькими километрами чистой воды, громоздились льды.

Добрались не напрямую, не через боевые порядки птиц – казалось, вовсе и не поредевшие от их канонады. Бессонов испытывал какой-то иррациональный страх: стоит зайти поглубже на покрытую шевелящимся ковром территорию – и вся эта туча пернатых ринется на них. Не будет даже нужды пускать в ход клювы и лапы. Навалятся всей массой – и конец. Раздавят, задуют, погребут под живой пирамидой...

Чушь, конечно, но лейтенанту Стасову, похоже, пришли сходные мысли – и он отнюдь не возразил против предложения пройти кружным путем, поверху...

– Так откуда же они прилетели? – спросил Юрик, после того как Бессонов объяснил невозможность полета из Америки. Вернее – с канадского побережья американского континента.

– Не знаю... Может, как-нибудь дугу описывают, разворачиваются, а летят все-таки с юга...

Никакой уверенности в голосе Бессонова не было.

Юрик тут же выдвинул новую версию:

– А может... Помнишь, фильм был про землю Санникова? Ну как птицы туда летели...

– Так не нашли же ее... Авиация, спутники... Ерунда.

Говоря, Бессонов не отрывал от глаз бинокля – несколько минут назад ему показалось, что вдали, надо льдами, в воздухе что-то густо темнеет. Теперь сомнений не осталось – птицы. Летят беспорядочной кучей – значит, какая-то мелочь: не утки, не гуси, не журавли – те всегда выстраиваются походным клином.

Стасов настаивал:

– Есть гипотеза, что земля Санникова – плавучий остров. Ледяной. Сверху, на льду: слой грунта, флора, фауна... И кружит все это дело по океану, по замкнутой траектории. Потому и не находили там, где видели. А спутники над полюсами не больно-то летают. Крайне неудобная для запуска орбита. Да и зачем? Белым медведям телепрограммы транслировать? За пингвинами наблюдать?

Бессонов оглянулся, с сомнением оглядел забитую птицами котловину. Потом посмотрел на север – массы птиц были видны невооруженным глазом. Протянул бинокль Юрику и сказал:

– Ты посмотри, посмотри... Это какой остров получается – такую ораву-то прокормить? Тут континент нужен, Арктида...

Про Арктиду ему рассказал один молодой деятель науки из той самой экспедиции. За стаканом рассказал, понятное дело (по количеству потребляемого спиртного ученые от офицеров отставали мало). Дескать, когда-то континентов на Земле было гораздо больше. В каждом океане – еще один материк. В Тихом – Пасифида, в Атлантическом – Атлантида, в Индийском – Лемурия. Ну а в Северном Ледовитом – Арктида. Много еще что плел окосевший кандидат в доктора: и про жившие на континентах древние цивилизации, и про родство их с инопланетниками, и про то, что, когда стали подрастать в Евразии и Африке агрессивные потомки обезьян, – мудрые древние ушли... Вместе с континентами. Не опустили на дно, но как бы скакнули в другое измерение. От греха подальше. Наплел, нагородил, а по трезвости ведь умным казался...

Потом Бессонову все толково объяснил другой ученый. Пожилой, вызывающий доверие солидным пузом и обширной лысиной. И, самое главное, почти непьющий – весь разговор катал в ладонях рюмочку, налитую из заветной фляжки (якобы пребывал там коньяк аж двадцатилетней выдержки). Околонаучные спекуляции про Арктиду, говорил толстяк, гроша ломаного не стоят. Все было проще: в конце третьего ледникового периода север Евразии занимала ландшафтная зона, сейчас полностью исчезнувшая. Тундростепь. Слой нанесенного плодородного гумуса – а под ним не мерзлота, как нынче в тундре, но натуральный лед. Уже достаточно потеплело, но лед под этим теплоизолирующим слоем не таял. Для деревьев с мощными корнями почва оказалась тонковата – но густые сочные травы росли в рост человека. Чего бы им не расти – достаточно тепло, и солнце полгода не заходит. Кое-какие остатки той растительности, между прочим, и сейчас на Стрежневом уцелели. Вот в этой-то тундростепи, большей частью находившейся над территорией нынешних Карского и Баренцева морей, и водились мамонты с шерстистыми носорогами. В тундре, на ягеле, разве такие махины выживут? (Бессонов тогда подумал и решил: не выживут. На ягеле и олешки-то северные хилые и мелкие вырастают по сравнению с родственниками – маралами да изюбрями. Некалорийный он, ягель.) Там же жили и охотились на мамонтов люди. Совсем не похожие на нынешних узкоглазых аборигенов Севера – рослые, белокожие... Кончилось все печально. Лед мало-помалу растаял, и псевдо-Арктида ухнула на дно. Мамонты с носорогами частью потонули, частью отступили в тундру, где благополучно вымерли от банального голода... А большая часть слоновой кости, поступающей сейчас на мировой рынок, на деле – мамонтовая. И добывается не трудами африканских охотников, но тралением литорали Карского моря. Вот так. На этом деятель науки допил-таки коньяк и отбыл по своим ученым делам, оставив Бессонова в состоянии пьяной жалости к мамонтам и носорогам...

...Птицы приближались. Летели прямо на Бессонова с Юриком. Действительно мелкие, чуть больше воробья, – но было их столько... Воздух стонал от ударов крохотных крыльев. Стонал и вибрировал – и, казалось, дрожь эта передается несокрушимым скалам.

– Ложись!!! – гаркнул вдруг Бессонов, внезапно сообразив, что сейчас будет.

Они залегли, плотно вжавшись в камень, как под самым ураганным огнем. И вовремя. Живая волна накатила, захлестнула. Резко потемнело. Воздуха вокруг словно и не стало – словно весь мир, от горизонта до горизонта, заполнили птичьи перья. По крайней мере вдохнуть Бессонов боялся, уверенный, что в легкие ползет пух, мерзко щекоча все внутри. Звук, слитый из трепетания многих тысяч крыльев, бил не только по ушам – входил во все тело и наполнял его каким-то отвратительным резонансом, казалось – еще чуть-чуть, и Бессонов рассыплется на куски от собственной внутренней вибрации... Несколько раз его ударило по спине и затылку – несильно, но неприятно – живым, трепещущим...

Потом все кончилось.

Они поднялись, ошеломленные.

– Бли-и-и-н, – протянул Юрка. – Ведь насмерть задолбили бы, точно... Черт! – Он увидел пятна помета, угодившего на рукав.

Один из крохотных живых снарядов лежал у их ног – крылья бессильно раскинуты, клювик открывается и закрывается. И рядом, на скале, тоже лежали птицы.

Бессонов поглядел вниз, в сторону моря. И ужаснулся.

– Смотри, Юрчик, – сказал он отчего-то чуть не шепотом, – смотри... На последнем ведь издыхании летели...

Недолетевшие были везде – на более-менее пологих площадках и уступах склонов, на узком галечном пляже внизу... И – в море. Серые комки перьев даже не барахтались – опускались и поднимались вместе с волнами, как мертвый мусор... Дорожка из погибших птиц тянулась к северу.

Врал все тот лысый со своим коньяком, понял Бессонов. Есть Арктида. Совсем недавно еще была. Истряслось у них там что-то жуткое...

Вдали бабахнуло. Еще раз. Они обернулись, Бессонов поднял к глазам бинокль. У халупы стоял и бурно жестикулировал Магадан.

Надо понимать, ужин готов. (Бессонов, как старший по званию, освободил Юрика от кухонных работ. Заявил: имеет место некий феномен, надо разобраться, а больше лейтенанта Стасова никто тут в орнитологии не понимает.)

И они пошли ужинать.

Хотя есть Бессонову не хотелось. Совершенно.

* * *

На столе, как положено, стояла бутылка «шила». Небольшая, литра на два.

Бессонов взял налитый стакан – чисто на морально-волевых, пить тоже абсолютно не хотелось. Сделал глоток-другой... На третьем все полезло обратно.

Магадан гыгыкнул одобрительно – самим, дескать, больше достанется. Карбофосыч пробурчал что-то о разучившейся пить молодежи. Бессонов посмотрел на них с глухой неприязнью и вгрызся зубами в гусиную ножку. Мясо оказалось жестким – то ли не успело протушиться, то ли птицы действительно летели из неимоверного далека и ни капли жира у них не осталось...

Бессонов отложил надкушенный кусок и отсел от стола. Сослался на нездоровье. Разобрал вертикалку и занялся чисткой: механически, тупо гонял по стволам шомпол, меняя насадки – железная щетка, вишер, ерш; капал масло из масленки... Думать ни о чем не хотелось.

Карбофосыч тем временем строил великие планы. На бударе, говорил он, вся добыча не поместится, надо брать в долю майора Завгороднего и вывозить на казенном катере – народ в городке устал жевать оленину, свежати́на пойдет влет; Завгородний заодно и бойцов побалу́ет, пусть поедят утятинки вместо тушенки – а консервы недолго толкануть через про́дмаг, через Петровну и Машу – тут Карбофосыч искоса глянул на Бессонова – тот скривился, как от зубной боли. Магадан, которому прапорщик тоже пообещал долю, радостно скалил два золотых клыка – и казался похожим на опустившегося и битого жизнью, но когда-то аристократичного вампира... Бессонову было тошно.

Закончив чистку, он посмотрел сквозь стволы на керосиновую лампу (электричества у Магадана не водилось). Зеркально-чистые. Можно снова стрелять... Крики подлетающих стай слышались даже сквозь стены.

Слегка осоловевший прапорщик (не выпивший, однако, ни капли) полез в карман. И достал вместе с зажигалкой совсем было забытую бумажную полоску – ту, с гусиной лапы.

Небрежно кинул на стол – шифрованная она там или нет, но игры в шпионов в грядущий гешефт никак не вписываются. Магадан порылся в каком-то закутке, куда не доставал свет от керосинки, и вытащил кучу аналогичных бумажек. Все заинтересованно склонились над столом, даже Бессонов отложил ружье и подошел поближе.

То же самое – последовательности непонятных значков. Тексты (если это тексты) разные, но начинаются все одинаково – словом из пяти букв(?), где первая и последняя похожи на букву «У», нижняя палочка которой опирается на две горизонтальных, одна над другой, черты...

– Ну так чё, отбашляют где-нибудь за старанье-то? – гнул свое Магадан.

– Письмо пошли в академию наук, – равнодушно посоветовал Толик.

– Не отбашляют... – загрустил Магадан. – Туфта все это. Тут вон еще какая хренотень есть...

Он вновь порылся в том же закутке, злобно шлепнул на стол еще одну бумажку.

– Вот. Шутки шуткуют... их мать в... и обратно!

Это был детский рисунок. Лицо – круг, его черты – две точки и две закорючки. И – четырехпалые руки, коряво нарисованные прямо от головы, без какого-либо намека на плечи или шею. Протянутые вперед руки. Снизу – надпись неровными буквами. То же самое слово, начинающееся с псевдо-У и им же заканчивающееся. Писавший не рассчитал расстояние, подпись загнулась, последняя буква лежала на боку.

– Похоже, кто-то из яйцеголовых в экспедицию с дитем поехал... – неуверенно сказал Толик.

Остальные промолчали.

– Гниды, – сказал Магадан и попытался разорвать рисунок. Но бумага (или все же не бумага?) не поддалась его узловатым, загорбелым пальцам.

Бессонов – щелк, щелк, щелк – собрал ружье. Зачем-то вставил патроны – в рюкзаке еще оставался запас.

Магадан витиевато выматерился и поднес детский рисунок к огоньку зажигалки. Тот сначала долго не хотел загораться (Магадан снова выматерился), потом нагрелся – из внезапно открывшихся пор как бы бумаги выступили мелкие капельки жидкости – и вспыхнул быстро, ярко, как артиллерийский порох. Магадан отбросил рисунок – испуганно. Квазибумага упала на затоптанный, грязный пол и сгорела дотла, не осталось даже пепла.

Бессонову показалось, что жидкость, выступившая в последнюю секунду существования бумаги, была ярко-алая, как артериальная кровь. Впрочем, в красновато-коптящем свете керосинки Магадана все вокруг казалось окрашенным в не совсем естественные цвета.

Магадан снова растянул морщинистую харю в ухмылке. Бессонову вдруг остро захотелось выстрелить ему в голову. Или – упереть стволы себе в кадык и попробовать дотянуться до спускового крючка. Он торопливо вышел, почти выбежал из хибары. Юрик Стасов что-то встревоженно спросил вдогонку – Бессонов не услышал.

* * *

К острову Стрежневому подлетала новая стая. С севера.

Лебеди – их можно было узнать издали, еще не видя, лишь по особенному, зычному, далеко разносящемуся крику... Стая могучих птиц шла высоко, совсем не похожая на выбивающихся из сил пичуг, с трудом достигших Стрежневого.

Заходящее, самым краешком торчащее над водой солнце освещало стаю – и казалось, что белые лебединые перья окрашены в нежно-розовый цвет.

На остров птицы не обратили внимания – прошли над ним, не снижаясь, не выбирая места для посадки... Полетели к материку. Приглушенный хлопок выстрела, раздавшийся внизу, ничем не нарушил их полета.

Солнце исчезло. Алая полоса на западе погасла, но совсем темно не стало – рефракция вытягивала какую-то часть света из-за горизонта.

Лебеди обязаны были превратиться в этом освещении из розовых в тускло-серых – но отчего-то не превратились. Наверное, и на самом деле оказались розовыми...

Любимая

Тропинка едва заметна. Тростник стоит зеленой стеной, метелки тихо шелестят над головами. Джунгли. Кажется, вот-вот затрещат под тяжелой поступью стебли и кто-то огромный, чешуйчатый, жутко древний – протопает, не выбирая дороги, пересечет наш путь, мы замрем и оторопело будем смотреть, как исчезает в зарослях волочащийся за ним длинный хвост...

– Здесь, правда-правда, никого никогда не бывает? – спрашиваешь ты.

– Конечно, любимая. Никого никогда. Только ты и я. Мы с тобой...

– А кто же тогда протоптал тропинку?

– Не знаю... Может, кабаны?

Ты громко и заливисто смеешься. От звонкого смеха все древние и чешуйчатые позорно бегут, трусливо поджимая длинные хвосты... Кабаны, обиженно похрюкивая, спешат за ними. Кабаны здесь – в пятидесяти верстах от огромного города! – действительно бывают. Но тропинку протоптал я.

Долина постепенно понижается, под ногами должно уже зачавкать, но не чавкает: все высохло, лето очень жаркое. Заросли вдруг кончаются, травянистый склон, вверх – и мы пришли.

– Красота... – почти шепчешь ты. А потом вскидываешь руки над головой и протяжно кричишь: – Красота-а-а-а-а!!! – Так кричат в горах, ожидая услышать эхо.

Но эха здесь нет. Это место тишины, оно не любит громких звуков – и крик далеко не уходит – гложет, вязнет в зеленой подкове тростника, окружившего, прижавшего к реке этот невесть как оказавшийся в болотистой пойме взгорок. Крик никому не слышен.

Вещи ложатся к подножию березы – огромной старой березы, единственного здесь настоящего высокого дерева. Туда же летят мои джинсы и твой брючный костюмчик. Береза – маяк, ориентир в пути через тростниковые джунгли. Если ее вдруг срубят, совсем непросто будет отыскать путь на этот чудо-островок, найденный мною в низменной речной долине.

– Сюда и в самом деле никто не приходит. Посмотри на эту березу – чиста, бела и непорочна. Ни одного автографа побывавшего Васи, ни одного объяснения в любви, даже банального «Танька – дура!» и то нет...

Ты внимательно исследуешь бересту.

– Бедненькая! Такая старая – и до сих пор девственница... – неожиданно обнимаешь дерево, прижимаешься щекой к стволу. – Я буду любить тебя! Ты согласна?

Какая-то пичуга срывается с ветвей и улетает – рассказать подругам о невиданном зрелище. О девушке с яркими рыжими волосами и в ярком бирюзовом купальнике.

– Жалко, что Наташки с нами нет... Она любит такие места. Давай в следующий раз устроим тут шашлыки и ее пригласим тоже? Ой, здорово я придумала! Точно, шашлыки на необитаемом острове! Ведь это необитаемый остров?

– Необитаемый. И остров – весной, в половодье...

– Значит, решено – шашлыки! И Наташку приглашаем!

Наташка... Ты до сих пор считаешь ее подругой. Когда-то мы дружили втроем... Теперь нас двое... Молодая семья. Их тоже двое – растит сына. Встречаемся очень редко. Иногда захожу к ней в гости – вроде и не гонит, но... На шашлыки Наташка, конечно, не поедет.

...Мы стоим на высоком берегу. Река невелика – от силы метров пятнадцать в ширину. Песчаный обрыв изрыт ласточками-береговушками. У самой воды мелкий, удивительно желтый песок лежит нешироким горизонтальным уступом – мини-пляж, очень удобно заходить в воду. Но не стоит. Вода хрустально-прозрачна и, я знаю, холодна как лед. Даже в июле.

Ижора – родниковая речка. Уже потом, протекая мимо знаменитого своими заводами Колпина, и мимо Коммунара, тоже знаменитого – бумажными фабриками, и мимо ничем

не знаменитых совхозных коровников, – только потом, через много километров она превратится в огромную и теплую сточную канаву, не замерзающую даже зимой. А здесь, в верховьях, можно смело пить речную воду и купаться – если, конечно, имеешь навыки моржа и не боишься простуды...

– Смотри, милая! – Я с силой топаю.

У ласточек начинается легкое землетрясение – они черно-белыми молниями выскальзывают из нор, чертят над самой поверхностью стремительные зигзаги. Ты восхищенно взвизгиваешь, когда одна выстреливает буквально из-под наших ног.

– Какие длинные... – Это уже про водоросли, ты наклоняешься и смотришь вниз, в прозрачно-загадочный мир. Здесь глубоко, но прекрасно видны у дна упругие зеленые ленты, вытянутые течением, колеблющиеся, извивающиеся... Как роскошные волосы утопленницы...

– А в них что-то есть... эротическое... – Ты оборачиваешься и кладешь ладони на мои плечи. – Люби меня! Здесь! Сейчас!

Да, любимая... Ну как отказать тебе, такой прекрасной и солнечной?

Ты спускаешься к реке (купальник остался где-то там, у березы), пробуешь вытянутой ногой воду, с визгом отскакиваешь. Идешь вдоль берега, всматриваясь в глубину... И проходишь чуть дальше, где к воде спускаются небольшие кустики.

– А это что такое? Ты же говорил: никто не бывает... Только мне одной... Обманул-обманул-обманул! Противный мальчишка...

Я подхожу. В кустах спрятаны два предмета явно не природного происхождения: чуть тронутая ржавчиной штыковая лопата с потемневшей ручкой и свернутый мешок – тоже не слишком новый.

– Не знаю, – задумчиво говорю я. – Здесь очень чистый и мелкий песок. Возможно, изредка приплывают за ним из деревни. Забыли или оставили до следующего раза...

Но ты уже смотришь по сторонам подозрительно – на берег, в воду... И начинаешь испытывать видимое беспокойство из-за отсутствия купальника. Совершенно напрасно, милая...

– Фу-у-у... А тут что еще за очистки?

– Это не очистки. Это раки линяли, сбрасывали старые панцири. Их здесь много...

Все подозрения мгновенно забыты.

– Раки! Как здорово... Хочу рака! Ты поймаешь мне рака, пусик, да?

Конечно, любимая, я поймаю тебе рака.

Вода ледяная, а раки понастроили свои фортеции глубоко – чтобы просунуть руку в нору, приходится погружаться почти по шею. Конечности угрожают ответить жесточайшей судорогой на такое издевательство, а мой вконец шокированный маленький дружок панически ищет убежища, пытаюсь втянуться куда-то в глубь живота. Ход длинный и извилистый, окоченевшие пальцы зацепляются за подводные корни... Наконец! Что-то живое и колючее больно щиплет, я не обращаю внимания, цепко ухватываю подводного жителя и пулей вылетаю на берег. На теплый солнечный берег.

– Ос-с-сторожно! Б-б-бери вот здесь – тогда не дотянется клешней. Это самка, в-в-видишь: икринки под брюхом?

– Как не стыдно! Разве можно обижать беременную женщину?! – Рачиха шлепается в воду и поспешно удирает. – Поймай мне другого рака! Зайчик, ты можешь поймать рака без икры?!

Д-д-да, м-м-м-милая... я могу поймать другого рака. Их здесь много.

... Усатый пленник исследует наполненный водой пакет, а ты – его.

– Ну надо же, в жизни живого не видела... Совсем как лобстер, только маленький. Я придумала-придумала-придумала! Мы свезем его в подарок мамулику и сварим! И съедем!

Конечно, любимая... Мы поедем к мамулику, и наш охотничий трофей гордо возляжет в центре антикварного блюда, обложенный и украшенный редкими вкусоностями и вкусными

редкостями... И мамулик станет щебетать точь-в-точь твоим голосом, у вас очень похожие голоса... Папулик, как всегда, будет наливать «Абсолют», оставляя следы пальцев на запотевшей бутылке... А чуть позже ухватит с блюда кроваво-красного рака, хлопнет водки и скажет: «Вздумаешь обидеть или обмануть дочурку – вот так сделаю!» Толстые пальцы разорвут уса того беднягу пополам, крепкие зубы захрупают рачьей шейкой вместе с панцирем – потом все это месиво ляжет смачным плевком на скатерть, и золотая цепь заколышется на побагровевшей шее папулика в такт его смеху. И я, как всегда, буду пить водку – потому что без нее плохо.

– Ой, котик, ну как здорово, что мы сюда выбрались! Разве дома такое увидишь?!

Нет, конечно. Много чего можно увидеть в нашей трехкомнатной квартире, но только не это. Ты прижимаешься ко мне, целуешь в висок.

– Спасибо, милый, за это место!

– Я давно хотел привезти тебя сюда... Любимая.

Очень давно.

Мои пальцы стискивают горло бутылки, штопор легко входит в тугую пробку. Паутина на деревянном ящичке кажется синтетической. Твое излюбленное вино. У нас сегодня праздник – сто недель вместе. Ты любишь некруглые даты. Сто дней, пятьсот дней... Годовщины тебе скучны: родня, гости, подарки, речи и поздравления... А сто недель мы отметим вдвоем. Сто недель вдвоем – звучит почти как сто лет одиночества...

Я режу закуску. Получается неровно – нож слишком длинный и острый. Или это подрагивает рука?

Ты снова обнимаешь березу.

– Как тут здорово, зайчик! Как бы я хотела остаться тут навсегда...

Хорошо, любимая. Когда и в чем я мог тебе отказать?

Мальчик-вампир

Утро, похожее на ночь, – светает поздно.

В подъезде старого фонда – пещерная тьма. Лампочка разбита или вывернута. Свет фонарей сочится с улицы – и вязнет в липком темном воздухе.

Женщина. Немолодая, в руках две кошелки.

Спотыкается, глаза не приновились к смене освещенности. Ступает осторожно, вытянутая рука шарит, ищет стенку. Спотыкается снова – на мягком. Испуганно вздрагивает. Кошка? Пьяный?

Проворно поднимается, нащупывая ногами ступени. Площадка, первая дверь – ее. Отпирает неловко, одной рукой, кошелки в другой. Шаг – и она на своей территории. Вспыхивает свет, груз опускается на пол. Оборачивается закрыть дверь и (зачем? зачем? ей ведь это не нужно, неинтересно, она дошла, она дома) поневоле бросает взгляд назад. Туда, где споткнулась.

Рвущийся из двери неправильный прямоугольник света. В нем – там, на семь ступенек ниже, – ноги. Пьяный?.. Нет. Ноги женские – ажурные колготочки, изящные полусапожки. Или пьяная, или...

Женщина не хочет этого, но делает шаг. Обратно, за порог. Граница света и тьмы резка, как шрам от бритвы. Шорох сзади и слева. «Кто, кто здесь?» Это не крик – испуганный шепот. Тот, кто во тьме, не отвечает. Он прыгает. Женщина сбита с ног. Успевает увидеть клоунскую маску лица – красное на белом. Огромный красный рот. Клоун грустен, и это не улыбка – это оскал. Больше женщина не успевает ничего.

За три квартала оттуда. Накануне. Вечер.

Левый угол рта приподнимала неприятная усмешка, обнажая длинный, желтый, слегка изогнутый клык. Вниз по подбородку тянулась струйка темной венозной крови... Лицо – смесь туповатого инфантилизма и зверской, исконно-животной жестокости.

Словом, клевая маска – Мальчик-Вампир, герой одноименного сериала, ничем не отличался от своего экранного прототипа. И стояла игрушка, надо думать, денег немаленьких. Но Эдик Захаров, щедрая душа, деньги никогда не считал и не жалел (отцовские, разумеется).

Оказалось, что снаружи маска Мальчика куда привлекательней, чем изнутри. Внутри она воняла резиной и липла к лицу. А глазные отверстия никак не хотели совпадать с глазами надевшего...

Посему игра в Мальчика-Вампира не затянулась – Борис и Танька, примерив личину, наотрез отказались исполнять главную роль. Подавляющим большинством голосов (три «за» при одном воздержавшемся) Вампиром был назначен Димка, сосед Эдика по площадке. Щуплый, невысокий парнишка – он был самым тихим и безответным в их маленькой компании.

Вдохнув, Димка снял очки и натянул маску.

Эдик погасил свет – игра началась. Со стороны это напоминало жмурки: Димка, и без того близорукий, мало что видел из-под маски в слабом свете уличных фонарей, сочащемся с улицы. И монстр в его исполнении неуверенно ковылял по Эдиковой квартире, расставив руки. Натыкался на мебель. Уныло завывал вампирским голосом. Сюжету это, в общем, соответствовало – теле-Мальчик был силен и свиреп, но несколько медлителен и неповоротлив.

Остальные прятались по углам, визжали и делали вид, что до смерти напуганы. Квартирка у Эдика была *не очень* (по мнению Таньки и Бориса) – всего четыре комнаты. Но просторная, в старом фонде, чуть не полторы сотни метров общей площади – играющим было где разгуляться.

Но главные герои подростковых игр и сериалов обязаны, попереживав и вдоволь натерпевшись страхов, побеждать прожорливую нечисть... Эдик, укравшийся в тесном закутке

между музыкальным центром и компьютерным столиком, выбирал удобный момент для атаки на малолетнего упыря.

– Ральф! Спаси меня, спаси, спаси-и-и... – томным голосом Танька процитировала положительную героиню Луизу, отобедать которой Мальчику-Вампиру все никак не удавалось в добром десятке серий кряду.

Она, завизжав, увернулась от вурдалачьей лапы и протиснулась в убежище Эдика.

– Спаси-и-и!!!! – Пронзительный визг перешагнул ультразвуковой барьер.

А Танька постаралась как можно плотнее прижаться грудью к плечу Эдика.

– Возвращайся в ад! – выкрикнул Ральф-Эдик ритуальную фразу и пронзил острым колом сердце ненасытного кровопийцы.

Ну не совсем пронзил и не совсем колом... Но конец принадлежавшей фокстерьеру Чарли палки-поноски весьма чувствительно ткнулся Димке в ребра, отбросив его и заставив совсем ненаигранно вскрикнуть.

– Вампир повержен! – радостно объявил Борис и включил свет, ему душераздирающий визг сестры успел порядком надоест. И он мрачно-торжественным голосом добавил финальную реплику: – Но иногда они возвращаются...

– Еще разочек? – бодро предложил Эдик.

Димка, пытающийся восстановить дыхание после удара, молча покачал головой и стал стягивать маску.

– Ну ты салабон... – презрительно процедил Эдик. – Подумаешь, горе-то – тыкнули палкой разочек...

Других желающих побыть Мальчиком не нашлось.

Димка, кривясь от боли и массируя грудь, подошел к столу, низко наклонился и стал искать свои очки среди индийских статуэток, поиск которых в антикварных магазинах был любимым увлечением матери Эдика.

В прихожей раздался звонок.

– Ну вот... – обиженно надула губы Танька.

– Слишком рано, – усомнился Борис, бросив взгляд на украшавший запястье «Ролекс» (подарок отца на окончание седьмого класса). – И обещали позвонить, подъезжая...

Их с Танькой родители должны были приехать вместе с Эдиковыми с какой-то презентацией и забрать чад от Захаровых. Эдик прислушался к доносящемуся из необъятной прихожей свирепому лаю Чарли и безапелляционно заявил:

– Не они. Чарли, знаете, какой сторож? Через две двери своих от чужих отличает!

Дверь приоткрылась на длину мощной хромированной цепочки. Бесцветный мужичок неопределенного возраста, щеголяющий в майке, шлепанцах и вытянутых на коленях тренировочных штанах, попытался подозрительно заглянуть в квартиру:

– У вас тут, эта, все в порядке? А то, эта, никак кричали...

– Играли мы. Иг-ра-ли. – Эдик повторил последнее слово с разбивкой на слоги, словно объяснял дефективному, и, широко распахнув глаза, уставился на пришельца: дескать, есть еще вопросы? А если нет, то проваливай.

Мужичка явно распирали длинная тирада о неуместности шумных игр в десять часов вечера, об общей развращенности молодого поколения вообще и дурных наклонностях Захарова-младшего в частности. Но связываться с Эдиком и его родителями он не решился.

– Ну ладно... – понуро начал что-то мямлить сосед, когда дверь с лязгом захлопнулась перед его носом.

– Чем займемся? – проделав ряд хитрых манипуляций с многочисленными замками, Эдик повернулся к компании.

– Может, кино посмотрим? – робко поинтересовался Димка. Вне зависимости от показываемых фильмов ему нравился сам процесс созерцания огромного плоского экрана домашнего кинотеатра.

– Да сколько ж можно на него пялиться... – недовольно протянул Борис.

Действительно, два с половиной часа из этого субботнего вечера у них занял просмотр очередных серий Мальчика-Вампира. (Отец Эдика, посмотрев как-то случайно минут пять любимый сериал сына, категорически запретил отпрыску даже приближаться к телевизору в часы и дни показа. О том, что можно купить подборку дисков и заниматься просмотром в любое удобное время, папа как-то не подумал.)

– Точно, у нас еще час с лишним... Сыграем еще во что-нибудь? – жизнерадостно предложил Эдик.

Танька промолчала. Уже несколько месяцев ей все сильнее хотелось поиграть с Эдиком в *другие игры*. Особенно после того, как задушевная подруга Иришка, раздвываясь от гордости и используя романские обороты, рассказала, как у нее произошло *это*. Танька же считала, что всегда и во всем первой среди подруг может быть только она...

Но Эдик, ее ровесник, оставался еще пацан пацаном – целовался пару раз с ней, но, похоже, просто из детского любопытства – и все. Вот и сегодня: заманил с необычайно таинственным видом в чулан-кладовку и... продемонстрировал извлеченные из какого-то тайника два кошачьих скальпа – охота с подаренной отцом мощной пневмашкой увлекала его куда больше, чем общение с прекрасным полом в лице Таньки...

– Бли-ин, совсем забыл! – хлопнул себя по лбу Эдик и выскочил в соседнюю комнату. – Во! В это мы и сыграем! – гордо объявил он, вернувшись через минуту-другую.

В руках у него была книга – старая, пожелтевшая, в потрепанной бумажной обложке.

– Что это? – подозрительно спросил Борис. Книжки как форма проведения досуга его совсем не привлекали.

– «По Флауэру и Тарханову», понял? – прочитал Эдик наверху обложки, где обычно ставится имя автора, и наставительно поднял палец вверх. – «Самоучитель гипнотизма», прикинь, а? Самому можно научиться! «Какъ стать гипнотизеромъ. Заставьте окружающихъ подчиниться вашей воле», – с расстановкой, значительно, прочитал он еще ниже на обложке.

Заинтересованный Борис потянул самоучитель у него из рук. Подчинять других своей воле ему очень даже нравилось. Еще ниже на обложке змеились загадочно изогнутые буквы: «*Таинственныя силы внушенія*». И совсем внизу, мелким шрифтом:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія 1-ой Спб. Трудовой Артели. – Лиговская, 31
1912.

– Древняя, может, еще дореволюционная... – уважительно сказал Борис.

– Ты чё, дурной? До революции царь был. А тут – трудовая артель. Сталинская, факт. – Эдик говорил твердо и уверенно.

Димка, смотревший на самоучитель из-за плеча Бориса, с сомнением покачал головой, но оставил мнение при себе. Он вообще предпочел бы сыграть во что-нибудь спокойное и безобидное. В шахматы, например.

– Я тут в главное уже въехал. Все просто... Берем блестящий предмет...

Выступать в роли гипнотизируемого (по книжке – *медиума*) Борис наотрез отказался. Он не слишком внимательно, перелистывая при этом книгу, смотрел, как Эдик водит взятой с отцовского стола золоченой зажигалкой перед носом глупо хихикающей Таньки, первого добровольца.

Взгляд Бориса зацепила картинка – несколько человек в старомодной одежде (дамы в юбках до полу, мужчины в светлых летних костюмах) окружили гипнотизера, вперившего

магический взгляд в одного из них. Дело происходило на большой открытой летней веранде; гипнотизер выделялся среди всей компании черным фраком и необычайно внушительным видом – Эдику в его тренировочном костюме было до этого салонного мага далеко.

...Танька, одеревенело уставившись в одну точку, поднялась со стула и неподвижно выпрямилась.

– Ты балерина! Ты... ну эта... Волочкова, во! Танцуй! – Эдик командовал голосом повелительным и более низким, чем обычно разговаривал.

Танька начала выполнять какое-то движение, но не выдержала, громко расхохоталась – смеялась долго, до выступивших слез; не в силах ничего сказать, упала на диванчик и показывала на Эдика пальцем.

«...Выбрать одного, показавшегося по внешности наиболее способным к восприятию внушения...» – прочитал про себя Борис, спотыкаясь на ятях и твердых знаках.

«Да уж, Танька у нас только по внешности и способная, да все что-то не на то способная», – подумал Борис скептически, он вообще не сильно верил в гипноз, телепатию и прочую медитацию-левитацию...

– А что так слабо заказал, Эдичка? – Танька наконец просмеялась и игриво поглядывала на Эдика. – Мог бы уж попросить сразу танец со стриптизом...

«Тебе бы только сиськи кому показать, дура... – мысленно констатировал брат несостоявшейся Волочковой. – Достал этот придурок со своими идиотскими играми... Сейчас Димку начнет гипнотизировать, куда тот денется... Будет изображать для Эдика всякие фортели, он и без всякого гипноза тут по стойке смирно стоит и по струнке ходит...»

Борис как в воду глядел. Эдик, не разочарованный первой неудачей, принялся за Димку. Новые опыты по проверке внушаемости прошли успешно: после уверений доморощенного мага в своей над ним власти Димка сначала не смог поднять руки с подлокотника кресла, а потом расцепить сцепленные пальцы – и весьма успешно при этом, по мнению Бориса, изображал легкий испуг и удивление. Довольный Эдик снова начал шаманить с отцовской зажигалкой:

– Смотри внимательно. Не отводи взгляда. Ты видишь только этот предмет и слышишь только мой голос. – Эдик говорил настойчиво, но монотонно; блестящая зажигалка покачивалась перед глазами Димки, медленно приближаясь к ним. – Твои руки отяжелели, ты не можешь их поднять. И не пытайся, твои глаза закрываются, ты засыпаешь, но продолжаешь слышать мой голос...

Димка послушно прикрыл глаза и ровно задышал.

«Да уж, – решил Борис, – чего бы ему не потешить Эдика, пока тот еще какую игру покруче не придумал...»

– Ты спишь, но продолжаешь слышать мой голос... Сейчас ты отроешь глаза и встанешь, но будешь продолжать спать... Встань! Открой глаза! Ты не видишь и не слышишь ничего вокруг, только мой голос, и делаешь только то, что скажу я...

Димка встал и открыл глаза. Танька, с любопытством наблюдавшая за этим камланием, удивилась, как он умудрился изобразить такой невидящий, абсолютно отсутствующий взгляд – глаза смотрели не на что-то одно в комнате, а вообще, на все сразу и ни на что конкретно.

– Вытяни руки ладонями вперед!

Димка вытянул.

– Сейчас я положу на них два предмета, они легкие, ты можешь держать их сколько угодно!

Эдик метнулся к подоконнику, тут же вернулся с двумя цветочными горшками и поставил их на подставленные ладони.

«Точнехонько по третьей главе шпарит, прямо из книжки», – догадался Борис.

А Эдик гордым жестом показал на застывшего статуей Димку.

– Ну и что тут такого? – разочарованно спросила Танька.

– А вот сама попробуй! – Эдик принес еще один горшок и поставил на ее ладонь.

Горшочек, как и те два, был не особенно большой и тяжелый, но верхушка цветка (Борис не знал его названия) колебалась из стороны в сторону, делая видимой мельчайшую дрожь ладони. Два первых стояли абсолютно неподвижно.

– Поняла? Под гипнозом, знаешь, сила какая? Цепи рвать можно...

Цепей для проверки под рукой не оказалось. Борис решил разоблачить шарлатанство иным способом.

– Значит, ничего не видишь и не слышишь, – зловеще протянул он, надвигаясь на Димку; осторожно, двумя пальцами, снял с него очки и положил на стол. – Не видишь, значит...

Он широко размахнулся и ударил Димке в глаз, остановив летящий кулак в паре сантиметров от его лица. Никакой заметной реакции у Димки не было, и не один листочек на цветах не дрогнул.

«Сейчас я его отучу прикидываться», – подумал Борис.

И сказал, подражая повелительному тону Эдика:

– Ты – собака! Вставай на четвереньки и лай!

Димка никак не отреагировал.

– Он сейчас только мой голос слышит, факт, – самодовольно объявил Эдик, снимая горшки.

В отличие от Таньки и ее брата, он ничуть не сомневался в своих талантах гипнотизера. И прежним командным голосом повторил приказание Бориса.

Димка лаял размеренно, как заведенный, – один «гав» в две секунды. И, как ни странно, очень правдоподобно получалось: даже Чарли в прихожей захлебнулся в ответном лае, уверенный, что в доме чужая собака.

Эдик выбежал из комнаты, потащил упирающегося пса на кухню. И прикрыл все двери, находящиеся между Чарли и гостиной, где они развлекались.

– Замолкни, хватит, он ушел, – раздраженно сказала Танька, которой происходившее все меньше нравилось. – Замолкни, я сказала!

Димка продолжал монотонно тьявкать, из угла его рта тянулась липкая ниточка слюны... Вернулся Эдик; звуки, производимые Чарли, были теперь почти не слышны.

– Встань и не лай! Ты теперь не собака! – скомандовал Эдик и добавил нормальным голосом, обращаясь к друзьям: – Что бы еще придумать? Может, положим пятками и затылком на два стула – будет лежать прямо, не прогибаясь.

– Надо огнем прижечь. Он не должен ничего почувствовать... – громко и злорадно сказал Борис, внимательно вглядываясь в лицо Димки.

Он все-таки надеялся разоблачить шарлатанство. Но на лице и в пустых глазах Димки ничего не дрогнуло.

– А что, можно... легонько так, сигаретой... – оживился Эдик, двинувшись было к бару, где лежали отцовские запасы. Но тут его осенило: – Ты – Мальчик-Вампир! – заорал Эдик. – Сожри нас! Сожри!!!

И захохотал, жутко довольный выдумкой.

Плечи Димки опустились, он весь как-то сгорбился, ссутулился – кисти рук со скрюченными пальцами почти касались теперь колен. Левая половина губы приподнялась, и Борису показалось, что появившийся клык длиннее обычного. Совсем чуть-чуть, но длиннее.

А Димка медленно, все с тем же пустым взглядом, двинулся на Эдика; пластика его движений напоминала сейчас теле-Вампира гораздо больше, чем полчаса назад, когда он был в маске. Эдик ухмыльнулся и приготовил свой «осиновый кол» – в смысле, палку-поноску... Борису это совсем не понравилось, он почувствовал легкую тревогу... непонятно за кого... за Эдика? за Димку?

– Хватит! – Борис несколько даже неожиданно для себя самого шагнул вперед и преградил дорогу Димке.

Тот оттолкнул его в сторону. Оттолкнул? Черта с два, отшвырнул, как тряпичную куклу, – Борис, на два года старше и на пятнадцать килограммов тяжелее Димки, с хрустом врезался в сервант, отлетев на три с лишним метра.

Звон разбитого стекла; сверху сыплются, чувствительно бьют по плечам и голове всякие безделушки; и боль, резкая боль в боку и плече.

«Убью урода!..» Борис пытается вскочить на ноги резко, рывком и немедленно приступить к расправе – и стонет, едва удержавшись от крика, – что-то острое там, внутри, реагирует на каждое движение – пронзает грудь беспощадной болью, тут же отдающейся во всем теле...

По ушам бьет истошный визг Таньки. Борис поднимается – медленно, прижимая ладонь к ребрам. Бойтся даже глубоко вздохнуть и, только поднявшись, смотрит на Димку и Эдика.

Эдик лежит на спине. Не шевелится. Лица его не видно, лицо закрывает затылок Димки, стоящего над ним на четвереньках. Голова Димки быстро мотается из стороны в сторону. («Чарли, – мелькает неуместная мысль, – так Чарли, еще щенком, трепал шнурки на ботинках гостей...»)

Борис шагает к ним, кривясь от боли и сильно наклоняясь вправо. И застывает... Нет! Не может быть! Показалось...

Не показалось.

Борис видит это, видит в неестественно ярких красках, как на экране разрегулированного телевизора: из-под Димкиной головы, снизу, там, где Эдик, – далеко в сторону ударяет тугая ярко-алая струя, расплескавшись лужицей по паркету.

«Как же... надо скорей... это ведь... спятил... скорую... родители... скорей... заткнись, дура... зачем... спятил, точно спятил...»

Мысли Бориса мечутся стремительно, как рикошетирующие от стен пули, – осколки, обрывки, обломки мыслей. Но сам он застывает, парализованный нереальностью происходящего. Струя слабеет быстро, но кровавая лужа под головой Эдика растет...

Танька замолкает мгновенно и неожиданно, словно кто-то дернул рубильник воющей сирены, за спиной стук ее каблучков. Борис не оглядывается – когда она смолкла, стали слышны другие звуки – причмокивание на фоне утробно-низкого урчания...

Борис хорошо помнит их – именно с таким звукорядом пожирал своих жертв Мальчик-Вампир в темноте подвала, чердака или кладбища (цензура не пропускала слишком натуралистичных кровавых сцен в подростковые сериалы).

Борис кричит – бессвязно, высоким голосом:

– Димка-а! Мудак!! Ты... – Он осекается, потому что...

...Димка резко мотает головой, и кусок чего-то красного отлетает в сторону. С сырым шлепком прилипает к полу.

Взрывной позыв рвоты – в доли секунды она проходит путь от желудка к пытающимся что-то крикнуть губам. Борис корчится, пытаясь согнуться, но зазубренные ножи боли рвут грудь – и он стоит почти прямо, когда рот наполняется горячей едкой жижой и она, лопнув на губах зловонным пузырем, льется на рубашку и на пол...

Мальчик-Вампир поднимается.

Залитое кровью лицо поворачивается к Борису.

Глаза пусты – ни следа ярости, гнева, ненависти или бешенства.

И это еще страшнее.

Окровавленный рот улыбается. Улыбка похожа на оскал. Рот полуоткрыт, и внутри – на зубах, на языке, на деснах – тоже кровь. Борис хрипит, выплевывая остатки рвоты, разворачивается и бежит... нет, ковыляет... Сломанные ребра вновь включают свою мясорубку.

Он спешит, сам не понимая куда, лишь бы не видеть эту кровавую маску и то, что лежит на полу...

Прихожая. Танька у дверей.

Она, как ни странно, не впала в безумную панику, застилающую все вокруг и не позволяющую бежать или сопротивляться. Она торопливо, ломая ногти, но вполне осмысленно возится с замками, запирающими входную дверь. Слышит за спиной шаги, вскрикивает коротко и отчаянно. Оборачивается, видит брата и, не теряя времени, вновь хватается за замки.

К Борису при виде сестры возвращается хоть какая-то способность говорить и думать – Танька реальная, настоящая, привычная. Непохожая на двух оставшихся за спиной персонажей фильма ужасов.

– Эдик... там... Димка его... – Он пытается выкрикнуть это, но голос звучит слабо, затравленно; Борис не может набрать полную грудь воздуха и выплевывает короткие полуфразы.

Танька, не слушая его, распахивает дверь – за ней другая, железная...

Слышны шаги в коротком, ведущем в гостиную коридорчике – медленные, шаркающие, но уверенные шаги Мальчика-Вампира. Он никогда не соревновался с преследуемыми в спринте – страх, вяжущий по ногам и рукам страх позволял ему всегда добираться в конце концов до горла визжащих от ужаса жертв...

«Ну открывай же... – мысленно торопит Борис сестру. – Эдик не запирает, просто захлопнул... быстрее... быстрее же, дура...»

Замок с каким-то секретом, или же просто Танька не знает, где нажимать и что в какую сторону крутить; она бы разобралась, она бы обязательно разобралась, будь у нее хоть чуть времени, но времени нет.

– В комнату! Запремся, позвоним... – Она хватается Бориса за рукав (он оцепенело смотрит на дверь, на несколько миллиметров стали, отделяющих их от свободы) и буквально тащит за собой. Он бежит медленно, еще сильнее крестясь набок и шипя от боли.

Спальня родителей Эдика. Заперта! Дальше...

Они заскакивают в его комнату, в последнюю по коридору. Дверь довольно прочная, из мореного ореха, и (спасибо Эдику, отстоявшему у родителей святое право на личную жизнь) на ней тоже замочек – немудреный, запирающийся изнутри одним движением латунной шишечки, – она поблескивает в сочащемся с улицы свете, искать на ощупь не приходится.

Танька запирается, едва ввалившись в комнату, – вовремя: за дверью шаги.

Радоваться рано, преграда хилая – верх двери застеклен. Стекло не сплошное – маленькие, разноцветные, толстые и мутные кусочки в прихотливо извивающемся деревянном переплете – прежнему Димке не преодолеть бы эту преграду, но... припереть чем-нибудь? Она не додумывает эту мысль...

– Свет, дура, свет!!! – задушенно, но достаточно громко хрипит брат, и Танька шарит у дверей в поисках выключателя.

«Телефон, бля, где у него телефон...» – Борис знает, что аппарата в комнате нет, но труба, Эдикиев коммуникатор, его не разрешали таскать в школу, и большую часть времени он болталась здесь...

Специальный держатель на стене, справа от учебного стола, – пуст. Раздолбай херов... Борис лихорадочно сбрасывает со стола кучу наваленной там всячины – бумаги разлетаются по комнате, дорогие игрушки падают и хрустят под ногами – и нет среди них только одной, самой сейчас нужной...

У Таньки, включившей свет, это действие словно отняло последний остаток воли, – она стоит у двери, не в силах отойти и помочь Борису в поисках...

Дверная ручка яростно дергается вверх-вниз. Танька сбрасывает оцепенение.

– Димка! Ты меня слышишь?! Очнись, Димка, игра кончилась... Ты слышишь меня?! Проснись, ты же Димка, ты не Мальчик-Вампи-и-и-ир!!!

Ее голос, сначала трогательно-умоляющий, срывается на бешеный крик... И тут Боря смеется – жутким, квакающим смехом, перешедшим в стон боли:

– Хе-хе-хе-у-уй-а-а, бес... бесполезно... он слышит только Эдика... а Эдик... хе-хе-ох-х...

Он перебрался от стола к стеллажу и бесцеремонно скидывает с него все на пол. Едва успевает поймать падающий кожаный футлярчик с коммуникатором – взрыв боли от резкого движения не может заглушить радость: сейчас, сейчас, он наберет две знакомых цифры – и все встанет на свои места, все вернется: психа заберут куда следует, через пару недель Эдик выйдет из больницы и с гордостью станет показывать украшающие мужчину шрамы, когда они со смехом начнут вспоминать происшедшее...

Коммуникатор у Эдика навороченный: хочешь – фотографируй, желаешь снять видеоролик – нет проблем, Интернет – легко и просто, гуляешь в незнакомом месте – не заблудишься, система глобального позиционирования всегда укажет правильный путь...

Но самое-то главное: как же по этой хрени звонить?!

«Сука-а-а!!! В вампиров ему играть... не мог нормальной мобилой обойтись...» – Борис безнадежно давит кнопки незнакомой модели, но на экранчике мигает лишь стандартная заставка «Яндекса»... Господи, ну всего-то набрать две цифры, всего прокричать десять слов...

Маленькое витражное стекло влетает внутрь комнаты. Рука с загнутыми крючками-пальцами ползет вниз, к замку...

Танька визжит. Отскакивает от дверей. Борис с размаху швыряет проклятый коммуникатор в окно – ни трещинки. Небьющиеся стеклопакеты, пропади они пропадом...

«Надо напасть, надо напасть сейчас, – мелькает у Бориса мысль при виде руки, с трудом проползающей, втискивающейся в узкое отверстие. – Пока он застрял, неужели мы вдвоем...»

Он сам не верит себе и знает, что даже вдвоем они ничего не сделают.

– Кладовка, – выдыхает Танька в ухо жарким шепотом, – он не найдет, он же ничего не соображает...

Кладовка – не то сильно разросшийся встроенный шкаф, не то чулан-недомерок – набита всяким барахлом. Здесь тесновато, могут стоять рядом двое, самое большее трое. На дверях, цельных и массивных дверях, ровесниках квартиры, – ни замка, ни задвижки...

...Танька жметя к нему в темноте, не обращает внимания на липкую, заблеванную рубашку; он отталкивает ее и шарит руками по стоящему на полу и на полках хламу...

«Подпереть... подпереть дверь... родители совсем скоро приедут... не сожрет же он их четверых разом...»

Под руки попадают лыжные палки, Борис лихорадочно пихает их в массивную дверную ручку, а в комнате щелкает замок и снова топают шаги – удивительно тяжелые для худенького двенадцатилетнего мальчика.

Может, он и не соображал ничего, этот Мальчик-Вампир, но инстинкт привел его безошибочно, прямиком к убежищу...

Дверь содрогается, с потолка сыпется мелкая штукатурная крошка.

«Дергай, дергай... только ручку оторвешь... – успокаивает себя Борис. – Попробуй-ка прогрызть эту дверку... лишь бы выдержали палки... лишь бы выдержали...»

– Кол! – выкрикивает Танька, уже не таясь. – Нужен кол, он его не убьет, но хоть остановит...

Остановит... до следующей серии... Борис снова шарит по кладовке, ничего подходящего нет (а дверь ходит ходуном от постоянных рывков) – пытается отломать доску от полки, но приколочено все на совесть. Ему кажется, что в кладовке стало светлей, он *видит* теперь то, что лихорадочно ощупывают пальцы. Он оборачивается – старые алюминиевые лыжные

палки заметно изогнуты, дверь чуть приоткрылась, свет льется в щель шириной в два пальца... С каждым рывком щель растет...

Борис видит и хватает с пола маленькую, в три ступеньки, деревянную лесенку (доставать вещи с верхних полок? неважно!) и с размаху бьет ей о стену. Потом еще, еще, еще... На боль в сломанных ребрах не обращает внимания. Радостно всхлипывает, когда в руках остается обломок лестницы с острым расщепленным концом.

Щель уже достаточно широка, можно просунуть хоть руку, хоть голову – но Мальчик-Вампир не спешит.

Борис сжимает кол, готовясь воткнуть его в *тварь* – не в Димку, слабака и неудачника, а в поганую кровожадную тварь. В Мальчика-Вампира. За секунду до того, как выпадают палки, согнутые в ломаную дугу, Борису представляется удивительно яркая картина: он стоит над проткнутым тщедушным тельцем и пытается объяснить приехавшей милиции, *кого* ему пришлось убить...

Мальчик-Вампир низко, очень низко пригибается и ныряет в полутьму кладовки. Борис промахивается и кричит, тут же захлебнувшись слабеющим хрипом. Танька вопит громко и долго, минуты две... Потом смолкает и она.

...Скрюченные окровавленные пальцы на удивление ловко справились с замком, не подавшись Таньке; Мальчик-Вампир бесшумно выскользнул на лестничную площадку. Он был очень несчастен – ничего не знающий и не помнящий о себе, не знающий вообще ничего, кроме терзающего голода, причиняющего постоянную невыносимую боль, – боль, которую могла на короткое время приглушить только горячая человеческая кровь...

Внизу, у входной двери подъезда, раздались голоса, два мужских и два женских, – беззаботные, весело перекликающиеся... Левый угол рта Мальчика приподнялся в очень неприятной усмешке, обнажая длинный, желтый, слегка изогнутый клык.

Биплан-призрак

1

Отчет об этом расследовании детективного агентства «Бейкер-стрит, 221» стоило бы начать с того утра, когда мы с Кеннеди получили по почте конверт, в котором лежали два роскошнейших приглашения.

Бумага приглашений была очень удачно стилизована под пергамент, исписанный готическим почерком писца. Псевдопергаменты приглашали нас на свадебное торжество, должностующее состояться неделю спустя Ост-Кемпене, штат Иллинойс.

Знакомых в этом городке мы не имели. Но и никакой ошибки с адресом не произошло. Приглашали именно нас. Мистера Кеннеди и доктора Блэкмор. Нет, я понимаю, что в этой стране мы с Кеннеди люди не последние – но звать нас на роль свадебных генералов, по-моему, еще рановато...

Еще можно было бы начать отчет о расследовании с вечера того же дня – с телефонного звонка, разъяснившего нам смысл загадочного приглашения...

Можно...

Но тогда давние события, во многом предопределившие более чем странный финал свадьбы, останутся за кадром. Поэтому начать придется со Столетней войны. Не с той, где по полям грохотали закованные в железо рыцари, а лучники Черного Принца стреляли в них из добрых тисовых луков, где Дева Франции вела в бой полки, а у стремени ее скакал верный оруженосец Жиль де Рэ, прославившийся позже в качестве многоженца и пытливого естествоиспытателя по прозвищу Синяя Борода.

Речь о другой Столетней войне. О второй.

Случившейся значительно позже и значительно ближе – в Иллинойсе. Но, как и первую, вели ее между собой британцы и французы. Вернее, потомки британцев и потомки французов.

А началось все с сущего пустяка...

Столетняя война I

Порой события мелкие, случайные и по видимости незначительные влекут за собой последствия глобальные, несоизмеримые по масштабу с породившими их причинами...

Если бы ранним утром 22 июня 1821 года не задул легкий восточный ветер, если бы стояло полное безветрие или дул ветер любого другого направления – Вторая Столетняя война, скорее всего, не началась бы... Или началась бы, но совершенно иначе, и события ее происходили бы совсем по-другому.

Но вскоре после теплого и тихого июньского рассвета задул и стал помаленьку крепчать именно восточный ветерок. В результате спустя пять дней полковник Илайя Кэппул схватился за грудь, пробитую двумя пулями из «дерринджера», и медленно оплыл под копыта своего жеребца, поводья которого не успел отвязать от коновязи... Так началась Вторая Столетняя война – начавшие ее люди, конечно, понятия не имели, что протянется она дольше века. Они, надо думать, и про Первую Столетнюю не имели представления. Но воевать и Кэппулы, и Монлезье умели неплохо.

Обоим семействам (вернее, к 1821 году – уже кланам) довелось в свое время пострадать за веру. Кэппулы, в иные времена звавшиеся Кэппуэллами, происходили из твердокаменных шотландских пуритан, сторонников Ковенанта, – и уехали в Новый Свет от преследований безбожных Стюартов. Чистоту веры (и ненависть к посягавшим на нее) Кэппулы соблюли

и здесь. В Новой Англии, в достаточно просторном и уже тогда веротерпимом Коннектикуте, суровые Кэппулы не ужились. Слишком много безбожной швали роилось вокруг – начиная от баптистов и заканчивая моравскими братьями. И пуритане в числе первопроходцев-фронтирьеров свершили новый Исход. Двинулись на запад – к Миссисипи и прериям. Мужчины шагали, стиснув ружья и распевая псалмы на мотив походных маршей. Женщины и дети ехали в фургонах...

Подыскали землю обетованную пилигримы лишь в Иллинойсе – на восточном берегу реки с многосложным и непроизносимым индейским названием, тут же переименованной ими в Клайд-Ривер. Впрочем, мужчинам Кэппулам, умевшим и любившим повоевать, еще пришлось вернуться в Новую Англию во время Войны за независимость – вернуться и показать безбожным ганноверцам, как умеют пуритане стоять под пулями и выдерживать атаки конницы.

Хотя к тому времени, когда на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий на западном берегу Клайд-Ривер появились первые Монлезье, первоначальная твердость ковенантеров несколько смягчилась. В общину вливались, роднясь с Кэппулами, все новые семейства, пришедшие с востока. Соглашаясь разделить веру первых поселенцев Клайд-Ривер, их угрюмой нетерпимостью они отнюдь не страдали...

Монлезье же происходили из французских гугенотов. Кое-кто из их поздних потомков пытался доказать, что предки именовались когда-то де Монлезье, утратив дворянскую частицу лишь в колониях, не признающих аристократической спеси. Однако несколько семейств из луарского местечка Монлезье дворянами никогда не были – типичное «третье сословие», радившее виноград, делавшее из него вино и торговавшее всем, что подвернется под руку. Страдать за веру отцов Монлезье на своей исторической родине не спешили – дружно перешли в католичество еще до отмены Нантского эдикта, едва почувствовав, что их протестантизм начинает вредить торговым интересам. Не помогло: конкуренты-католики Варфоломеевских ночей им не устраивали, но вредили, как могли, в том числе и при помощи королевских чиновников, которые не доверяли блудным детям, вернувшимся в лоно римской церкви.

Кончилось тем, что Монлезье подались за океан – столь же дружно, как и меняли веру. Одноименный крохотный городок опустел в одночасье. Во французской тогда Луизиане ново-прибывшие первым делом решили, что раз Парижа им не видать, то и к мессе ходить, и латинские молитвы учить незачем. Решили и послали римскую блудницу туда, где блудницам место. И вновь стали общаться с Всевышним по-французски, в своем молельном доме.

А чуть оглядевшись, они убедились, что растить здесь хлопок – руками негров-рабов – куда выгодней, чем привычный виноград. И весьма преуспели в новой отрасли сельского хозяйства. Впрочем, не только в ней – коммерческими способностями Монлезье всегда отличались. Их торговые бригады и шхуны бороздили воды Карибского моря – и порой, обзаведясь каперским свидетельством (а то и без такового), мирные купцы Монлезье откладывали гробовые и счета, брались за абордажные сабли и превращались в подлинный бич морских путей между Вест-Индией и Старым Светом. Реяли их вымпелы и у берегов Гвинейского залива – самим добывать «черную слоновую кость» для своих плантаций было куда выгоднее, чем покупать у других искателей удачи...

Тревожный сигнал для них прозвучал, когда на покинутой родине революционный Конвент отменил рабство – в том числе и во французских колониях. Возможно, происходившие из третьего сословия Монлезье разделяли отчасти идеи свободы, равенства и братства. Возможно, они даже радовались, когда запущенные на полную мощность гильотины начали истреблять потомков их притеснителей. Но рабство – тут уж извините. Это святое. Какая еще свобода для негров? Какое еще с ними братство и равенство?

Другие известия из метрополии (например, о попытках регулировать декретами цены свободного рынка) тоже не вызывали энтузиазма – даже у тех Монлезье, кто хлопковым бизне-

сом не занимался. Не дожидаясь, пока руки непредсказуемого Робеспьера дойдут до колоний, Монлезье стали подумывать, как бы перебраться из-под триколора под сень звездно-полосатого флага – благо в Штатах аболиционисты считались пока наивными чудаками, а Джона Брауна и Эйба Линкольна не существовало даже в проекте. И Монлезье-разведчики двинулись вверх по великой реке Миссисипи.

Тогда-то и появились в Иллинойсе, на западном берегу Клайд-Ривер, первые французы. А вскоре они привели за собой часть клана луизианских плантаторов и коммерсантов – самую боевую и легкую на подъем. Впрочем, французами их можно было назвать уже с натяжкой – немалая часть креольской крови в жилах Монлезье позволяла предположить, что идеи равенства с цветными расами иногда находили-таки отклик в гугенотских сердцах, – если представительницы помянутых рас отличались молодостью и красотой.

Кэппулы встретили новых соседей, поселившихся за рекой, не то чтобы радушно, но спокойно – земли в Иллинойсе в те годы хватало всем. Интересы двух кланов даже дополняли друг друга: вновь прибывшие по привычке занимались торговлей и земледелием, лишь сменив хлопок на сахарную свеклу, подсолнечник, маис и пшеницу, Кэппулы же традиционно отдавали предпочтение скотоводству и принимали более чем активное участие в становлении и бурном развитии молодой американской промышленности – кожевни, принадлежащие членам клана, разрастались в кожевенные заводы, маслодавильни – в заводы масляные.

Поселения на обоих берегах Клайд-Ривер росли, связи между ними становились все более тесными – сырье с принадлежавших Монлезье плантаций превращалось на заводах Кэппулов в товары, расходившиеся по Миссисипи и ее притокам на баржах и барках, владельцами коих были опять же соседи-французы. . . Берега реки, помимо привычного парома, связал деревянный мост – ежегодно сносимый весенним половодьем и восстанавливаемый совместными усилиями. По мосту постоянно грохотали груженные фургоны – и порой им приходилось по часу ждать в очереди на проезд.

Все чаще поговаривали, что стоит связать берега Клайд-Ривер еще одним мостом, капитальным, способным выдержать любой паводок. Называли даже наиболее удобное место для его постройки – через безымянный остров, разделивший Клайд-Ривер на две более узких протоки. . .

Но второй мост так никогда и не был построен.

Остров же стал причиной того, что 27 июня 1821 года полковник Илайя Кэппул схватился за пробитую двумя пулями из «дерринджера» грудь – и медленно оплыл под копыта своего коня, не успев отвязать поводья от коновязи. А его убийца, Робер Монлезье, убрал в жилетный карман крохотный, отделанный серебром дуствольный пистолетик, повернулся и ушел размеренным твердым шагом.

Так прозвучали первые выстрелы Второй Столетней войны.

2

Самым внимательным образом изучив расписание поездов и самолетов, мы с Кеннеди отправились в Иллинойс по железной дороге – иначе после прилета нам пришлось бы почти сутки любоваться местными архитектурными красотами в ожидании начала свадебной церемонии. Я сомневалась, что в этом отношении Ост-Кемпен мог потягаться с Венецией или Санкт-Петербургом. И настояла на поезде.

Мы не прогадали, поскольку нашим соседом по купе оказался некий мистер Монлезье-Луер, преподававший историю в университете Северной Каролины. Профессора истории бывают разные – достаточно вспомнить фильмы про Индиану Джонса. Наш попутчик, правда, не носил мятую шляпу и не размахивал хлыстом по любому поводу. Но удивить сумел с первых минут знакомства:

– О! Мадам и мсье тоже едут в Кемпен, на «свадьбу тысячелетия»?

Кемпен в его устах прозвучал как «Кемпье». Мы с Кеннеди переглянулись. Вариантов имелось ровно два: либо Кеннеди, стоило мне отвернуться, успел проболтаться на вокзале носильщику или проводнику, либо мы столкнулись с гением дедукции...

Мой коллега изобразил несложную пантомиму, свидетельствующую, что он был нем как рыба.

– На свадьбу, – подтвердила я, решив, что особого криминала в этом нет. И спросила сама: – Извините, но что позволило вам прийти к этому выводу?

– Элементарная наблюдательность, мадам...

– Мадемуазель, – поправила я.

– Элементарная наблюдательность, мадемуазель, и банальная житейская логика. Когда ваш спутник доставал из бумажника билеты, я увидел лежавшее там приглашение. Точь-в-точь такое лежит в моем кармане.

Мы познакомились и разговорились с наблюдательным и банально логичным профессором. Узнав, что мы представляем детективное агентство (Кеннеди никогда не упускал случая сделать бесплатную рекламу «Бейкер-стриту») и будем присутствовать на свадьбе в профессиональном качестве, Монлезье сказал задумчиво:

– Неужели Джошуа Кэппул опасается, что Столетняя война может вспыхнуть вновь?

Я усомнилась:

– Едва ли. Не думаю, что Елизавета Вторая Виндзорская все еще претендует на французские земли. У нее есть более насущные заботы: отстоять Гибралтар от испанцев, не позволить аргентинцам вновь попытать судьбу на Фолклендах...

– Да нет же! – экспрессивным жестом профессор пресек мои рассуждения. – При чем здесь та Столетняя война? Я имею в виду другую, начавшуюся с того, что в 1821 году Робер Монлезье застрелил полковника Кэппула. Удивительное дело – Илайя Кэппул без единой царапины прошел войну с англичанами и три войны с индейцами – в том числе первую семинольскую, а там было куда как жарко... И надо же – в двух милях от своего дома не уберется... А последние выстрелы Столетней войны прозвучали в 1930 году – и вновь у самого родового гнезда Кэппулов.

– Получается Сто-с-лишним-летняя война! – продемонстрировал Кеннеди хорошее знание арифметики и посредственное – истории.

О чем я и намекнула ему с присущим мне тактом:

– Кеннеди... Всем известная Столетняя война тянулась еще дольше – целых сто шестнадцать лет! Тебе стоило реже посещать оксфордские пабы и чаще – лекции по истории!

Чтобы замаять конфуз моего коллеги, профессор поспешно продолжил:

– Мы едем не просто на свадьбу. Это династический брак, призванный поставить последнюю точку в давней расправе – потому что после того, как перестали грохотать выстрелы, еще семь десятилетий длилась война «холодная»...

Честно говоря, мне все это не понравилось. Вдруг у кого-то из гостей действительно не выдержат нервы? Я поежилась, представив, как они выхватывают из-под фраков и смокингов тайком пронесенное оружие и начинают сводить счета более чем вековой давности...

И спросила:

– А из-за чего началась столь затяжная ссора? Надеюсь, причина достойная?

– Началось все из-за пустяка, – вздохнул профессор. – Из-за еще одного сахарного завода, который решил построить полковник Кэппул...

Столетняя война II

Когда полковник Илайя Кэппул решил поставить еще один сахарный завод в дополнение к шести, уже имеющимся в его собственности, и поставить его на том самом острове, который, по слухам, предполагалось использовать для возведения капитального, не сносимого половодьями моста через Клайд, – короче говоря, в начале 1821 года, – отношения между кланами Кэппулов и Монлезье были наиболее дружескими за все годы их соседства. При размежевании земель штата владения и Кэппулов, и Монлезье вошли в один округ Кемпен – и поселения на противоположных берегах Клайда стали совокупно именоваться городом Кемпеном. Разбитым, правда, на две части: Ост-Кемпен и Вест-Кемпье – но такое бывает и с более крупными городами.

Шли разговоры, что в недалеком будущем одна из подрастающих дочерей-красавиц Робера Монлезье станет женой старшего сына полковника Кэппула – чем будет положено начало еще более тесному единению двух кланов. Но, возможно, то были лишь сплетни.

Как бы то ни было, отношения между главами кланов казались весьма дружескими. Раз в неделю или мсье Робер ездил в гости к полковнику, или тот отдавал визит приятелю. Они проводили вечера за игрой в экарте – к данному занятию Илайя Кэппул пристрастился как раз благодаря Роберу Монлезье. Без сомнения, это свидетельствует, насколько выдохлась в Новом Свете старая пуританская закваска – бывлые Кэппуэллы и подумать не могли о подобном бесовском развлечении.

Именно с картами в руках Робер Монлезье и узнал о намерении полковника поставить еще один сахарный завод в дополнение к шести уже имеющимся. Поставить на острове, разделяющем Клайд на две почти равных по ширине протоки.

– Хорошая мысль, – одобрил мсье Робер, затянувшись сигарой. – Все равно толку от этого клочка земли никакого. Ни под вспашку, ни под пастбище... Большая часть острова – болото, меньшая – каменистый холм. А под завод, пожалуй, подойдет – и вода рядом, и выгружать сырье с барок удобно, и грузить на них готовый товар... Но, дорогой полковник, вам стоило бы – просто так, чисто для проформы – спросить моего разрешения... Ан-карт! – добавил он, «убив» королем полковничьего валета; в той партии Монлезье понтировал.

– Я не понимаю, дорогой Робер, с какой стати я должен спрашивать чьего-либо разрешения на то, чтобы поставить на своей земле свой завод. При всем уважении к вам – не понимаю...

Сказав это, полковник налил себе виски (с собственного винокуренного завода, выдержанный полтора десятка лет в обожженной изнутри дубовой бочке – не на продажу, для себя) и начал новую раздачу.

– Извините, дорогой полковник, но остров – это *моя* земля! – холодка в голосе Монлезье добавилось. – Сорок долларов на табле-труа!

Последние слова он сказал излишне громко. И шлепнул две двадцатидолларовые монеты на зеленое сукно чересчур резко.

Полковник, напротив, заговорил гораздо тише. Но приятнее его слова от этого не стали:

– С каких это пор ваша? – Привычного «дорогой Робер» теперь не прозвучало. – Ваши земли по левому берегу, мои по правому. Остров ближе к правому, если у вас имеются в том сомнения – можно пригласить землемера и произвести съемку. Остров мой.

Монлезье только что собирался свести все к шутке – и поставить вместо пятидесяти долларов на «табле-кятро» свое право на островок (честно говоря, совершенно ему ненужный). Но слова полковника – тихие, неприятные, очень серьезные – мгновенно заставили француза изменить решение.

– Границы между территориями проводятся вовсе не так! – громко и резко возразил он, тоже позабыв про обращение «дорогой полковник». – Линией границы, идущей по реке, считается фарватер! И любому, имеющему нормальное зрение, хорошо видно, с какой стороны обходят мои барки остров! С правой! Это моя земля!

Надо сказать, что полковник был изрядно близорук. Но очков не носил, тщательно скрывая сей недостаток. Намек мсье Робера заставил Илайю Кэппула побагроветь. К тому же если формально Монлезье и был прав, говоря о границах, проводимых по фарватеру, то на практике все обстояло несколько сложнее. Своенравная река, разделившая их земли, часто меняла свое русло, обрушивая весенним напором берега, намывая новые косы и отмели, – и второстепенные протоки нередко становились вдруг основными. Но к тому времени, когда зашел разговор о правах на остров, разделенные им протоки были с точки зрения речного судоходства совершенно равнозначны. Суда, принадлежавшие Монлезье, действительно чаще проплывали по правому рукаву, но не вследствие его большей глубины – просто на том берегу располагались причалы многочисленных заводов и заводиков клана Кэппулов...

– Ах, твои барки... – прошипел полковник. – Значит, ты давно положил глаз на мою землю... Недаром говорят, что француз и в болоте найдет, чем поживиться...

Слово «лягушатник» не было произнесено. Но вполне подразумевалось.

Монлезье вскочил. Смахнул со стола карты и деньги. Упавшая свеча зашипела в лужице разлитого виски.

– Я отдал бы тебе остров бесплатно, старый спесивый гусак! БЕС-ПЛАТ-НО!!! – прорычал мсье Робер. – А теперь – черта с два! Любой суд подтвердит, чья это земля! И под твой сраный завод тебе придется поискать другое место!!!

– Как ты меня назвал? – спросил полковник тихо и страшно.

– Гусак! Goose! Gander!!!

Полковник тоже оказался на ногах. Голос он так и не повысил:

– Вон отсюда. И в жизни не встречайся на моем пути, жабоед. Встретишься – раздавлю. Спустя несколько дней в окружном суде Кемпена лежало два встречных иска.

4

Похоже, в профессоре Монлезье-Луере дремал писательский дар. Кеннеди спросил:

– Кто-то из участников той ссоры за картами оставил ее описание?

Профессор скромно улыбнулся:

– Нет, не успел ни тот, ни другой. Это, извините, моя реконструкция.

(То-то мне этот «гусак» показался смутно знакомым! Очевидно, в своих «реконструкциях» профессор всю использовал литературную классику.)

У Кеннеди проснулся профессиональный интерес к делу. По крайней мере, вопросы он стал задавать так, словно перед ним был клиент, пришедший в «Бейкер-стрит, 221».

– Но почему дело дошло до стрельбы? Как я понял, они ведь попытались разрешить дело цивилизованно, через суд.

– В те годы зачастую так и происходило – дело решалось в суде, а после проигравшая процесс сторона бралась за оружие. Суд по большому счету лишь решал – чей выстрел будет первым. Окружным судьей в Кемпене был тогда некто Роллингс, не принадлежавший ни к одному клану. В мелких, бытовых конфликтах, случавшихся до того между жителями правого и левого берега Клайда, он старался разбираться объективно. В 1821 году судья оказался в очень сложном положении – но хотя бы попытался разрешить конфликт, не допустив кровопролития...

Столетняя война III

Судья Роллингс оказался в сложном положении – но честно старался не доводить дело до кровопролития. Все попытки разрешить дело миром до начала процесса провалились. А любое судебное решение – даже провести границу ровно посередине спорного острова – во-первых, давало повод для затяжной вендетты, во-вторых, создавало судье могущественных врагов.

Пока Роллингс ломал голову, судебный процесс начался. Главными свидетелями на нем выступали лодочники, плотгоны и лоцманы с Клайд-Ривер. Тем из них, кто носил фамилию Монлезье (вернее, первую часть фамилии – чтобы не путаться, многочисленные иллинойские ответвления клана именовались Монлезье-Нуар и Монлезье-Бланш, Монлезье-Дюбуа и Монлезье-Деривьер и т. д. и т. п.), – словом, всем этим Монлезье-Имярек адвокаты Кэппула мгновенно давали отвод. В результате независимые речники разделились на три примерно равных части. Одни утверждали, что фарватер проходит слева от острова. Другие – что справа. Третьи говорили, что рукава реки равны между собой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.